

ВОЙНА И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ

IX ТОКАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ИЗДАЕТСЯ ФОНДОМ
ИМ. СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

МИНОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Институт истории и международных отношений
Министерство культуры Ростовской области
ГБУК РО «Новочеркасский музей истории донского казачества»
ВКО «Всевеликое Войско Донское»
Фонд имени священника Илии Попова
Ассоциация (Союз) содействия организации Фестиваля казачьих
национальных видов спорта и народного творчества «Шермиции»

ВОЙНА И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ

**«КАЗАЧЕСТВО РОССИИ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ:
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(К 80-летию со дня рождения выдающегося
историка казачества В.Н. Королева)»**

IX ТОКАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Альтаир
г. Ростов-на-Дону
2021

ББК 68,3+71.1
УДК 355.01
В-65

Редакционная коллегия:

Бойко А.Л., к.и.н., доцент кафедры археологии и истории древнего мира ИИМО ЮФУ;
Шалак М.Е., к.и.н., доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения ИИМО ЮФУ;
Яровой А.В., д.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Азово-Черноморского инженерного института Донского государственного аграрного университета в г. Зернограде.

В-65 **Война и воинские традиции в культурах народов Юга России** (IX Токаревские чтения) «Казачество России между Европой и Азией: опыт исторического и культурного взаимодействия (К 80-летию со дня рождения выдающегося историка казачества В.Н. Королева)»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 9 октября 2020 г.) / Отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, д.ф.н. А.В. Яровой. – Ростов н/Д.: Изд-во «Альтаир», 2021. -160 с.

ISBN 978-5-91951-654-5

В сборник включены материалы Всероссийской научно-практической конференции «Война и воинские традиции в культурах народов Юга России» (VIII Токаревские чтения), проходившей 9 октября 2020 г. на базе Института истории и международных отношений ЮФУ. Конференция посвящена памяти историка казачества В.Н. Королева (1940–2005 гг.), крупнейшего отечественного специалиста по истории морских походов донских и запорожских казаков, донских казачьих поселений, различных страниц истории и культуры Дона.

Доклады конференции освещают темы войны и воинских традиций в истории народов Юга России и ряда сопредельных территорий.

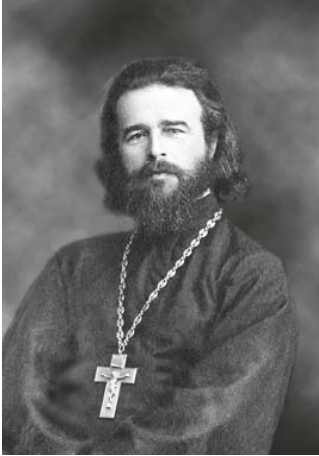
Сборник предназначен для специалистов в области военной истории, культурологии, социологии и археологии. В качестве учебного пособия может быть использован студентами гуманитарных факультетов вузов.

Для оформления обложки использована украинская народная картина «Казак-мамай» из собрания Государственного музея украинского изобразительного искусства (г. Киев), представленная в комплекте открыток «Украинские народные картины» «"Кзаки-мамай"» серии «Хранится в музеях СССР». Ленинград, Изд-во «Аврора», 1975.

**Дирекция ИИМО ЮФУ благодарит Фонд
имени священника Илии Попова
за финансовую помощь в создании сборника**

ISBN 978-5-91951-654-5

© ИИМО ЮФУ, составление, 2021
© Авторы статей, 2021

Священник Илия Попов 1871–1937

Священник Илия Попов, сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц трёх округов Области Войска Донского, с 1916 года – в станице Великокняжеской (с 1925 года – станица Пролетарская). После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма Мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в День Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года.

В настоящее время материалы к канонизации священника Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении в Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

*Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)*

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

В 2013 году была создана Донская региональная благотворительная общественная организация имени священника Илии Попова, которая осуществляет научную, культурно-просветительскую, благотворительную деятельность, способствующую прославлению подвига новомучеников.

**Владимир Николаевич Королев
(1940–2005 гг.)
Доктор исторических наук, профессор.**

**РАЗДЕЛ I.
ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В.Н. КОРОЛЕВА**

Н.А. Мининков, М.Е. Шалак (Ростов-на-Дону)

**ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
В ТРУДАХ В.Н. КОРОЛЕВА**

В нынешнем году исполняется 80 лет со дня рождения выдающегося российского и донского историка В.Н. Королева. Его исследования истории донского казачества пользовались огромным интересом со стороны историков казачества и более широкой читательской аудитории. К его трудам читателя привлекал их постановка слабо исследованной и неисследованной проблематики и высокий научный уровень, заключающийся в прекрасном знании отечественной и зарубежной историографии и привлечение самого широкого круга разнообразных источников. Еще одной характерной чертой трудов ученого является широкое использование вспомогательных исторических дисциплин, в том числе исторической географии [1, с.166,169] и исторической картографии. Это дает ему возможность более четко и конкретно представить, как разворачивались события, явления и процессы, поставить свое исследование на прочную научную основу, поскольку история как наука предполагает необходимость ответа на вопрос не только о том, когда происходили события, но и определить их географическую локализацию.

Поскольку такая возможность наступает не всегда, но при наличии историко-географических источников, В.Н. Королев уделял самое значительное внимание поиску и анализу этих источников. На подобный поиск его направляли важнейшие исследовательские темы, которым он уделил свое внимание. Это – история донских казачьих городков и история морских походов донских и запорожских казаков на район Босфора и османской столицы. Среди источников были прежде всего картографические, сосредоточенные в материалах, собранных В.А. Кордтом, а также «Новая чертежная книга реки Дон», изданная вице-адмиралом К. Крюйсом в начале XVIII в. в Амстердаме. Это также карты Земли донских казаков, относящиеся к XVIII в., из фонда 192 Картографического отдела библиотеки МГАМИД в РГАДА. К картографическим источникам примыкают по своему значению списки казачьих городков, которые также использовал В.Н. Королев. Среди них справочник-дорожник середины XVII в. и разнообразные списки из других источников. Наравне с этими источниками по своему значению в качестве списка казачьих городков использованы походные журналы Петра I, составлявшиеся во время Азовских походов и в более позднее время. Среди источников, представляющих общий геогра-

фический облик земли войска Донского, В.Н. Королев использовал «Книгу Большому Чертежу». К историко-географическим источникам по истории донских казачьих поселений относятся не только их карты и списки, в которых фиксируется факт существования поселения, но и источники описательные. В них не только фиксируется факт существования поселений, но имеется сведения о них и об отдельных событиях, связанных с ними. В.Н. Королев внимательно проработал эти источники, которые позволили создать более полную картину поселений донских казаков и отчасти внутренней жизни этих поселений.

Структура книги В.Н. Королева о донских казачьих городках в полной мере историко-географическая. В предшествовавших исследованиях она строилась таким образом, что была направлена на изучение процесса заселения Земли донских казаков, динамики численности и состава ее населения, и частью такой структуры была история формирования и развития казачьих поселений. В.Н. Королев перестроил структуру исследования заселения и населения Дона в период существования казачьих городков, поставив эти городки за основу этой структуры. Монография, состоящая из очерков об отдельных казачьих городках, способна дать наиболее четкое представление об этих поселениях. Можно сказать, что такая структура книги была удачно найдена В.Н. Королевым и направляла внимание читателя непосредственно на главную ее тему – на казачьи городки.

Изучение географии расположения казачьих городков требовало от В.Н. Королева решения ряда источниковедческих вопросов. Ярким примером решения подобного вопроса является исследование соответствия в названиях казачьих городков, которые приводились турецким путешественником Эвлией Челеби, и традиционными названиями этих городков, принятыми в русских источниках. До исследования В.Н. Королева историки не находили какой-либо закономерности при упоминании Эвлией казачьих городков по Дону. В.Н. Королев увидел такую закономерность в том, что городки у Эвлии расположены не беспорядочно, но в строгом порядке, поскольку Эвлия в 1669 г. следовал по зимнему пути вниз по Дону от Волго-Донской Переволоки до турецкого Азова. Из этого следовало, что каждый последующий городок находился по Дону ниже предыдущего. С Эвлией В.Н. Королев был склонен согласиться в том, что казачьи городки турецкий автор описывал как довольно значительные крепости с деревянными укреплениями и с артиллерией [3, с. 96, 98-100].

Еще одним историко-географическим вопросом, относящимся к войску Донскому первой половины XVII в., является вопрос о местонахождении городка, известного по источникам как Стыдное Имя. Этот городок также называется в источниках Ебок, как это и указано в книге В.Н. Королева, или под другими названиями, близкими по звучанию. Не удивительно, что еще одним историко-географическим и топонимическим вопросом является название. Что касается названия, то В.Н. Королев привел разные точки зрения

по этому опросу. В общем, он не исключал того, что казаки – это «прагматики и сугубые реалисты». У них «юмор был хлестким и безудержным». Это «выразилось во многих «неприличных» прозвищах, фамилиях, топонимах». «Необычным», – писал он, «было, скорее, "ненормативное" наименование центра, а не рядового городка». Но он также не исключал, что название имело тюркскую основу, которую «переименовали на "казачий лад"», от турецкого «ёбэк» – «куча, груда, группа». Как отметил В.Н. Королев, «Стыдное Имя» нередко отождествляли с Атаманским городком. Точного местонахождения городка он не приводил. Но для него было очевидно, что расположение этого городка вблизи более поздней станицы Аксайской, но не ниже, на Мертвом Донце или, наоборот, выше, на Махине острове [4, с.65].

К наиболее ранним центрам казачества на Дону, существовавшим еще во второй половине XVI в., относился городок Раздоры. В.Н. Королев, решая вопрос о локализации городка, сделал анализ выводов археологических экспедиций З.А. Виткова и более поздней А.Р. Смоляка, согласно которым казачий городок располагался в юго-западной части донского острова Перечного. В.Н. Королев указывал, что ситуация на картах XIX в. была иной, чем в XVII в., а река Дон проходила там, где в более позднее время проходило руло Старый Дон. Он также отметил, что старый городок Раздоры и новые Раздоры, поставленные в 1643 г., располагались в разных местах. Расположение старого городка на низком и скрытом месте было выгодным с оборонительной точки зрения, но опасным в связи с половодьями. Новый городок ставился в 1643 г. уже на более высоком месте, но при этом существовала угроза обстрела его с возвышенностей на правом берегу Дона. В.Н. Королев также подчеркивал, что на территории современной станицы Раздорской выявлен культурный слой, возможно, относящийся к XVII–XVIII вв. [4, с.161-164].

Один из историко-географических вопросов, относящихся к восстанию под предводительством Кондратия Булавина и исследованный В.Н. Королевым, был вопрос о месте сражения 9 апреля 1708 г., когда восставшие разбили старшинское войско и двинулись вниз по Дону к Черкасску. Упоминание о месте сражения «в Лискиных вершинах» соответствовало, верховьям небольшой и пересыхающей речки Лисковатки [4, с.154], которая впадала ранее в реку Чир, а в настоящее время в Цимлянское водохранилище.

В качестве особого и своеобразного историко-географического источника В.Н.Королев использовал народное предание о воровском городке Чигонаки, которое предание помещало недалеко от устья Хопра. В этом предании, помещенном М.А.Шолоховым в «Тихом Доне», В.Н. Королев, прекрасно знавший историю своего родного Вешенского (Шолоховского) района, посчитал возможным выделить известие, которое может претендовать на достоверность. Он справедливо заметил, что казачий городок Чигонаки не встречается в письменных источниках. Однако вблизи городка Решетова, который был по Дону выше городка Вешки, встречается, как он

отметил, Чигонацкий бугор, а позже возник хутор Чигонаки Вешенской станицы. Он выдвинул гипотезу, согласно которой городок Решетов имел второе наименование – городка Чигонацкого [4, с.45].

Не только локализация, но и вопросы топонимики некоторых казачьих городков стали частью исследования В.Н. Королева. Такое его внимание к топонимики не случайно. Понимание происхождения и смысла в названиях городков позволяет более полно понять связь этих названий с их географическим положением, с их событийной и этнической историей. При этом В.Н. Королев совершенно правомерно далеко не всегда претендовал на полное и окончательное решение исключительно сложного вопроса о происхождении названий городков. В отдельных случаях такое происхождение для него было очевидно, как, например, относительно городка Елань, или позднейшей станицы Еланской, которое восходит к тюркскому «алан» – открытое место, или «йьлан» – змея, поскольку извилистая речка называлась змею [4, с.66]. То же самое – по городку Голубые, названному по небольшому притоку Дона с соответствующим названием [4, с.52]. В других случаях он приводил варианты происхождения названий, как, например, в случае с городками Багай, Вешки, Есаулов или Курман Яр – Верхний или Нижний, с другими городками. Во всяком случае, тем самым В.Н. Королев указывал на то, что вопросы, относящиеся к географическим названиям донских казачьих поселений, не имеют бесспорного истолкования и возможны в этом вопросе разные варианты.

В историографии донского казачества исследование В.Н. Королева о донских казачьих городках – наиболее значительное из относящихся к истории ранних казачьих поселений. Вместе с тем вопросам исторической географии он уделил самое значительное внимание в своем исследовании «Босфорской войны». Под «Босфорской войной» В.Н. Королев понимал один из театров морской войны казаков XVI–XVII вв. в Азово-Черноморском бассейне, развернувшийся на Босфоре и в Прибосфорском районе. Этот участок боевых действий запорожских и донских казаков имел чрезвычайное значение, поскольку захватывал «сердце» Османской империи, включая её столицу – Стамбул [2, с.3]. Хронологические рамки войны ученый ограничивает 1613–1659 гг. (первый и последний из известных казачьих набегов в Прибосфорский район). Причем в центре внимания исследования В.Н. Королева находятся нападения казаков непосредственно на сам Босфор, продолжавшиеся с 1615 по 1654 г. Хотя автор и оговаривает, что он будет рассматривать время как до 1613 г., когда создавались предпосылки для казачьих походов, так и несколько десятилетий после 1659 г., когда в Стамбуле ещё ожидали новых приходов казаков [2, с.31].

Географические рамки Босфорской войны вытекают из названия и охватывают военные действия казаков, разворачивающиеся в водах и на побережье Босфорского пролива от его черноморского устья до Мраморного моря, включая и залив Золотой Рог. В более широком плане географические

рамки военных действий охватывали весь Прибосфорский исторический район, под которым В.Н. Королев понимал прилегающие к устьям пролива воды и побережье Черного моря примерно на 200 км. по прямой по обе стороны, соответственно до Эрегли (Карадениз Эрегли – *прим. авт.*) и Бургаса [2, с. 31–32]. Кроме того, сюда же относится и северная часть Мраморного моря. В эпоху позднего средневековья все эти территории принадлежала Османской империи и являлась прилегающим районом Стамбула. Сегодня это побережья турецких илей Стамбула, Коджаэли, Сакарьи, Болу, Зонгулдака и Кыркларели, а также Бургасской области Болгарии. В своей монографии В.Н. Королев не ограничивается только указанным географическим регионом. Он резонно замечает, что логическим развитием военных действий казаков были их выходы в Средиземное море, поэтому рассматривает продолжение войны за Босфором, в средиземноморских водах [2, с. 32].

Кроме огромного комплекса документальных и нарративных источников, В.Н. Королев в своем изучении Босфорской войны широко привлекал военно-географические описания и обзоры региона, правда, составленные довольно поздно (XIX – нач. XX вв.), но, тем ни менее, дающие определенный сравнительно-исторический материал. Здесь стоит назвать работы российских офицеров Генштаба, детально описывавшие природные и географические особенности Босфора и Прибосфорского района, турецкие крепости и побережье с точки зрения возможной высадки русского десанта в предстоящей войне [2, с.58]. Использовались В.Н. Королевым и общие географические описания Босфорского региона. Для воссоздания более полного представления об исторической географии Босфорской войны казачевед Королев не смог обойтись без привлечения статистических описаний Донской земли. В.Н. Королев изучил также всевозможные лоции Черного моря XIX–XX вв., военно-статистические обзоры, географические описания Черноморского бассейна и издания справочного характера. Таким образом, мы видим, насколько детально историк подошел к привлечению различных типов историко-географических источников, помогающих ему во всей полноте раскрыть содержание объекта своего исследования.

Перед тем, как непосредственно перейти к освящению событий Босфорской войны, В.Н. Королев подробнейшим образом показывает процесс расширения границ Османского государства, особенно детально останавливаясь на его продвижении в Азово-Черноморском бассейне [2, с. 65]. Ученый начинает отчет с 1210-х гг., когда турки захватили Восточную Пафлагонию у Трапезундской империи и вышли к Черному морю. В 1360 г. османы завладели и Западной Пафлагонией, отторгнув её у Византии. После того, как в 1361 г. турки овладели Адрианополем (Эдирне), началось планомерное завоевание побережья Румелии. С 1385 по 1397 гг. было подчинено всё болгарское (западное) побережье Черного моря. После падения Константинополя в 1453 г., всё Южное Причерноморье и Босфор с обоими берегами навсегда вошли в состав Турции. Спустя двадцать

два года флот султана Мехмеда II Фатиха захватил итальянские колонии в Крыму – Кафу, Воспро (Керчь), Чембало (Балаклаву), Солдайю (Судак), Мангупское княжество, Тану (Азов) в дельте Дона, а также Матрегу (Тамань), Мапу (Анапу) и Копу на Кубани [2, с. 66].

В.Н. Королев считал, что в том же 1475 г. Крымское ханство стало «вассальным образованием в составе Османского государства» [2, с. 66]. На самом деле, только с возведением Менгли Гирея на крымский престол в 1478 г. можно говорить об оформлении новой системы отношений между Османским государством и Крымским ханством – отношений господства и подчинения. Сам автор пишет, что все Черноморские порты Крыма отошли к Турции в 1478 г., за исключением Гёзлева (Евпатории), оставленной крымскому ханству [2, с. 66]. Действительно, Гёзлев был единственным портовым городом ханства, ставший таковым при хане Сахиб Гирее, получившим разрешение на строительство здесь причала у султана Сулеймана I в 1539/1540 г.

Сразу после установления османского господства в Крыму черноморское побережье между устьями Днепра и Днестра отошло к Крымскому ханству, а следовательно, заключает историк, к Турции [2, с. 66]. В 1492 г. в устье Днепра Менгли Гиреем была возведена крепость в Очакове. Практически в это же время, в 1484 г. османы оккупировали принадлежавшие ранее Молдавии Килию и Аккерман – главнейшие в стратегическом отношении пункты в устьях Дуная и Днестра.

На противоположной стороне, в 1461 г., после падения Трапезундской империи, в состав Османского государства вошло юго-восточное побережье Черного моря. Продвигаясь дальше с юга вдоль восточного побережья Черного моря, Турция присоединила в 1555 г. Гурию и Мегрелию. В 70-х гг. XVI в. турки построили крепости Сухум, Баладаг (Гагру) и укрепления в устье Риони. Как справедливо замечает В.Н. Королев, османам не удалось полностью покорить все адыгские и абхазские племена на протяжении XVI–XVII вв., но прибрежная полоса между Керченским проливом и Мегрелией юридически принадлежала Турции.

По мнению В.Н. Королева Кафинская провинция (лива или эялет) была образована в 1568 г. и включала в себя все северопричерноморские владения османов [2, с.67]. Полный же контроль над всем Азово-Черноморским бассейном османы установили только с 70-х гг. XVI в., когда ими было покорено Восточное Причерноморье. Как писал В.Н. Королев, с этого времени доступ в море для иностранных судов был совершенно закрыт, и плавать можно было только под турецким флагом. Местное, «туземное» судоходство разрешалось лишь на основе признания соответствующими территориями османского сюзеренитета и под контролем турецких властей. Таким образом, по заключению ученого, Азово-Черноморский бассейн на долго превратился в османское «внутреннее озеро» [2, с. 68].

Однако, как уточняет В.Н. Королев, из-за казаков это был не совсем полный контроль и не совсем полное владение. В этой связи следует обра-

туть внимание ещё на один историко-географический аспект исследования В.Н. Королева – а именно на тщательнейшее изучение ученым путей плавания по Черному морю и детальному воссозданию маршрутов казачьих плаваний. Как справедливо он полагал, это поможет конкретнее представить, каким образом казаки оказались на Босфоре и регулярно приходили туда в течении десятилетий [2, с. 157].

Подробнейшим образом В.Н. Королев останавливается на изучении морских течений в Черном море, которые не могли не учитывать мореходы. Так, основное течение опоясывает всю акваторию моря кольцом, параллельно его побережью, в направлении против часовой стрелки. В центральной части моря имеются два обширных круговорота (восточный и западный), течение в которых также идет против часовой стрелки. Восточный круговорот отделяется от основного течения юго-восточнее Крымского полуострова, на долготе Судака и Феодосии, идет на юг и сливается с основным течением у побережья Анатолии, в районе Синопа. Западный круговорот отходит от основного течения у берегов Анатолии, у мыса Керемпе, идет на север и сливается с основным течением западнее южной оконечности Крымского полуострова [2, с. 157].

Следовательно, заключает автор, используя течения для экономии времени, суда должны были ходить вокруг Черного моря от Керченского пролива мимо Крымского полуострова, вдоль берегов Румелии к Босфору, и обратно – вдоль берегов Анатолии и Кавказа. Но, как показывает ученый, ещё в древности был открыт кратчайший путь поперек Черного моря от мыса Карамбия (Керемпе) до мыса Крию Метопона (Аю-Даг) в Крыму, который древние суда проходили за 1 – 3 суток [2, с. 158].

До В.Н. Королева маршруты казачьих плаваний никто специально не изучал. Ученый сразу же отмечает, как необоснованные, всяческие рассуждения о нерешительности казаков выходить в открытое море, их боязни или неспособности оторваться от берега. Запорожцы чаще всего шли к Босфору по течению вдоль побережья Румелии. По свидетельствам источников, сечевики достигали Анатолии за 36–40 часов. Для донских казаков, если они выходили в совместный поход с запорожцами, надо было ещё преодолеть значительное расстояние от устья Дона до Днепровского лимана (ещё 48 – 53 часа) [2, с. 159]. Можно было ходить к Босфору и против течения, вдоль кавказского, а затем малоазийского побережья.

Как показал в своей монографии В.Н. Королев, маршруты казачьих походов, на самом деле, были самые разные. Кратчайшим путем, поперек Черного моря, казаки ходили к Босфору в 1615, 1622, 1625, 1630, 1652, 1659 гг. Вдоль малоазийского побережья по течению, на восток, донцы и запорожцы ходили в 1616 г., а против течения, на запад, в 1630, 1651, 1659 гг. Впрочем, запорожцы и донцы могли подходить к Босфору с любых направлений и точно также уходить от него [2, с. 160 – 161].

Таким образом, даже столь беглый анализ работ В.Н. Королева показывает нам, какое значение ученый уделял вопросам исторической географии и насколько последовательно и комплексно он подходил к привлечению географических источников. Благодаря этому его исследования и по сей день являются актуальными и значимыми как в свете казачеведческих проблем, так и общ исторических.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А.И. Королев Владимир Николаевич (1940-2005) // Историки Ростовского университета. Сборник биографических очерков. Сост. Н.А. Казарова, С.А. Кислицын. Ростов н/Д-Таганрог, 2017. С.160-170.
2. Королев В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д., 2002.
3. Королев В.Н. Донские казачьи городки у ЭвлииЧелеби // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1992. С.94-106.
4. Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск, 2007.

А.Ю. Перетьяко (Ростов-на-Дону)

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ В.Н. КОРОЛЕВА КАК УЧЕНОГО И КАК ПЕДАГОГА

Обычно о своих учителях-историках пишут либо тесно контактировавшие с ними люди, либо, напротив, представители других научных школ, изучающие совершенно иные исторические проблемы и периоды. Поэтому я долго сомневался, стоит ли мне упоминать в данной статье о личных встречах с Владимиром Николаевичем Королевым: они произошли во время моей учебы на первом курсе истфака РГУ, задолго до того, как меня увлекла история казачества. И теперь я сильно жалею, что мало контактировал с человеком, чьи «Старые Вешки» позже стали для меня одной из настольных книг. Но, возможно, именно то, что я смотрел на В.Н. Королева со стороны, не понимая, с фигурой какого масштаба имею дело, поможет мне раскрыть некоторые черты его характера и научного стиля, ускользнувшие от тех, кто больше общался с этим выдающимся ростовским историком.

В.Н. Королев казался нам, первокурсникам, очень странным. Он сильно отличался от большинства лекторов, и даже его методы преподавания были необычными. Тогда это вызывало у нас усмешки, но полтора десятилетия спустя я понимаю, что именно «неформатные» лекции В.Н. Королева больше всего запомнились мне за первый год учебы в РГУ. Вместо того, чтобы последовательно и подробно описывать свой предмет (а это был предмет ключевой – история России) В.Н. Королев объяснил нам, первокурсникам, что есть разные способы чтения лекций. И он предпочитает способ проблемный,

когда преподаватель останавливается на ключевых и дискуссионных проблемах изучаемого периода и исторической науки вообще, а о бесспорных и всем известных фактах будущие историки могут сами прочитать в учебнике. После этого В.Н. Королев начал разбирать проблему, очевидно, занимавшую его: он достал вырезку из свежей газеты, кажется, о М.И. Платове, и стал рассуждать о том, насколько перевернуты сведения о биографии «вихорь-атамана» в этом тексте, насколько СМИ в погоне за сенсационными фактами далеки от настоящей исторической науки, и насколько это опасно, поскольку от ученых широкая публика начинает ожидать не объективного исследования прошлого, но занимательных историй. Тогда мне это показалось попыткой уйти от проблем средневековой истории России к любимым В.Н. Королевым казам. Зато несколько лет спустя я внезапно для самого себя вспомнил эту лекцию, и понял, насколько мой старший коллега был прав: я сидел в кафе, а за соседним столиком молодой человек объяснял девушкам, что он очень любит историю, но только если ее излагают не историки, а журналисты, которые лучше знают, что интересно обычным людям.

Удивив всю аудиторию необычным подходом к лекции, В.Н. Королев предложил столь же неортодоксальный вариант получения «автоматом» положительных оценок по его предмету. Вместо того, чтобы требовать ответов на семинарах или рефератов, он попросил нас помочь ему в научной работе, разыскивая информацию о происхождении казачьих фамилий и названий казачьих станиц. Кстати, хотя я не слишком активно участвовал в подобной работе, именно она научила меня критично относиться к утверждениям старших коллег. У меня была знакомая учительница русского языка и литературы, пользовавшаяся огромным авторитетом сразу в нескольких школах, и я обратился к ней за помощью в подобных изысканиях. Эта учительница совершенно безапелляционно заявила по поводу одной из фамилий, что она польского происхождения, и это сказал бы любой филолог. Очень характерно для В.Н. Королева, что он, хотя и изначально с большим сомнением отнесся к этим словам, потом лично проверял, нет ли доказательств польского происхождения этой фамилии, но их не нашлось. Мне было стыдно, что я отнял время и силы у пожилого и уже тяжело больного историка, но он отнесся к этому совершенно спокойно, и я даже получил «полуавтомат» (право отвечать на экзамене только на один вопрос вместо двух) за эту попытку активности.

Впрочем, у яркости и оригинальности лекций В.Н. Королева была и обратная сторона. Как мне тогда казалось (возможно, я был не прав), им не хватало системности, и если для сильных студентов обсуждение с преподавателем дискуссионных исторических проблем в любом случае было полезно, то студенты слабые откровенно надеялись на доброту В.Н. Королева и то, что он, не описав подробно историю Древней Руси и средневековой России на лекциях, не будет и сильно «придираться» на экзаменах. А вскоре к этому прибавилась и еще одна проблема. Как я уже упоминал, В.Н.

Королев тяжело болел и был вынужден надолго лечь в больницу. В результате значительная часть занятий пропала, о первоначальном их плане пришлось забыть, и в конце семестра мы просто ускоренно готовились к вынесенным в билеты вопросам без прежних изысков.

Во втором семестре В.Н. Королев болел все сильнее и, к сожалению, не дожил до его конца. Но одну из его последних лекций я запомнил на всю жизнь. Этот пожилой, уважаемый ученый извинялся перед нами, первокурсниками, что врачи окончательно запретили ему читать лекции стоя. Ему и раньше это было вредно, но он до конца старался не садиться, считая подобное поведение неуважением к аудитории. Чувствовалось, что тут не поза, не красивые слова, и В.Н. Королев действительно считает важным обращаться к нам с уважением, как к своим будущим коллегам. Особую цену этим словам придавало то, что буквально через несколько недель Владимира Николаевича не стало...

Мои воспоминания о В.Н. Королеве-педагоге получились короткими и немного сумбурными, но, к сожалению, такими же были и наши встречи. Более того, тогда, на первом курсе, мне казалось, что я гораздо больше вынес с лекций других преподавателей, а уроки В.Н. Королева не дали мне почти ничего. И только потом, уже занявшись научной и преподавательской деятельностью, я все чаще ловил себя на том, что вспоминаю когда-то сказанное мне «странным» лектором и стараюсь поступать по его советам. Разве не важнее всего научить талантливых учеников работать с источниками и литературой? Разве имеющие такой навык ученики не смогут извлечь факты из учебника самостоятельно? Разве проблемный метод чтения лекций не интереснее хронологического? И как я могу требовать уважения от своих слушателей, если сам не уважаю их? Есть уроки, которые дают результат сразу же, и этот результат можно очень четко отследить с помощью экзаменов и тестов. А есть уроки, которые «работают» десятилетиями, и ученик выносит с них то, чего, возможно, не планировал сам преподаватель. Занятия В.Н. Королева, конечно, относились ко второму типу, и некоторые «зерна», брошенные им, не только повлияли на мою личность, но и проросли десятилетие спустя в моих научных изысканиях.

Подводя итог первой части моей статьи, я бы сказал, что В.Н. Королев учил не истории России и даже не истории вообще, но учил быть историками, учил не фактам, но методам и самоуважению. Возможно, если бы он прочитал моему курсу полноценный цикл лекций, впечатление о нем было несколько иным, но и за те немногочисленные занятия, которые он успел провести, его ученики получили что-то, чего невозможно точно описать, но что мог дать первокурсникам только он – ощущение участия в историческом исследовании, ощущение доступности подобного исследования для каждого. Вероятно, в преподавательской методе В.Н. Королева можно найти много недостатков, особенно если подходить с формальных позиций,

делать акцент не на живом общении учителя с учениками, но на правилах, обязанностях и разного рода образовательных стандартах. Но нельзя подходить со стандартом к нестандартной личности: слишком необычным и оригинальным человеком был В.Н. Королев, слишком много субъективного и личного он вносил в образовательный процесс.

Тогда у меня вызвали усмешку рассказы В.Н. Королева о роде Красновых, которые старший коллега считал полезнее общеизвестных фактов про Киевскую Русь. Я планировал заниматься зарубежной историей и был уверен, что биографии казачьих генералов мне не пригодятся. Но снова оказался прав В.Н. Королев, и примерно через десять лет я заинтересовался наследием Н.И. Краснова. Дело в том, что этот донской ученый и общественный деятель в 1860 г. подготовил исследование под несколько витиеватым названием «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбытие этой воинской повинности льготами и привилегиями» [4]. В нем после подробных расчетов Н.И. Краснов приходил к выводу, что «приведенные вычисления ясно показывают невыгодность содержания иррегулярных войск вместо регулярных, по крайней мере, в финансовом отношении» [4, л.156об.-157]. Подобное выступление природного казака, в будущем высокопоставленного чиновника Главного Управления Казачьих войск, против самых основ казачьей службы вызвало у меня любопытство. А автором единственной современной биографии Н.И. Краснова оказался как раз В.Н. Королев, уделивший в своих «Старых Вешках» немало внимания общественной ситуации на Дону в 1860-х гг. вообще [1, с.228-231].

Естественно, я обратился к работам моего учителя, причем снова с не вполне обычной точки зрения: если обычно его рассматривают как исследователя ранней истории казачества, до начала XVIII в. включительно, то меня он и поныне интересует как исследователь второй половины XIX в. Вообще, на мой взгляд, хотя исследования В.Н. Королева на эту тему и хорошо известны, но их значение и место в донской историографии недостаточно осмысленно историческим сообществом. Показательно, что Н.А. Мининков в своей «юбилейной» статье о В.Н. Королеве ни словом их не касается, а «Старые Вешки» позиционирует как «книгу о родной его станице Вешенской и соседней станице Еланской, в которой земляки узнают своих далёких и близких предков» [2, с.31-35]. Исследования на другую тематику, действительно более важные и удачные, как-то заслонили в сознании историков тексты В.Н. Королева, описывающие Дон 1860–1890 гг. Между тем, его «Старые Вешки» составляют важнейшее звено между советскими работами и работами XXI в. об этом периоде. Достаточно указать, что многие проблемы, которые сейчас изучает, например А.А. Волвенко, были возвращены из многолетнего забвения именно В.Н. Королевым (о себе я уже писал). Так, как раз общественной ситуации 1860-х гг.

на территории Земли Войска Донского, борьбе «партий» казакоманов и прогрессистов, современный историк посвятил целый цикл статей [5–7].

Однако причины недооценки В.Н. Королева как исследователя второй половины XIX в. нельзя сводить к большому успеху его работ о ранней истории казачества. Главы «Старых Вешек» о интересующем нас периоде имеют несколько очевидных, просто бросающихся в глаза недостатков, очевидно снижающих их ценность. Так, даже для научно-популярной работы, В.Н. Королев был поразительно небрежен к указанию источников. Между тем, им вовлекались в научный оборот новые источники, источники первостепенной важности, найти которые теперь, после его смерти, оказалось крайне проблематично. В «Старых Вешках» есть выписки из дневника И.И. Краснова [1, с.221], личных писем Н.И. Краснова [1, с.241–242]... Значение этих документов для изучения донской истории невозможно переоценить, но следующему поколению историков удалось обнаружить лишь часть из них. Например, мне только в 2019 г., с помощью А.В. Захаревича, удалось обнаружить дневник И.И. Краснова в отделе рукописей Российской государственной библиотеки [3]. В результате исследования следующего поколения донских историков оказались построены на совершенно иной источниковой базе, а единственным свидетельством существования многих документов остаются цитаты, приводимые покойным ученым. Эта ситуация особенно печальна потому, что В.Н. Королев недостаточно критично подходил к источникам, фактически описывая ситуацию на Дону 1860-х гг. исключительно с позиций семейства Красновых [1, с.228–231]. Нередко просто непонятно, где заканчиваются мысли исторических деятелей, и начинается рефлексия историка. А обратиться к подлинникам документов возможности нет...

Но, как ни странно, эти недостатки лучше всего подтверждают достоинства «Старых Вешек» как этапного исследования по второй половине XIX в. Обычно научно-популярная литература следует за литературой научной, донося до широкого читателя уже вовлеченные в научный оборот факты. Но В.Н. Королев пошел другим путем. До того, как общественную жизнь Дона 1860-х гг. начали специально изучать другие ученые, до появления серьезных научных статей и монографий по этой теме, В.Н. Королев, первым после событий 1917 г., попытался описать бушевавший тогда на донской земле конфликт прогрессистов и казакоманов, вовлекая для этого в научный оборот совершенно новые архивные источники и пытаясь привлечь внимание других историков к этой проблематике. При желании, В.Н. Королев мог бы и дальше развивать эту тему, используя уже найденные им материалы, шлифуя и полируя их. Однако его увлек более ранний период истории донского казачества, а других авторов, готовых продолжить эту линию его исследований в начале 1990-х гг. не нашлось. И в итоге до самой смерти В.Н. Королева многие сюжеты, описанные в «Старых Вешках», так и не были раскрыты в собственно научной литературе, да и в наши дни эта

книга остается незаменимой с фактической точки зрения, хотя ряд положений, отстаиваемых автором, очевидно устарел [6, р. 99].

Нам остается констатировать, что между Королевым-педагогом и Королевым-историком было много общего. В науке В.П. Королева также отличал неортодоксальный взгляд на изучаемые темы и умение через частности переходить к общим проблемам. В результате его «Старые Вешки», задумывавшиеся, вообще-то, как популярная книга о станицах Вешенской и Еланской, до сих пор незаменимы для историка, изучающего донское казачество второй половины XIX в. И это притом, что безупречной эту работу назвать никак нельзя, напротив, у нее серьезнейшие недостатки, тоже во многом порожденные личностью яркого и увлекающегося, но не стремящегося к формальной правильности В.Н. Королева. Посеянные ученым «зерна» дают всходы, и во втором десятилетии XXI в. как раз темы, поднятые в «Старых Вешках», вызывают едва ли не наибольший интерес у исследователей донского казачества второй половины XIX в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов н/Д., 1991.
2. Мининков Н. А. Историк казачества В. Н. Королёв // Донской временник. Вып. 28. Ростов н/Д., 2019. С. 31-35.
3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 218. Кар. 58. Ед. 1.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 10. Д. 290.
5. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // RS. 2015. Vol.13. Is. 1. Pp. 19-37.
6. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // RS. 2015. Vol.14. Is. 2. Pp. 94-107.
7. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // RS. 2015. Vol. 15. Is. 3. Pp. 194-207.

Р.Г. Тикиджьян, К.К. Иванов (Ростов-на-Дону)

ЭТНО-СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТРЕТ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА XIV–XIX ВВ. В ОЦЕНКАХ В.Н. КОРОЛЁВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Серьезный вклад в изучение этнической и социо-культурной истории казачества XIV–XIX вв., внесли современные исследователи этой интереснейшей и дискуссионной проблеме: А.И. Агафонов, Г.Н. Астапенко, Н.А. Мининков, В.Н. Королев, М.А. Кузнецов, Б.Н. Проценко, В.Н. Сидоров, А.П. Скорик, С.В. Черницын, С.В. Римский, Т.С. Рудиченко, М.А. Рыблова, Р.Г. Тикиджьян Р.Г. и другие [1]. Весьма интересные и

глубокие, хотя иногда спорные наблюдения и выводы, сделаны известным донским учёным-историком и краеведом В.Н. Королевым [2]. Однако к сожалению, до настоящего времени, оно знакомо только узкому кругу специалистов историков и этнографов, и не стало предметом реальных оценок современных исследований и дискуссий. Мы уверены, что для продолжения дискуссии необходимо привести основные, важные оценки В.Н. Королева, сделанные в материалах данной научной конференции, для продолжения и использования результатов исследований в военно-историческом направлении. Согласно славянской (автохтонной в своей основе) теории, происхождения донских казаков, которой придерживался В.Н. Королёв, первоначальным ядром донского казачества, по его мнению, были донские славяне. Таких охотников находилось немало и Войско Донское, имевшее тогда открытый характер, служило центром притяжения для вольнолюбивых представителей соседних и даже далеко не соседних этносов, а сильная и красивая «казачья идея» заставляла многих добровольно отказываться от своей этнической принадлежности, родного языка, собственной культуры, усвоенного с детства быта. Эта идея была столь же, если не более, привлекательна для людей из Восточной Европы и Азии, как в другое время «американская идея» для людей других стран и регионов. По раннему периоду истории казачества сохранилось не одно свидетельство, касающееся его многоэтнического состава. Эти сведения носят общий характер и, разумеется, не дают опорных цифр, но весьма впечатляющи. Голландец И. Масса, побывавший на Руси в 1600-х гг., писал, что в казачестве представлены люди «различных племён – из Московии, Татарии, Турции, Польши, Литвы, Карелии, Неметчины, по большей части московиты». Поскольку автор говорил не только о донских и волжских казаках, но и о днепровских, под «москвитами», очевидно, следует понимать восточных славян, или же он оказался неточен в определении доли московитов. В 1628 г. российские послы в Крыму заявляли, что на Дону живет больше татар, литвы и черкас, нежели русских, и, если даже это было дипломатическим преувеличением, то далеко не беспочвенным. Через 15 лет другой московский посол, И.Д. Милославский, говорил турецкому великому визирю, что «на Дону и на запольных речках живут в казачьих юртах многих государств люди – татаровя крымские и ногайские, и азовские, и Казыева улусу, и калмыки, и темрюцкие, и горские, и запороские черкасы, а все те воры ... называютца донскими козаками». В грамоте царя Алексея Михайловича крымскому хану 1647 г. отмечалось, что с казаками «вместе живут ... литовцы, немцы». В 1659 г. Войско Донское упоминало в своих рядах турок, татар, греков и «иных розных земель людей». Известный государственный деятель и публицист Г.К. Котошихин писал в 1660-х гг., что донские казаки «породою москвичи и иных городов и новокрещенные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи». Помимо названных, на Дону были выходцы из южнославянских на-

родов, белорусов, итальянцев и др. Попадали в состав казачества и отдельные евреи. По преданию, первые из них, ремесленники, появились в Войске в XVII в. вместе с переселенцами с Украины. Предполагается, что среди переходивших на Дон сечевиков находилось какое-то число оказавшихся евреев. Вопреки мнению Е. Мовшовича о том, что последние в XVIII в. «скорее всего» на Дону не жили, именно в источниках этого столетия встречаются конкретные факты о вступлении в казачество некоторых «выкрещенных» иудеев. В журналах решенных дел по Войску Донскому за 1796–1797 г.г., например, упоминается о приеме в казаки евреев Я. Нестерова, И. Перехрестова, И. Добровольского.

Как отмечал историк Н.А. Мининков, в XVII в. на Дону гораздо меньше русских, запорожцев и азиатов заметны выходцы из европейских стран, хотя два таких пришельца получили широкую известность: герой Смутного времени атаман А. Корела, лифляндский уроженец финского происхождения, и руководитель подкопных работ при взятии казаками Азова в 1637 г. И. Арадов, бывший родом «из немецкие земли». К этому следует добавить, что число выходцев из народов Западной и Восточной Европы в рядах казачества становится всё больше.

Значительно более заметным в оценке В.Н.Королева, во второй половине XVII–XVIII в. становится наличие в Войске донцов именно – греческого и польского происхождения. Довольно значительный приток европейцев в Войско замечается во время «европейских» войн России в XVIII в., в частности, в годы Северной войны, преимущественно за счет натурализовавшихся пленников. В 1704 г. с возвращавшимся из Финляндии атаманом Е.П. Петровым шли 12 пленных финнов. При отряде атамана М. Ф. Кумшацкого находились до 30 человек «свейского полону чухны» (эстонцев). В 1705 г. 260 донцов, возвращавшихся из Польши, вели с собой 300 человек местных «хлопцев». По мнению В.Н. Королева в Войске нередко случались удивительные сочетания «кровей». Когда в 1717 г. казак Федор Аксёнов, крестник известного старшины А. Фролова, получал разрешение вывезти из России на Дон для женитьбы «девку Палагею Иванову дочь», выяснилось, что сам Аксёнов «был наперед сего армянин», «торговой человек персической стороны» Асподур Асканов, а Пелагея Ивановна – новокрещенная «полонная шведка». Замечание «Словаря географического Российского государства» о том, что вряд ли «сыщется какой народ (в числе находившихся «на слуху»), из которого бы не было его уроженца» у запорожцев, полностью относится и к донским казакам. Л.М. Щетинин, исходя из данных антропоники, утверждает, что среди донцов присутствовали представители не менее 30 национальностей. Он считал что, не все пришельцы-нехристиане, по крайней мере, сразу принимали христианство, и Войско в отношениях с Москвой даже спекулировало на этом, отказываясь приносить присягу под тем предлогом, что многие донские казаки не могут целовать крест из-за своего иноземного происхождения и иной религиозной принадлежности. В 1632 г. донцы заявляли московским дворянам, что «креста целовати ... не

уметь, потому что на Дону многих земель люди, а когда русские люди, и те живут с бусурманками, а иные прижиты от бусурманок».

И всё же по оценкам В.Н. Королева и С.В. Черницына большинство в составе донского казачества, за исключением старинного ядра (XVI–нач.XVII вв.), все же оказалось славяно-русским элементом. На втором месте по численности, видимо, находились украинцы и запорожцы. Похожие во многих отношениях Войско Донское и Войско Запорожское являлись боевыми союзниками в борьбе с Османской империей и Крымским ханством и не препятствовали пополнению своих рядов соответственно запорожцами и донцами, переходившими из одного казачьего сообщества в другое, в том числе и на постоянное жительство. Третье место следует отдать восточным-азиатским и кавказским элементам, что подтверждают исследования С.В. Черницына. Со временем свободное и массовое поступление в казачество различных иноэтничных представителей, среди которых были и русские, резко ограничивается [3].

Но и в XIX–XX вв. это поступление не прекращается полностью, только теперь речь идет об индивидуальном приёме в казаки отдельных лиц или семей, которые принесли или могли принести какую-либо пользу Войску и конкретной станице, уже находились в какой-то связи с казаками и т.п. (как и прежде, казачками независимо от происхождения становились после бракосочетания казачьи невесты). К примеру, в 1815 г. Войсковая канцелярия рассматривала дела о приеме в казачество крестьян Курской губернии, мещанина Киевской губернии, казака Полтавской губернии, уроженца Виленской губернии, уроженца Варшавского герцогства, 30 татарских семей, выходца из турок, австрийского подданного, уроженцев Пруссии и др.

Новые оценки, дает В.Н. Королев предбуржуазному периоду казачьей истории используя данные первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Этническое происхождение казаков перепись не учитывала, но отмечала их родной язык, который, если не был русским, безусловно, свидетельствовал о недавнем вступлении в казачество. В.Н. Королёв здесь особо отмечает, что для казачества была характерна поразительная сила ассимиляции, претворявшая этническую пестроту в однородное, единое, солидарное и организованное целое.

Очень высокая ассимиляционная способность казачества способствовала превращению Донской земли, в своеобразный «котел», куда попадали русские, украинцы, татары, турки, кавказцы, поляки, но откуда, переварившись, выходили уже не русские, украинцы и прочие, а донские казаки. Переварившаяся же масса легко принимала в себя вновь поступающие неказачьи, ино-этнические элементы и растворяла их, «как капли вина растворяются в большом сосуде с чистой водой».

Действительно, современные этнологи называют подобный процесс интеграцией и консолидацией различных этнических элементов на

основе важных интегрирующих факторов – общности экономических отношений, военной службы, быта, системы управления и образования. Упомянутая интеграция осуществлялась на Дону быстрыми темпами и в рамках донского диалекта русского языка и казачьей культуры.

Источники изученные В.Н. Королевым и их глубокий анализ дают новые возможности для оценок. И.М. Сулин в своём «Кратком описании станиц Области войска Донского» подбирал характерные для отдельных станиц старинные казачьи фамилии, которые встречались ему в документах XVIII–нач. XIX в. Выборка из этих сведений, относящуюся к 1740–1790 гг. и касающуюся нерусского происхождения (последнее либо прямо указывается в источнике, либо определено или предположительно вытекает из фамилии).

В.Н.Королев отмечает что возможно, среди фамилий И.М. Сулина фигурируют также прозвания казаков, вышедших из греков, чеченцев и др., но сведения на этот счет неопределены. В целом, в **Таблице 1** представлены выходы из тюркских, северо-кавказских, финно-угорских и калмыцкого народов современной России, народов Закавказья и зарубежной Азии, Восточной, Южной и Западной Европы.

Таблица 1.

**Распределение выходцев из различных этнических групп
по донским казачьим станицам**

Этническое происхождение	Фамилии	Станицы
Болгары	Болгаровы	Вешенская
Венгры	Мажарцев, Юзев (его потомки Андреевы)	Орловская, Тишанская
Грузины	Грузиновы	Калитвенская, Перекопская, Черкасск
Даргинцы	Даргинцев	Черкасск
Кавказцы	Савченковы	Калитвенская
Калмыки	Калмык, Калмыковы, Калмыцков, Калмычкин, Кунделек, Лабенцев, Ремезов, Слюсаревы	Гугнинская, Заплавская, Зотовская, Калитвенская, Островская, Распопинская, Усть-Медведицкая, Черкасск
Касымовцы	Касымонцев	Етеревская
Кубанцы	Кубанцевы	Перекопская, Трехостровская
Латыши	Латыш	Вешенская
Литовцы	Лефлянцев, Литвенов	Михайловская, Черкасск
Македонцы	Македонсков	Черкасск
Мещеряки	Мещеряков	Островская

Война и воинские традиции в культурах народов Юга России

Мордовцы	Мардвинин, Мардовкин, Мордвиновы, Мордвинцевы, Мордовины	Етеревская, Заполянская, Зотовская, Островская, Пятиизбянская, Тишанская, Трехостровянская, Усть-Медведицкая
Персы	Персицков	Урюпинская
Поляки	Коротков, Поляки, Поляковы	Алексеевская, Верхне-Чирская, Гугнинская, Зотовская, Иловлинская, Кременская, Мигулинская, Усть-Хоперская
Сербы	Сербинов	Черкасск
Татары	Татарин, Татаринов, Татаров	Гугнинская, Клецкая, Нижнее-Чирская
Турки	Благуродовы, Дементьев, Михайлов, Турсков, Тюрюк	Вешенская, Малодельская, Михайловская, Тишанская, Усть-Хоперская
Туркмены	Трухменов	Пятиизбянская
Украинцы	Вандурин, Гриценков, Запорожцев, Запороцковы, Каливаненков, Киевский, Левко (его потомки Леоновы), Ноженко, Пуцуренко, Сидоренков, Суржин, Хохлачи, Хохлачевы, Хозлачин	Бурацкая, Есауловская, Заплавская, Зимовейская, Зотовская, Михайловская, Нижне-Чирская, Усть-Медведицкая, Филипповская, Цимлянская, Черкасск
Черкесы	Ерагузов, Поповы, Черкесов, Кесов	Вешенская, Зотовская, Терновская
Чуваши	Чувашин	Старогригорьевская
Шведы	Швед, Шведиков	Еременекая, Черкасск

Королёва В.Н. отмечает, что анализ списков чинов нескольких донских полков 1799 г. показывают есаула В.В. Васильева из молдавских бояр, капитана И.П. Волошеневского – из дворян Ахтырской округи Харьковской губернии (по всей вероятности, украинца), прапорщика Ф.И. Минервина – «из греческой породы», сотника А.М.Фефилова – русского, «Пермского наместничества горного корпуса из унтер-шихмейстерских детей», квартирмистра П.У. Ульянова – тоже русского, а из дьяконов г. Казани, поповского сына, полкового писаря И.П. Косоротова – сына польского квартирмистра. Во многих общих и послужных списках казачьих офицеров XIX в. отмечено, что П.П. Апостолов, А.Е. Егоров, М.М. Мануйлов, А.Е. Мержанов были по происхождению греками, С.И. Семенченков – украинцем, Н.М. Евсеев – русским, Л.И. Иванов, О.П. Карчевский и Я.И. Лисевский – поляками и т.д.

По мнению исследователя – происхождение их можно выяснить только применительно к основателям отдельных казачьих родов, да и то позднего времени. Что же касается детей подобных лиц, считает В.Н. Королев, то в списках уже не будет фигурировать иноэтничное происхождение и, к примеру, сын есаула Васильева из молдавских бояр будет значиться следующим образом: «Войска Донского из обер-офицерских детей». И если не сохранились документы – фамилии Волошеневского, Карчевского, Лисевого, Семенченкова, в известной степени Минервина, Апостолова, Мержанова еще дают возможность заподозрить у них нерусских предков, то фамилии Васильева, Иванова, Косоротова, Егорова выведут на неверную дорогу.

В.Н. Королев выделяет для анализа еще некоторые значимые донские фамилии такого рода: внешне, по форме, они выглядят вполне русскими, но при изучении оказываются с «иноземным» корнем. Например, фамилия XVIII–XX в.в.: Вихлянцевы (Вифлянцевы) происходит не от глагола «вихлять», как можно было бы предположить, а от «Лифляндии», ибо в документах первой четверти XIX в. встречаются другие написания этой фамилии: Вифляндцев, Лифлянцев, Лефлянцев и, наконец, Лифляндцев.

Для отдельных фамилий можно предложить замысловатые, но, кажется, вполне вероятные русские или восточные корни, а оказывается, что происхождение надо искать совсем в другой стороне. Действительно, например Х.И. Попов, заинтересовавшийся казачьей фамилией Лаверженцевы, пришел к выводу, что она ведет свое начало не от какого-либо русского, восточного или венгерского слова (в станице ее основателя звали «венгерцем»), а от конкретного француза Лаверже.

Королев В.Н. предлагал сделать сравнение, процента иноземных предков у части донского дворянства. Действительно И. Краснов и Л.М. Савелов, опираясь главным образом на семейные и местные предания, указали происхождение или отсутствие сведений о происхождении 24 известных казачьих родов. Родословным преданиям, как источнику, конечно, не следует доверять безоговорочно (например, сомнительно происхождение Кутейниковых от Кутеско). Однако, в отличие от преданий русских дворян, многие из которых выдумывали себе знатных иностранных предков, донские предания кажутся более реалистичными - предки в них часто имеют простое происхождение. И.И. Краснов и Л.М. Савелов упомянули далеко не все казачьи дворянские роды, хотя учтенные, действительно, занимали видное положение в обществе (достаточно сказать, что семьи Грековых, Денисовых, Ефремовых, Иловайских, Краснощекковых, Кутейниковых, Машлыкиных, Платовых, Сулиных, Фроловых и Яновых дали Войску Донскому войсковых и наказных атаманов). Надо ещё иметь в виду, что у названных авторов во многих случаях речь идёт о родах, возникших на Дону сравнительно поздно, не ранее конца XVII в.

Предлагая свой вариант – методику табличного сравнения, В.Н. Королев делает вывод, что из 24 родов 8-9 имели русское происхождение,

6-8 – неизвестное и 7-10 – нерусское. Если даже посчитать неизвестное происхождение не за старинное автохтонное или нерусское, а за русское, то на 14-17 русских предков придется 7-10 нерусских, то есть окажется, что в представленных родах весьма солидная часть донского дворянства, 40-70%, была нерусского происхождения. К сожалению, неизвестны полные списки донских казаков за какой-либо период XVII в., но, по сохранившимся реестрам Войска Запорожского, перечислявшим в 1649 г. только заслуженных запорожцев, Ф.П. Шевченко подсчитал, что едва ли не каждый десятый из них (более 6%) являлся иноземцем. Это, однако, выводы, сделанные на основе антропонимов, часть которых, будучи украинскими по форме, скрывала пришельцев иного происхождения.

Изучив материалы первой Всероссийской переписи 1897 г., В.Н. Королев отметил заметное число казаков, говоривших по-калмыцки. Донские калмыки – являлись одной из двух этнических групп казачества, не ассимилированных основной его массой и её культурой, не перешедших на русский язык и сохранивших свои религии. Первый массовый переход калмыков произошел в 1670 г., когда улус Бока в результате феодальных распрей в орде перекочевал к Азову и остался в Войске на постоянное жительство. Между 1675 и 1682 г. на Дон перешли два новых улуса, в 1686 г. – 200 семей, в 1690 г. – два улуса. В 1694 г. на донских калмыков был официально распространён статус казаков. В 1733 г. казаков-калмыков насчитывалось 800 человек мужского пола, в 1822 г. – 13,6 тыс. обоего пола, в 1834 г. – 16,5 тыс. и в 1861 г. 21,4 тыс. обоего пола. Кочевники по роду хозяйственной жизни и буддисты по вероисповеданию, они в XIX в. были сосредоточены в Сальских степях, где впоследствии образовался Сальский округ, в значительной степени калмыцкий в этническом отношении. Численность прочих казаков в округе к концу XIX в. несколько превышала численность казаков-калмыков, но у последних имелось семь станиц, а у первых две. Донские калмыки, до самой ликвидации Войска Донского, верно служили казачеству.

Второй из упомянутых этнических групп были казаки-татары, мусульмане по вероисповеданию. Время их появления в Войске Донском согласуется с татарской гипотезой происхождения казачества. Именно эти идеи и оценки подтверждаются отчасти серьёзными историко-этнологическими исследованиями Н.А. Мининкова и С.В. Черницына. Отметивших, что на Дону русский и тюркский элементы «нашли в казачестве свое соединение». В источниках донские казаки-татары впервые фиксируются не в 1630-х г.г., как считают некоторые авторы, а ещё в XVI в. В XVIII–XIX вв. иноэтничное происхождение и нехристианское вероисповедание казаков не служили препятствием для продвижения по службе, если, конечно, у них проявлялись не только способности к усвоению казачьего образа жизни, но и соответствующие таланты. Отнюдь не единичны случаи, когда такие казаки становились старшинами, то есть, приобретали высшее в то время зва-

ние в Войске Донском, дававшее возможность командовать казачьим полком. Например, в списке старшин на 1 января 1789 г. значатся несколько человек, не бывших казаками при рождении. Неказачье происхождение в былые времена не мешало особенно одаренным лицам делать очень большую карьеру, вплоть до занятия поста Войскового атамана Войска Донского. Редко в какой стране недавний чужеземец или даже его сын могли, будучи избранными, официально стать во главе еще недавно чужого народа. Главами же всего донского казачества не раз становились неказачьи происхождения. Среди них были С.Л. Лаврентьев (сын калужского стрельца); И.С. Семенов («сшел с Руси»); Н.В. Шелудяк (родом из Нижнего Новгорода). Упомянем также О.П. Калуженина, вероятно, по происходившего из Калуги, И.М. Мартемьянова, имевшего братом крепостного крестьянина и, видимо, вышедшего из низов русского общества, Самаренина (вероятно, из Самары), Ф. Татара и М.И. Татарина, возможно, имевших какое-то отношение к татарам, К.Я. Яковлева, носившего прозвище Черкес, отчего высказывалось предположение о его кавказском происхождении.

Знаменитый герой Смуты донец И.М. Заруцкий, не бывший, правда, формально войсковым атаманом, но имевший значительное влияние не только на донские, но и на российские дела, был родом из западноукраинского Тернополя, ребенком попал в плен к татарам, от которых, повзрослев, ушел на Дон. Когда во главе Войска стояли уже назначавшиеся лица, наказными атаманами были Д.М. и А.Д. Мартыновы, соответственно сын и внук старшины М.В. Васильева, скорее всего, латыша или эстонца, вывезенного мальчиком во время Северной войны из района между Ревелем и Ригой.

Известны: 1) Давыдов М.И., происходивший «из грузинских детей», войсковой старшина на 1776 г. (возраст – 42 года), принимавший участие в войне с Турцией (1768–1774 гг.), экспедиции в Сечь (1775 г.), служивший на Задонских заставах (1781 г.), командир полка в Польше; 2) Русин М.И., «греческий сын», войсковой старшина на 1788 г. (возраст – 42 года), принимавший участие в войне с Турцией (1768–1774 гг.), подавлении восстания Е. Пугачева (1775 г.), службе на Кавказской линии (1782–1783 гг.) и «секретных посылках» в Грузию и Турцию; 3) Японский В., «уроженец... Пруссии в местечка Рокнете, докторской сын», подполковник, (возраст – 54 года), служивший командиром полка на Кубани и Кавказской линии.

Характерные примеры такого же рода дает деятельность войскового старшины И.А. Миллера, «родом немецкой нации», подполковника из донских татар Я.А. Асанова, гвардейского полковника азиатского или кавказского происхождения Т.Б. Эльмурина, полковника И.М. Залещинского (польского происхождения, католика), генерал-майора Д.Г. Бегидова (кабардинца по происхождению, перешел в православие из ислама), генерал-майора И.К. Круликовского (поляка по происхождению, католика), генерал-лейтенанта А.М. Измайлова (турка по происхождению) и др.

Казачья толерантность, как полагал В.Н. Королёв, в первую очередь объяснялась демократическим устройством Войска Донского и предшествовавших ему форм организации вольных людей, тем, что казачья идея свободы, равенства и товарищества оказалась для этих людей, сплотившихся в уникальное сообщество, выше всех прочих идей, в том числе идей народности, сословности, церковности и т.д. Именно эти обстоятельства были первичными, а открытость, рационализм, способность к культурному общению — вторичными, проистекавшими из первых. Рассматриваемая толерантность была присущая не одним только донским казакам, но и всем остальным, имевшим весьма сходное общественное устройство, и это подчеркивается постоянным присутствием в других казачьих сообществах многих казаков неславянского и нерусского происхождения, даже в большом относительном числе, чем на Дону. В начале XX в. соотношение русских по происхождению и «обрусевших» казаков, с одной стороны, и казаков с нерусским родным языком, с другой, выглядело приблизительно так: в Войске Донском – 50 к 1, в Уральском, Сибирском и Семиреченском войсках – 16 к 1, в Оренбургском войске – 13 к 1, в забайкальском войске – 12 к 1. Тогда же в Кубанском войске соотношение русских и украинских по происхождению казаков составляло примерно 4 к 5. Кубань, соединившая представителей двух казачьих сообществ, дала прекрасный пример братских отношений донцов и запорожцев. «При резких противоречиях, существовавших между различными сословными группами на Кубани, — отмечают этнографы, — ... не замечалось национального антагонизма между русскими и украинцами (потомками донских и запорожских казаков)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Казачество в тюркском и славянском мирах / Колл. монография, отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов. Казань, 2018.
2. Королев В.Н. «Иноэтничные элементы в донском казачестве» // Казачий сборник. Вып.3. Ростов н/Д., 2002. С.399-420.
3. Тикиджьян Р.Г. История и культура народов Дона и казачества. Ростов н/Д., 2010.

**РАЗДЕЛ II.
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА
РОССИИ**

И.Ю. Юрченко (Москва)

**НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАЧЕСТВА:
ОБЗОР ТЕМАТИКИ И СТАТИСТИКА
ПУБЛИКАЦИЙ 2019 ГОДА**

В прошедшем 2019 г. произошло знаковое событие для статистики и библиометрии новейшей историографии казачества – впервые в истории изучения казачества количество опубликованных за год научных статей по казачьей тематике перевалило за тысячу наименований. Это событие лишний раз подтверждает актуальность использования статистических методов в историографическом анализе темы казачества в новейших публикациях. В этом контексте представляется интересным и актуальным подвести предварительные итоги исследования новейшей историографии казачества за прошлый, 2019 г. и сравнить полученные результаты с данными, собранными и опубликованными автором за прошлые годы.

Автор уже более двух десятилетий профессионально изучает историографию казачества и опубликовал более ста работ на эту тему, часть из которых приведена в списке литературы [1-6], и в том числе первую специальную монографию в двух книгах «Историография казачества» [5], где исследовал в числе прочего и библиометрическую статистику за XX–начало XXI вв. В ходе этих многолетних исследований, начиная с 2016 г., автору пришлось подводить статистику публикации научных статей в формате ежегодных обзоров. На тот момент в библиографической базе данных автора по казачьей тематике содержалось 3609 записей публикаций за вековой период с 1917 по 2016 г. В специальном докладе на конференции в Сочи, посвященной очередному юбилею кубанского казачества, автор зафиксировал эти данные [6, с.280]. Однако уже в следующем году в статистику добавилось 525 статей, учтенных в РИНЦ [1, с.152]. Общее количество публикаций за 2017 г., понятно, существенно больше числа индексированных статей.

Обсуждение этой историографической проблемы на «казачьей» конференции в ЮНЦ РАН в 2017 г. с А.В. Венковым и Д.В. Сенем и высказанное последним соображение о том, что количество работ по казакам сократилось в последние годы, привело автора к необходимости сделать работу по годовой статистике публикаций, которая была представлена автором впервые в виде доклада на очередных Токаревских чтениях в

2018 г., а затем опубликована в расширенном варианте с подробной библиографией в виде отдельной статьи [1].

В 2018 г. было опубликовано уже 839 статей, представленных в НЭБ РИНЦ [2, с.119]. При этом следует учитывать, что, хотя теоретически издатели обязаны загрузить материалы в течение трех месяцев, основная масса статей и публикаций попадает в библиотеки и загружается в НЭБ РИНЦ в течение полугода после календарного окончания учитываемого года. Однако и после этого фонды продолжают пополняться «отставшими» изданиями. Поэтому, например, в выборке по 2017 г. общее число публикаций через год (в 2019 г.) уже составляло не 552, а 697 наименований статей, книг и сборников [2, с.118-119]. Таким образом автор сделал вывод о том, что за 2018 год число публикаций, включенных за год в НЭБ РИНЦ выросло, по сравнению с предыдущим годом, на 69% [2, с.119].

В 2019 г. по данным на данный момент было опубликовано 1033 статьи по казачьей тематике. Годовой прирост таким образом оказался менее значительным и составил 1,23 или на 23 % больше, чем в 2018 г. Тем не менее общая динамика продолжающегося роста ежегодного количества опубликованных статей не может не впечатлять. А в результате общее суммарное количество публикаций только в авторской выборке по фондам НЭБ РИНЦ на сегодняшний день перевалило за десять тысяч наименований, из которых более 70 % приходится на последнее десятилетие 2011–2020 гг. Учтем при этом, что фактически эти данные еще не включают подавляющее большинство публикаций текущего 2020 г.

Как и в прошлые годы велико тематическое разнообразие опубликованных статей по проблематике казачества. Перечислим далее только крупные научные области в соответствии с российской номенклатурой специальностей ВАК и классификатора УДК. Как всегда, на первом месте с большим отрывом идет тематическая область «История. Исторические науки» (614 публикаций). Это вполне естественно и лишний раз демонстрирует нам, что казачество представляет собой сложный исторический феномен, далеко выходящий за узкие рамки стандартных и, увы, давно банальных дилемм типа «народ или сословие», которые, тем не менее, не перестают повторяться вновь и вновь, ничего не прибавляя при этом к пониманию этого сложного феномена. Именно богатейшее историческое прошлое и его наследие является главным основанием для научной этнической, культурной и социальной идентификации казачества. И именно поэтому на протяжении последних десятилетий история казаков и ее изучение лежат в главном фокусе научного исследования феноменологической природы казачества.

При этом следует специально отметить, что в той или иной степени вопросы историографии истории и культуры казачества рассматривались в 274 статьях 2019 г., включая сюда проблемы источников и источниковедения казачьей истории, биографические исследования об исследователях

казачества, а также исследования освещения темы истории казачества в художественной литературе и народной памяти. Однако только автор этой статьи в одной работе использовал результаты исследования историографии казачества с помощью количественных методов анализа статистики [2]. Правда другие ученые, такие как, например, Н.А. Вишнякова, О.Н. Курмышкина [9], Г. Райович, Е.Ф. Кринко и др.[10-11], использовали в своих публикациях опубликованную ранее автором статистику. Это подтверждает актуальность использования статистических методов в исследовании историографии казачества.

Уже не первый год на втором месте по числу опубликованных статей по казачьей проблематике предметная область «Народное образование. Педагогика» (109 публикаций). Это является закономерным следствием дальнейшего развития казачьего образования, особенно актуального в регионах традиционного проживания казаков – на Дону, Кубани, Урале, Поволжье, а также в специализированных казачьих и кадетских учебных заведениях с компонентом казачьего образования.

На третьем месте в казачьей проблематике предметная область «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество» (58 публикаций). Здесь традиционно много публикаций посвященных исследованию темы казачества, как в творчестве признанных классиков русской литературы, таких как А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М.А. Шолохов, так и в произведениях менее известных В.И. Даля, Н.Н. Туроверова, Ф.Д. Крюкова и других казачьих писателей, а также большой кластер публикаций по казачьему фольклору, среди которого ведущее место занимают народные песни казаков, их сказки, коляды, пословицы, заговоры, приговоры и другие малые формы устного народного творчества казаков. Следует заметить, что песенная составляющая казачьего фольклора исследуется главным образом в работах искусствоведов и музыковедов.

На четвертом месте в казачьей проблематике «Языкознание» (47 публикаций). Это тоже, причем еще с дореволюционных и советских времен, традиционная область исследований народного «казачьего языка» и его диалектных особенностей на Дону, Тереке, Кубани, Урале и в Сибири. Надо сказать, что помимо статей, в 2019 г. вышло сразу несколько монографий и словарей по казачьим диалектам и говорам. Особенно хотелось бы отметить небольшую, но очень интересную русско-французскую монографию [7] в соавторстве член.-корр. РАН Е.Л. Березович и доктора Сорбонны Г.И. Кабаковой «Россия и Франция: диалог языковых стереотипов», вышедшую в Отделении историко-филологических наук РАН в Москве в издательстве РАН. Во «французской» части книги значительное место занимает стереотипный образ казака и казачества (Cosaque) в литературном и бытовом разговорном французском языке.

На пятом месте по числу публикаций среди «казачьих» тем «Государство и право. Юридические науки» (36 публикаций). Здесь боль-

шая часть работ посвящена истории дореволюционного казачьего права, а меньшая часть – актуальным вопросам правоприменения в современной Российской Федерации по отношению к различным видам казачьих организаций и формам несения ими государственной и иной службы, взаимодействию казачьих дружин с правоохранительными органами и тому подобным вопросам.

Среди прочих предметных областей большой интерес вызывает статья по математике и программированию студентов А.С. Комендантова и А.Г. Матвеева и кандидата физ.-мат. наук, доцента кафедры мат. Анализа и теории функций А.В. Светлова из Института математики и информационных технологий Волгоградского гос. университета. За не вполне удобопонятным названием скрывается весьма интересная и очень актуальная работа [8], посвященная разработке программного обеспечения для машинной обработки и разметки документов архивного фонда «Михайловский станичный атаман» (1734–1836 гг.), хранящихся в Гос. архиве Волгоградской области. Такая обработка позволила большому научному коллективу под руководством профессора О.А. Горбань провести массовое исследование документов фонда с применением методов статистического лингвистического анализа, что привело, в свою очередь, к целой серии публикации статей с результатами этого новаторского исследования. Особо следует отметить, что, как видно и из периода, документы фонда написаны «постпетровской» скорописью XVIII в., которая сама по себе непроста для чтения, поэтому дальнейшее развитие инструментов использования машинных методов обработки такого материала, несомненно, представляет огромный интерес для специалистов. Правда, справедливости ради, надо сказать, что пока эта проблема не решена и перед собственно машинной обработкой документов ученые-историки ВолГУ набирали их тексты вручную.

Общие сводные данные по тематике публикаций представлены ниже в **Таблице № 1**. Сразу надо заметить, что в таблице представлены обобщенные данные. При этом в целом ряде случаев кодированные в изданиях предметные области, например УДК, не вполне соответствуют внутреннему содержанию материала статей. Как показывает практика, это нормальное явление, вызванное отчасти ошибками неопытных авторов и редакторов изданий, как в формальном составлении названия работы, так и непосредственно при определении предметной области в таблицах УДК, а отчасти ошибками при загрузке данных в РИНЦ. Так, к примеру, в статистику в таблице попала статья с идентификационной областью машиностроение, хотя в области УДК при статье правильно указан шифр Первой мировой войны. В остальных случаях предметная область указана более или менее корректно, хотя и не без огрехов и ошибок в отдельных случаях, что, однако, не влияет на итоговую статистику.

Таблица № 1.

Тематика публикаций по казачеству за 2019 г. (по данным РИНЦ)

№ п/п	Предметная область	Количество публикаций
1	История. Исторические науки	614
2	Народное образование. Педагогика	109
3	Литература. Литературоведение. Устное народное творчество	58
4	Языкознание	47
5	Государство и право. Юридические науки	36
6	Социология	27
7	Искусство. Искусствоведение	17
8	Культура. Культурология	14
9	Физическая культура и спорт	11
10	Политика. Политические науки	10
11	Философия	9
12	Религия. Атеизм	6
13	Сельское и лесное хозяйство	6
14	Комплексное изучение отдельных стран и регионов	4
15	Легкая промышленность	4
16	Экономика. Экономические науки	4
17	География	3
18	Медицина и здравоохранение	3
19	Биология	2
20	Геодезия. Картография	2
21	Психология	2
22	Строительство. Архитектура	2
23	Военное дело	1
24	Демография	1
25	Комплексные проблемы общественных наук	1
26	Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации	1
27	Математика	1
28	Машиностроение	1
29	Общие и комплексные проблемы технических и прикладных наук и отраслей народного хозяйства	1
30	Организация и управление	1

Сводная наукометрическая и библиометрическая статистика по выборке на сегодняшний день выглядит следующим образом. Всего бы-

ло опубликовано 1133 работы, из числа которых 528 статей в научных журналах, 504 статьи в сборниках трудов конференций, 58 отдельных статей в сборниках или глав в книгах, 29 книг (научных монографий или сборников статей), 13 сборников трудов научных конференций, из которых 11 были специально посвящены проблемам казачества и его историографии, одна историографии отечественной истории и одна народам Кавказа. В числе специализированных конференций, разумеется, учтены и 8-е Токаревские чтения.

Работы были представлены 1302 авторами из 273 научных и образовательных организаций. Статьи были опубликованы более чем в двух сотнях научных журналов. Число статей, опубликованных в журналах, входящих в ядро РИНЦ составило 89 наименований, входящих в Web of Science или Scopus – 84 наименования, входящих в RSCI – 28 наименований. Общее число процитированных статей на сегодня составило 110 наименований, а среднее число цитирований в расчете на одну статью составило 0,15. Индекс Хирша по выборке составил 5 единиц. Для первого года после публикации такое количество цитирований можно оценить как довольно высокое. Следует еще раз подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с предварительными данными. Во-первых, еще не все публикации загружены в НЭБ, а, во-вторых, прошло слишком мало времени для того, чтобы их успели процитировать. Как правило первые реальные масштабы цитирования работы проявляются где-то через два года после публикации. А для крупных, фундаментальных работ признание в виде цитирований порой приходит спустя многие годы. Поэтому данные по неполному первому году после публикации можно рассматривать лишь как условно предварительные.

Таким образом мы можем сделать некоторые, пусть и предварительные выводы. Прежде всего следует констатировать, что в 2019 г. продолжился отмеченный нами ранее [см. 1-6 и др.] тренд на рост динамики публикации статей и увеличение их ежегодного количества. Столь же очевидно и увеличение как общего числа авторов статей по казачьей тематике, так и новых авторов, ранее не публиковавших специальных исследований по этой теме. Продолжает расти тематическое разнообразие публикаций. Так, если в 2017 г. статьи по казачьей проблематике были опубликованы в 21 предметной области, а в 2018 г. – в 25 областях, то в прошлом году тематическое разнообразие охватывало уже 30 предметных областей. Поэтому расширяется год от года и круг журналов, публикующих статьи по казачьей проблематике.

В целом из приведенной статистики мы можем сделать итоговый вывод о том, что исследования феномена казачества продолжают расширяться фронтально, эта тема продолжает пользоваться популярностью у исследователей – казаковедов, и казаковедение как перспективное направление продолжает ускоренное развитие, характерное обычно для но-

вых областей знания. Этот вывод подтверждается и ростом интереса к казачеству в зарубежной историографии, русистике и политической «советологии». Причем характерно, что интерес к казачьей теме проявляют не только ученые из США, Великобритании, Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, Италии, Польши других европейских и постсоветских стран и Японии. В последние два десятилетия сложилась самостоятельная научная школа изучения феномена казачества в Китае. Однако это уже тема для отдельного исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Юрченко И. Ю. Новейшая историография казачества: статистика научных статей в РИНЦ за 2017 г. // ВНМСПВ. 2018. №11(11). С.151-159.
2. Юрченко И. Ю. Новейшая историография казачества: статистика и библиография научных публикаций в РИНЦ за 2018 г. // ВНМСПВ. 2019. №13(13). С.118-133.
3. Юрченко И.Ю. Изучение казачества в первое десятилетие XXI века: динамика исследований и публикаций // ВМНО. 2012. №4-2(28). С.251-266.
4. Юрченко И. Ю. Динамика защит и основные направления диссертационных исследований феномена казачества в первое десятилетие XXI в. // ИСОМ. 2012. №3. С.58-63.
5. Юрченко И.Ю. Историография казачества: в 2-х кн. М., 2013.
6. Юрченко И.Ю. Казачество как феномен в отечественной и эмигрантской историографии XVII–XXI вв. // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития: Сб. статей международной научно-просветительской конференции 27–31 мая 2016 г. / Отв. ред. В.П. Громов. Краснодар, 2016. С. 277–280.
7. Россия и Франция: диалог языковых стереотипов / Е.Л. Березович, Г.И. Кабакова. М., 2019.
8. Комендантов А.С., Матвеев А.Г., Светлов А.В. Автоматизация морфологической разметки архивных документов // МФКМ. 2019. Т. 22. №4. С.53-63.
9. Вишнякова Н.А., Курмышкина О.Н. Информационное сопровождение региональными СМИ деятельности казачьих обществ Мордовии // НО. 2019. №4 (18). С.41-43.
10. Rajović G., Krinko E.F., Vazeroва A.G., Trailovic M. Biographical research in the modern historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I // БГ. 2019. №51 (1). С.209-218.
11. Rajović G., Krinko E.F., Vazeroва A.G., Trailovic M. Biographical research in the modern historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part II // БГ. 2019. Т. 2. №52. С.701-713.

Р.Н. Евдокимов, И.Ю. Юрченко (Москва)

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИИ

Терское казачество всегда было одним самых самобытных казачьих войск, его история и культура неизменно привлекали внимание исследователей. О наиболее раннем периоде истории вольных казаков – терцев и гребенцев сохранились лишь смутные предания. Однако, начиная с XVI столетия, когда Северный Кавказ оказался вовлечен в орбиту влияния Московского царства, мы уже имеем некоторые указания архивных документов и русских летописей. В разное время на Тереке существовали несколько различных казачьих войск, связанных между собой исторической преемственностью. Наиболее ранним элементом были, видимо, гребенские казаки. В это же время появляются терские казаки, что зафиксировано в летописях под 1520 г. Позднее, в царствование Иоанна IV, на Кавказе впервые появились московские стрельцы Григория Враженского «да пять атаманов казачьих, а казаков с ними 500 человек» [1, с.171]. В этот период появились терские служилые казаки, составлявшие часть гарнизона Терской крепости, основанной в 1577 г., и образовавшие поселения вокруг нее. На рубеже XVI–XVII вв. терские казаки принимали участие в событиях Смуты. С этого времени исторические сведения о терских казаках становятся более или менее регулярными. При этом история терского казачества XVII в. остается одной из наименее исследованных страниц во всей истории казаков на Кавказе. Это определяет актуальность исследования проблемы источников и историографии терского казачества XVII в.

Документальная база, позволяющая изучать казачество Терека в пер.пол. XVII в., довольно ограничена, что, видимо, связано, с одной стороны, с удалённостью этого региона от остальной России, не позволявшей контролировать должным образом процесс документооборота и сохранности всевозможных актов из Москвы, с другой же – с отсутствием в рассматриваемое время у самих терских казаков сложившейся «правильной» войсковой организации. Тогда они были представлены различными, полувисимыми друг от друга группами с постоянно меняющимся составом, которые сохраняли значительные черты казачьей волиницы с присущей ей традицией управления по обычному, т.е. бесписьменному, праву. В связи с этим имеющиеся источники относятся прежде всего к вопросу взаимодействия терских казаков с Российским государством, но довольно слабо освещают их внутреннюю структуру и систему службы и хозяйственной деятельности.

При этом значительная, возможно даже наибольшая, часть этих источников опубликована ещё в дореволюционный период. Наиболее ранними собраниями, содержащими документы по истории казачества Терека в рассматриваемое время, являются «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук» и «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией». Тематически содержащиеся в них документы по терцам в основном связаны с событиями мятежа атамана И.М. Заруцкого 1613–1614 гг., когда правительство Михаила Фёдоровича предприняло активные действия по налаживанию контактов с вольным казачеством для недопущения его вовлечения в этот мятеж. Второй сборник также содержит данные по хозяйственной деятельности терских казаков.

Организационное и социально-правовое положение терского казачества, его место в системе вооружённых сил России, а также количественный состав можно определить по данным разрядных книг и, особенно, сметных списков российского войска.

Значительно расширяет содержание приведённых собраний и отдельных публикаций документов сборник «Донские дела», в котором, через призму освещения истории взаимодействия Московского государства с Донским войском, также освещаются многие факты истории казачества Терека – его сношения с Москвой, участие в военных мероприятиях.

Дополнительные сведения, связанные с непосредственным наблюдением условий жизни Терского региона, предоставляют дневники путешественников и торговцев, главнейшим из которых для освещаемого периода является «Хождение купца Федота Котова в Персию».

Обнаруженные неопубликованные источники по терскому казачеству пер.пол. XVII в., довольно немногочисленные, хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Большая часть их связана с дипломатической деятельностью и сосредоточена в фондах: 12 «Разряд XII. Дела о Польше и Литве», 89 «Сношения России с Турцией», 115 «Кабардинские, черкесские и другие дела», 121 «Кумыцкие и Тарковские дела», 123 «Сношения России с Крымом» и 127 «Сношения России с ногайскими татарами». В них можно найти некоторые сведения о казачьих городках и атаманах, об отношениях терцев с российской властью и с горцами. В фонде 141 «Приказные дела старых лет» есть материалы взаимоотношений казаков с воеводами Терков. Наконец, фонд 210 «Разрядный приказ» содержит сведения о деятельности отдельных терских казаков после их выхода с Терека. Так, например, из его документов можно узнать об участии некоторых терцев в формировании полков нового строя в преддверии Смоленской войны, а также в устройстве новых городов в Диком Поле в кон. 1630-х–1640-х гг.

Исторический нарратив о терских казаках весьма обширен и отличается разноплановостью. Особо от историографии можно выделить бога-

тое литературное наследие о кавказских казаках, Кавказе и Кавказской войне. Научное изучение терского казачества и его истории тоже имеет давнюю историю и количество наименований этого тематического направления весьма велико. В него органично вошли несколько историописательных традиций, связанных как с историей казачества, казачковедением, так и с историей Кавказа, кавказоведением, военной историей, историей Кавказской войны и кавказских народов. Кроме того, следует обратить внимание на кроссдисциплинарность самого исторического феномена терского казачества.

В своем развитии и история, и историография кавказского казачества прошли ряд крупных этапов. Первые упоминания о казаках на Кавказе относятся к позднесредневековым источникам, среди которых сегодня главное место занимают летописи и иные документы XV–XVII вв. – периода Московского царства. Однако цельная и самостоятельная историографическая традиция формируется уже в «послепетровский» период в рамках имперской историографии второй половины XVIII–нач. XX вв. Описания терских казаков встречаются в работах А.И. Ригельмана, С.М. Броневского и Ю.Г. Клапрота. При этом собственно историография терского казачества в целом формируется в позднеимперский период, начиная с 1870-х гг. К этому периоду относятся классические работы о терских и гребенских казаках – таких авторов как И.Д. Попко, В.А. Потто, Е.Д. Максимов, И.В. Бентковский, Г.П. Михайловский, М.А. Караулов, П.Л. Юдин, С.М. Урусов, К.К. Абаза, И.И. Дмитренко, Г.А. Ткачев, И.Д. Кузнецов, И.С. Кравцов, С.И. Писарев, Ф.С. Панкратов и др.

Особняком в имперской историографии стоит военная историография, не предназначенная для общего пользования в силу военной секретности. Такое же промежуточное положение между источниками и историографией занимают военные мемуары. Многие из этих источников включают в себя исторические разделы или экскурсии авторов в историю терских и гребенских казаков. Это же отчасти справедливо в отношении неопубликованных отчетов наказных атаманов Терского войска, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде Главного управления казачьих войск (РГВИА. Ф.330. Оп.61).

Имперской историографии прямо наследовала белоэмигрантская казачья историография «единонеделимского» направления межвоенного периода. Альтернативный взгляд на историю кавказского казачества представила так называемая «самостийная» казачья историография, первые попытки которой относились ещё к XIX в., оформление в качестве самостоятельного направления началось в работах казачьих историков и публицистов периода Гражданской войны, а завершилось уже в эмиграции в публикациях «Вольного казачества», «Кзакии» и других казачьих «самостийных» журналов, работе И.Ф. Быкадорова, и, наконец, достигло своего логического завершения в американском издании известного

казачьего словаря Губарева и Скрялова. Более умеренную позицию занимал А.А. Гордеев, который относил возникновение терских казаков ко временам Золотой Орды.

Советская историография терских казаков прошла в своем развитии ряд этапов. Первые работы начала 1920-х гг. отличались крайней схематичностью подходов и приверженностью к упрощенным трактовкам, свойственным примитивизированному марксизму «школы Покровского». При этом все внимание было обращено исключительно на историю революционной борьбы. В этом контексте северокавказские горцы рассматривались самим Покровским как революционная сила, а терские казаки как контрреволюционная, орудие царизма, гении грабежа в Кавказской войне. На раннюю историю терских казаков при таком подходе внимания не обращали.

Некоторая ревизия трактовок произошла в годы проведения «Политики лицом к казачеству» и последующего «заигрывания с казачеством» в преддверии надвигающейся Второй Мировой войны. Коренной пересмотр оценок «советского казачества» произошел в годы Великой Отечественной войны. Это все, разумеется, сказалось и на оценках исторической роли терских казаков. В послевоенное время терцы и гребенцы были признаны в качестве этнографических групп старожильческого населения Северного Кавказа, что повлекло за собой подлинно научное изучение их истории и культуры. В частности, в Грозном Б.Н. Путиловым были собраны и академически опубликованы с научным аппаратом и комментарием тексты народных песен гребенских казаков (1946) и исторические песни терских казаков (1948).

Настоящего расцвета советская историография терского казачества достигла в 1960–1980-е гг. В этот период был опубликован ряд статей по вопросам ранней истории терских и гребенских казаков. Ключевую роль в изучении терского казачества в эти годы сыграли обширные и многолетние полевые исследования и опубликованные на их основе труды Л.Б. Заседательской, защитившей по этой теме свои кандидатскую (1969), а затем и докторскую (1996) диссертации. В те же 1960–1970-е гг. Л.Н. Гумилев на основе своих археологических работ по датировке трансгрессий Каспия, а также исследований в ряде терских станиц пришел к выводу об отсутствии разрыва между «хазарским» и «гребенским» культурным слоем. Из этого он сделал вывод о домонгольском происхождении гребенских казаков непосредственно от хазар. Выводы и методы Гумилева были подвергнуты критике многими археологами, но вопрос этот ещё не решен и требует дальнейших археологических изысканий. Отчасти точку зрения о возможном домонгольском происхождении гребенских казаков разделял археолог и историк В.Б. Виноградов, который видел в числе их возможных предшественников бродников. Возникшая в Грозногом научная

школы в 1970–1980-е гг. внесла весомый вклад в изучение ранней истории терского и гребенского казачества.

После фундаментальной работы Заседательевой, в 1970–1980-е гг. были защищены также три кандидатских диссертации, специально посвященные терским казакам. Это работы филологов Л.С. Киреевой о народной поэзии терских казаков (1973) и Е.М. Белецкой о песенном фольклоре гребенских казаков (1986), а также историка В.И. Денискина о сельском хозяйстве терских казаков в пореформенный период (1974). На излете советской эпохи вышла специальная монография И.Л. Омельченко «Терское казачество» (1991). Однако в целом в этот исторический период исследования терского казачества не выходили за рамки историко-этнографических работ и оставались на далекой периферии магистральных направлений советской историографии. Однако, не в коем случае, нельзя утверждать, как это зачастую делалась в последующих работах 1990-х гг., что в советское время вся тема казачества была под запретом и решительно ничего ценного советская историография терского казачества не дала.

Ситуация изменилась в постсоветской историографии 1990-х гг., что было связано с начавшимся ранее «казачьим ренессансом», как в масштабах всей страны, так и на Северном Кавказе. Это было противоречивое время кризиса традиционных советских и марксистских методологических подходов, их ревизии и радикального переосмысления всей историографии казачества. Тогда вышло огромное количество публикаций по казачьей тематике. Однако внимание исследователей и публикаторов в эти годы было всецело поглощено запретными ранее темами, исследованием и публикациями документов по таким проблемам, как белое и другие антибольшевистские движения, Первая мировая и Гражданская война, рассказывание и репрессии, публикации эмигрантской и антисоветской литературы, история последних Романовых. Именно в таких контекстах исследовалась и вся казачья проблематика, включая и историю терского казачества. Еще одной политически актуализированной проблемой стала история Большой Кавказской войны и участия в ней терского казачества.

Важным событием начала 1990-х гг. стало «вынужденное переселение» всей школы В.Б. Виноградова из Грозного в Армавир, где в круг интересов ученых естественным образом вошла кубанская проблематика. Однако и здесь ученые этой школы организовали в конце 1990-х периодическую Кубано-Терскую научную конференцию «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа», которая успешно проходит раз в два года и по сей день. В 1994 г. В.Г. Коломиец выпустил небольшую обзорную работу по истории и культуре терских казаков. В это десятилетие следует отметить защиту кандидатских диссертаций историков И.Е. Дуношкина по терским казакам в революционный период (1996) и И.Л. Омельченко (1997) по теме своей монографии 1991 г. Важным собы-

тием стала защита обобщающей докторской С.А. Козлова по северокавказскому казачеству в XVIII в. (1997) и, конечно, упомянутая выше защита докторской в виде научного доклада Л.Б. Заседательевой «Восточные славяне на Северном Кавказе в середине XX в. (динамика этнокультурных процессов)» (1996). Как можно видеть в это десятилетие в изучении ранней истории терского казачества особенных новых успехов достигнуто не было. На рубеже веков в результате многолетних исследований Г.А. Яковлева выпустила монографию о терских казачьих говорах Северного Кавказа (2000).

Наконец, с начала 2000-х гг. наступает в узком смысле новейший этап развития современной историографии терского казачества. В новейшей историографии казачества XXI в. отчасти были преодолены последствия методологического кризиса отечественной постсоветской историографии 1990-х гг., устранены тематические и методические «перекосы» в исследованиях и публикациях, характерные для предшествующего периода и, таким образом, закладываются основы взвешенной и объективной исследовательской оценки накопленного историографического опыта.

В первое десятилетие нового века было защищено 10 кандидатских диссертаций по тематике терского казачества, из них 6 исторических: Д.И. Савченко, Е.А. Ткачёва, Э.В. Бурды, С.А. Книевского, Т.А. Ткаченко, А.А. Бесоловой. Среди этих работ лишь три включали исследование ранней истории терцев: первое – Д.И. Савченко (2003), который некритически повторял басни Е.П. Савельева, второе – С.А. Книевского (2005), только декларировавшего исследование с XVI в., а на самом деле «уложившего» всю историю «до начала XVIII столетия» в один абзац, и третье – отличная во всех отношениях диссертация Т.С. Ткаченко. В этот же период была опубликована специальная монография Н.Н. Великой (2001), и тогда же она защитила обобщающую докторскую диссертацию. В эти же годы вышли первые значимые работы И.Х. Тхамоковой о терцах. Также в это десятилетие вышел ряд других книг, сборников и отдельных статей.

Во втором десятилетии ситуация выглядит уже по-иному. Прежде всего резко (до двух) сократилось число защищенных кандидатских диссертаций, из которых только историографическая, по сути, работа Ф.А. Киржиновой (2012) отчасти имеет косвенное отношение к ранней истории терцев. При этом вышло два десятка книг, из которых тему ранней истории терцев раскрывает только новая монография И.Х. Тхамоковой (2017). В это десятилетие наблюдается бурный рост публикации научных статей, число которых только по данным РИНЦ достигло на сегодня 211 наименований, из которых почти три десятка касаются вопросов ранней истории терско-гребенского казачества. Правда, большинство авторов повторяют уже давно известные факты, не внося, по сути, ничего нового. При этом новые гипотезы, основанные на архивных документах, выдвигает в ряде оригинальных статей вышеупомянутая И.Х. Тхамокова. На участие

терских казаков в освоении Сибири в XVI в. указал в двух статьях Я.Г. Солодкин. Версию об этногенетических связях терцев с бродниками поддерживает известный археолог А.А. Кудрявцев. Особенное беспокойство вызывают статьи О.В. Матвеева о деградации исторической памяти терцев в результате этнографической катастрофы 1990–нач. 2000-х гг. и стремительного «старения» терских казаков в результате исхода молодежи.

И, наконец, радикальной новизной подхода к методологии исследования ранней этногенетической истории терских казаков отличаются статьи большого коллектива популяционных генетиков во главе с О.П. Балановским. Их методы и выводы уже вызвали неоднозначную и разнонаправленную реакцию со стороны историков и самих казаков – от безусловного одобрения, до острой критики. Главное нарекание на наш взгляд состоит в узости выборки по двум районам Кабардино-Балкарии, без сбора материала в «старинных» терских станицах на территории Чечни, где терские казаки живут гораздо более изолированно. Но сам метод популяционной генетики, переживающей сегодня подлинный расцвет, отбрасывать, безусловно, не следует. Подробную библиографию новейших статей и статистику исследований можно найти в приведенных ниже и иных работах авторов [2-5].

Таким образом, ранняя история терского казачества остается наименее исследованной, что связано как со скудостью источниковой базы, так и с явным дефицитом новых изысканий в отечественных, а, особенно, зарубежных хранилищах, археологических, археолингвистических, этнографических, антропологических и этногенетических полевых исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Казачьи войска. Хроника: [репринт] / Сост.: В.Х. Казинь; под ред. В.К. Шенк. [б.м.], 1992.
2. Юрченко И.Ю. Новейшая историография казачества: статистика научных статей в РИНЦ за 2017 г. // ВНМСПВ. 2018. №11 (11). С.151-159.
3. Юрченко И.Ю. Новейшая историография казачества: статистика и библиография научных публикаций в РИНЦ за 2018 г. // ВНМСПВ. 2019. № 13(13). С.118-133.
4. Юрченко И. Ю. Изучение казачества в первое десятилетие XXI века: динамика исследований и публикаций. // ВМНО. 2012. №4-2(28). С.251-266.
5. Юрченко И.Ю. Динамика защит и основные направления диссертационных исследований феномена казачества в первое десятилетие XXI в. // ИСОМ. 2012. № 3. С.58-63.
6. Юрченко И.Ю. Историография казачества: в 2-х кн. М., 2013.

Е.В. Годовова, В.Б. Чащин (Оренбург)

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СПЕЦИФИКА ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Образование Оренбургского казачьего войска тесно связано с историей Оренбургского края, «в устройстве которого, как отмечал в своих записках П.И. Авдеев, на долю казаков досталось принять немаловажное участие» [1, с.5].

К середине XVIII века на берегах Яика возникает система укреплений – Оренбургская пограничная военная линия. Поначалу новопостроенные укрепления стали заселять гарнизонными полками. Правительство стремилось приспособить их к несению пограничной службы на рубежах Южноуральского края, сделав более подвижными, маневренными и способными к отражению внезапных набегов кочевников. Совместное несение гарнизонной и сторожевой службы регулярных и нерегулярных войск и прежде всего казачьих отрядов давали возможность руководителям Оренбургской экспедиции сравнивать эффективность службы тех и других.

В условиях степных просторов и малопересеченной местности регулярные драгунские и пехотные роты не могли успешно отражать частые и внезапные налеты степных кочевников и тем более их преследовать, поэтому еще И.К. Кириллов (в ряде источников фамилия пишется Кирилов – *Е.Г.*) предлагал создать из городских казаков отдельное войско, способное более эффективно защищать новые промышленные регионы. Сообщая о положении дел на линиях вновь строящихся крепостей, летом 1736 г. И.К. Кириллов констатировал, что более «полезные службе легкие нерегулярные нежели регулярные» войска, и предлагал начать в более широких масштабах формирование именно нерегулярных войск в этом регионе. Он указал, что создать нерегулярные команды можно за счет уфимских, сакмарских и самарских казаков, крещеных калмыков, яицких и исетских казаков, незаписанных беглых крестьян, служивших иноверцев(татар, башкир, мещеряков) и даже «ссылных».

Относительно порядка несения военной службы И.К. Кириллов предполагал распространить на новое казачество Устав, существовавший для городских казаков. Правительство поддержало такую инициативу, так как это позволяло не привлекать регулярные части, задействованные на театре русско-турецкой войны, и вместо регулярных команд в распоряжение начальника Оренбургской экспедиции послать осужденных на каторгу для формирования из них казачьих частей. В феврале 1736 г. Анна Иоанновна издала указ, в котором говорилось, что для увеличения на Оренбургской линии русских людей «ссылочных, вместо Сибири, к нему,

статскому советнику Кириллову, отсылать». При этом Кириллову предлагалось подходить к ссыльным дифференцированно: годных для несения службы направлять в нерегулярные войска, других – на пашню и третьих «за тяжкие вины и к воздержанию ненадежных, в шарты определять, а излишних по прежнему Нашему указу, в работу на Сибирские казённые заводы отсылать» [2].

По предложению И.К. Кириллова было решено перевести на Оренбургскую линию и часть украинских казаков. В 1741 г. в Оренбургский край прибыла из Малороссии группа в составе 209 семей (в общей сложности 849 служилых казаков). Прибывшие были поселены в крепостях Чернореченской, Татищевской, Рассыпной и Переволоцкой. Кроме того, малороссийские казаки приезжали в Оренбуржье и отдельными семьями. Только за 40-е годы XVIII в. на юго-восточную границу было переселено не менее тысячи служилых казаков-украинцев [3, с.55].

Практически все представители правительства на Южном Урале, возглавлявшие Оренбургскую комиссию, считали, что нерегулярные казачьи части должны преобладать над регулярными, а И.И. Неплюев был совершенно уверен, что их соотношение должно быть либо 1 к 3, либо 1 к 4: «Так, чтобы против числа нерегулярных, довольно третья или четвертая доля регулярных». Этому вопросу Неплюев придавал серьезное значение. В своих проектах и отчетах в столицу он настойчиво доказывал, что в несении гарнизонной и особенно сторожевой службы превосходство, по сравнению с регулярными ротами, не говоря уже о ландмилицких пехотных, принадлежало казачьим отрядам.

С учреждением в 1744 г. Оренбургской губернии общее руководство всеми размещавшимися в крае войсками перешло в ведение губернатора. Система пограничных линий в целях упорядочения управления была реорганизована и разделена на 8 дистанций – Нижнеяицкую, Самарскую, Сакмарскую, Красногорскую, Орскую, Верхнеуйскую, Нижнеуйскую и особый Оренбургский дистрикт [4, с.4]. Во главе пограничных дистанций власти поставили офицеров регулярной армии. Казачьи же командиры оказались разбросанными на значительной территории и не были связаны между собой.

С увеличением числа укреплений пришлось думать и об увеличении военной силы, поэтому губернатор И.И. Неплюев обратил особое внимание на оренбургское и яицкое казачество. И.И. Неплюев справедливо считал крайне необходимым создание органа по их управлению. Итогом его неоднократных обращений в Сенат и Военную Коллегию стал указ 1748 г., в котором предписывалось: «По всему обретающемуся в Оренбургской губернии нерегулярному корпусу назначить атамана, подчиняя ему также Самарских и Уфимских казаков и дворян, с их атаманами, старшинами, отставными и малолетками, и числить их всех в одной команде». Общее руководство первоначально передавалось бывшему Са-

марскому станичному атаману Матвею Шилову [4, с.4]. Вскоре Матвей Шилов был заменен сотником самарских городских казаков Василием Могутовым, утвержденным в должности войскового атамана Высочайшим указом только семь лет спустя.

Таким образом, в 1748 г. был образован Оренбургский нерегулярный корпус, учреждена должность войскового атамана. В состав нерегулярного войска были также включены исетские казаки, часть яицких, донских и малороссийских казаков. В 1755 г. военная коллегия по докладу И.И. Неплюева утвердила новый штат Оренбургского казачьего корпуса и всего войска. Корпус насчитывал теперь 1094 человека, а все войско – 5597 человек [5, с. 30].

Специфика Оренбургского казачьего войска заключается в следующем:

Во-первых, Оренбургское казачье войско не прошло стадию формирования вольных казачьих общин с выборными атаманами и казачьим кругом – демократическим органом, призванным сообща решать все существенные вопросы вольных казачьих общин, как это имело место в отношении Донского и Яицкого казачьих войск, которые только после длительного самостоятельного существования стали постоянной составной частью русского войска.

Во-вторых, Оренбургское казачье войско создается государством «сверху». Причем в основу его образования были положены не институты вольного казачьего демократизма, а организационные принципы, выработанные Московским государством в XVI в. при создании отрядов городских казаков. Вся военная служба городских казаков проходила под непосредственным руководством со стороны государства. Создавая Оренбургское казачье войско, правительство учитывало более чем 300-летний опыт использования городских казаков на службе Российского государства.

В-третьих, Оренбургское казачье войско учреждалось государством при наличии на Южном Урале регулярной армии, большинство офицеров которой прошли выучку в гвардейской школе. Опираясь на регулярную армию, государство с самого начала формирования Оренбургского войска ставит его в полную зависимость от грамотных и высокообразованных офицеров Российской армии, имеющих богатый боевой опыт. В этом состоит одно из принципиальных отличий Оренбургского казачьего войска от Яицкого или Донского.

В-четвертых, Оренбургское казачье войско было многонациональным и поликонфессиональным. В его состав помимо русских входили татары, нагайбаки, башкиры, мещеряки, тептяри, калмыки, ногайцы и др. Оренбургские казаки были не только православными, но и мусульманами, буддистами, язычниками и старообрядцами.

Итак, в XVIII в. по воле правительства для охраны юго-восточных рубежей Российской империи было образовано Оренбургское казачье

войско. От существующих на тот период времени казачьих войск оно отличалось особенностью создания, многонациональным и поликонфессиональным составом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная Советником Войскового хозяйственного правления П.И. Авдеевым в 1873 г. Оренбург, 1904.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). Т. IX. №6890.
3. История казачества Урала / Под общ. Ред. В.Ф. Мамонова. Оренбург – Челябинск, 1992.
4. Семенов В. Г. Из истории Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1991.
5. Футорянский Л.И. Оренбургские казаки на защите Отечества (исторический обзор) // ВОГУ 2011. №5 (124). С.30-36.

РАЗДЕЛ III. ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЮГА РОССИИ

А.А. Шейхумеров (Симферополь)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРЕСТИЖНОСТИ СРАЖЕНИЯ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

Постоянно участвуя в войнах и набегах, крымские татары имели свои представления о военной чести и славе. Важное место в системе ценностей крымских аскеров занимало участие в бою. В Крымском ханстве считалось позорным уклоняться от битвы, имея сильное войско и провести крупную кампанию без каких-либо успехов. а первый взгляд это противоречит популярному представлению о том, что крымские татары не любили вступать в бои с противником. Действительно, часто ханские полководцы стремились избежать столкновения, и это вызывалось определенными обстоятельствами – желанием набрать во время набега добычу и уйти с ней без лишних потерь, осознанием превосходства неприятельских сил и т.д. Однако вместе с тем есть достаточно свидетельств того, что для крымских военачальников вступление в сражение было делом чести и сохранения репутации.

Османский хронист Мустафа Наима писал, что в преддверие Цецорской битвы (1620), турецкий командующий Искандер паша будто бы хотел оставить крымских татар в тылу охранять лагерь. Это вызвало гнев у калга-султана Девлета Герая, поставившего паше ультиматум: либо его воины будут сражаться с противником, либо они возвращаются в Крым [4, с.58]. Во время набега зимой 1643/1644 гг. Тугай бей и другие полководцы узнали, что неподалеку от них находятся поляки, «после чего твердо постановили на войско напасть и либо выиграть, либо проиграть, но не отступать, не попробовав» [15, с.46]. Вероятно, это решение было принято под влиянием боевого пыла и противоречило первоначальным планам, ведь хан Мехмед IV Герай поручил избегать столкновений с польской армией, ограничившись опустошением королевских земель. Халим Герай в «Розовом кусте ханов» излагает такую историю пленения кызылбашами Адила Герая и Гази Герая во время ирано-турецкой войны 1578-1590 гг.: «они оказались перед огромной армией иранского принца Хамзы. Считая бегство не приличествующим своему достоинству и воинской чести, принцы немедленно вступили в бой» [11, с.43]. Хотя в данном случае перемешаны различные бои (Адил Герай попал в плен в 1578 г., а будущий хан Гази Герай – в 1581 г.), все же перед нами наглядная иллюстрация представления о почетном поражении как альтернативе бесславному отступлению в изложении поздней крымской традиции.

Особенно щепетильно относились к чести в случае крупномасштабных походов. Масштабная мобилизация, охватывавшая не только Крым, но и подчиненные ханству ногайские улусы, торжественная церемония выступления в поход самого хана и его двора – все это обязывало действовать согласно понятиям государственного престижа и чести. Придворный хронист Исляма III Герая Мехмед Сенаи писал о Зборовской кампании (1649): «воины взяли языка, от которого узнали о марше польской армии навстречу крымцам, после чего татарское «войско заспешило вперед, чтоб встретить злонравного короля лицом к лицу» [2, с.55]. В 1651 г., во время очередной кампании в Польше, хан говорил своим командирам: «Пришли мы с таким большим войском, дай Бог не напрасно» [3, с.137]. В 1653 г. крымско-татарские командующие на совете в Баре решили, что будут стоять в Украине еще 20 дней, а потом пойдут на армию короля Яна Пказимира, ибо им было стыдно возвращаться домой без битвы [14, с.240].

Ярким примером стремления к битве, диктуемого не стратегическими соображениями, а лишь воинским престижем, можно считать поход Шехбаза Герая на Львов в начале 1695 г. Предыстория его такова: осенью 1694 г. крымский султан Шехбаз Герайс 4-тысячным войском сопровождал обоз с продовольствием и снаряжением для османского гарнизона Каманиче (Каменец-Подольского). Поляки сумели перехватить обоз и разгромили Шехбаза Герая в битве под Устечком 6 октября того же года. Считая произошедшее сильным ударом по своей воинской репутации и желая отомстить противнику, военачальник просил своего отца, хана Селима Герая, прислать ему подкрепления, дабы он смог вернуть себе славу [12, с.3]. Хан согласился и в январе 1695 г. султан выступил из Буджака и, проводив обоз в Каменец-Подольский, двинулся прямо на Львов, где были расквартированы польские войска. В произошедшей затем битве 11–12 февраля поляки были разбиты и бежали в город. В числе захваченных трофеев было знамя гетмана С.Я. Яблоновского, победившего ранее под Устечком и едва не попавшего в плен под Львовом. Еще одним примером подобного рода является битва у Ялгыз Агач, имевшая место во время третьего русского вторжения в Крым в 1738 г. Хан Менгли II Герай напал на врага, когда тот уже покинул полуостров. Сопровождавший русскую армию врач И.Я. Лерхе писал, что «Хан поклялся отомстить» за предшествующее разорение страны [9, с.45].

В эпоху Крымского ханства практиковался символический вызов противника на бой. Потерпев поражение под Берестечком, Ислям Герай во время отступления в Крым из-под Константинова написал польскому королю письмо, «в котором, желая прикрыть большой стыд из-за бегства, признавал, что бежал, заявляя, однако, что готов сразиться в тамошних просторных полях, а не возле берестецких болот... В том же листе добавлял, что охотно ожидает под Константиновы если не самого короля, то хотя бы русских панов» [15, с.346]. Во время вступления крым-

ско-кубанских войск в Кабарду зимой 1720/1721 г. Саадет Герай уведомил калмыцкого военачальника Чагдорджаба: «ежели де хочешь с нами, крымцы, воеватца, то де укажи место, и мы де с вами воеватца готовы» [10, с.67-68].

Считалось почетным взять штурмом вагенбург (ввиду его труднодоступности для конницы) и военная история ханства знает примеры, когда атаки на табор проводились лишь ради престижа. Так, в 1618 г. калгасултан Девлет Герай атаковал (хотя и неудачно) польские таборы под Оринином, чтобы прославиться победой над вагенбургом, причем он лично вел свои войска в бой и под ним захватили коня. Калга-султану в то время было всего 17 лет [17, с.346].

Своеобразные представления о доблести влияли даже на маршрут войск и стратегические планы. Наглядно это проявились во время кампании 1594 г. Хан Гази II Герай должен был выступать в помощь турецкой армии, готовившийся наступать в Венгрии. Наиболее безопасным для крымцев маршрутом был путь из Крыма вдоль Дуная. Полагаем, что хан руководствовался соображениями престижа и потому намеренно повел крымское войско через Карпаты. Сложность задачи заключалась в том, что польское правительство отказалось пропустить татар, подготовившись вооруженным путем воспрепятствовать их маршу. Таким образом, Гази Герай должен был преодолеть препятствие в виде польских гарнизонов в прикарпатских городах и полевой армии гетмана Я. Замоиского, сломить сопротивление венгерских отрядов, занявших карпатские перевалы и лишь затем двинуться к Дунаю [13]. В стремительной кампании, потрясшей современников, Гази Герай справился с этой сложной задачей, выведя свое войско на соединение с силами великого везира Синана паши. Таким образом, хан успешно подтвердил высокую репутацию крымской армии, ее способность к маневрированию и ведению боевых действий даже в условиях горно-лесистой местности. Наверняка он был доволен собой – а ведь какую бы славу можно было получить от безмятежного продвижения по территории Валахии? Еще перед началом этого необыкновенного похода польский военачальник С. Жолкевский писал королю, что Гази II Герай является «рыцарским человеком» и отправится в поход, чтобы добыть славу полководца, поведшего свои войска в такие далекие земли [16, с.42].

Герая декларативно заявляли, что считают оказанием слишком большой чести противнику личное выступление в поход против военачальников с низким статусом. Так, в 1575 г. хан Девлет I Герай писал царю Ивану IV Грозному о набеге на Речь Посполитую и своем неучастии в нем: «яз потому сам воротился, что Литовская земля безгосударная, и послал есми сына своего Адыл-Гирея» [8, с. 226]. То есть хан заявлял, что не станет утруждать себя экспедицией, в которой не встретит против себя равное себе по статусу лицо. Он с гордостью писал своему российскому

сопернику, что тот до сих пор ни разу не сразился с ним на поле боя [8, с.226]. То, что Иван IV Грозный так и не принял на себя личное командование в кампаниях против Девлета I Герая в 1571 и 1572 гг., хан объявлял бесчестьем для царя. В своем знаменитом ярлыке Девлет Герай сообщал московскому монарху по поводу похода 1571 г., что «хотел есми венца твоего и главы, и ты не пришел и против нас не стал. Да и ты похваляешься, что де яз – московской государь. И было б в тебе срам и дородство, и ты б пришел против нас и стоял» [7, с.329]. Обратим внимание на постановку вопроса: хан спрашивает, как мог Иван именовать себя московским государем, если допустил гибель Москвы, не защищая ее лично? В 1653 г. хан Ислям III Герай, отвечая на просьбы Б. Хмельницкого об оказании помощи, отправил в Украину своего представителя, который должен был выяснить силы польской армии и узнать, кто ею командует. Поддержка должна была оказываться в зависимости от полученных сведений: «Если наверняка идет сам король, то сам хан пойдет в помощь Хмельницкому с царевичами и Ордой; если пойдет только гетман (польский), то хан пошлет только царевича» [1, с.498].

Крымские татары высоко ставили честь своего войска и считали, что правитель должен быть победоносным. Поэтому поражение того или иного хана иногда приводило к потере им авторитета у подданных и даже утрате власти. Так, крымские беи не простили хану Саадету I Гераю неудачную осаду Черкасс в 1532 г., а Каплан I Герай в 1708 г. лишился трона после поражения от такого второстепенного и слабого противника, как кабардинцы. Нельзя не заметить, что битва при Молодах 1572 г., ныне позиционируемая как мнимое «уничтожение» и «разгром» крымских татар, никак не повлияла на престиж хана Девлета I Герая среди населения (доказательства обратного нам неизвестны).

В Крыму считалось позорным собрать огромное войско и не добиться никаких значимых успехов. Так, после неудачной попытки форсировать Оку во время похода на Москву в 1541 г., хан Сахиб I Герай заявил беям, «что получил великое бесчестье, привел с собой многих орд люди, а Русской земле не учинил ничего». Ему напомнили, что Тимур в свое время взял Елец и посоветовали осадить Пронск, чтобы не распространилась молва, что хан «приходил на Рускую землю, а Руси не учинил ничего» [5, с.300]. В походе 1552 г. хан Девлет I Герай, узнав о сборе царского войска под Коломной, начал отступать. Беи заявили ему: «аще хочещи срам свои покрыти, есть у великого князя град Тула на Поле, а от Коломны за великими крепостьми и лесы и далеко от Коломны, и ты учинишь тому, что и в Литве Бряславлю» [6, с.84] (имелось в виду взятие ханом Брацлава в 1551 г.). На первый взгляд кампания 1552 г. показывает неискренность крымского монарха, который в одном случае избегает столкновения с войском царя, в другом укоряет Ивана Грозного в нежелании сражаться. Однако стоит заметить, что каждая сторона обыкновенно называ-

ла доблестной именно себя, а отдельные провалы не меняли этого мнения.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что крымские татары считали себя отважными людьми, строго относящимися к воинской чести и стремившимися не допустить падения собственного престижа на поле боя. Они считали участие в битве и одержание победы важными для снискания славы, и в этом не отличались принципиально от своих соседей. Ради поддержания «чести мундира» военачальники были готовы ввязываться в излишние со стратегической точки зрения бои, совершать продолжительные марши или даже проводить целые кампании лишь для утверждения своего статуса умелых полководцев. Это противоречит популярным у некоторых современников и историков представлениям о нежелании татар сражаться (что, впрочем, справедливо по отношению к набеговым операциям, в которых упор делался на захват добычи). Популярность правителя в Крымском ханстве обеспечивалась эффективностью его действий как военного лидера.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Грушевський М. Історія України-Руси. Том ІХ. Книга 1. К., 1996.
2. Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. Симферополь, 1998
3. Мицик Ю. Нові документи з історії Берестецької битви 1651 р. // УДЖ. 2012. № 1. С. 135-142.
4. Наїма Мустафа. Гюсейнові городи у витягу історії з заходу та сходу. (Повідомлення про Україну). К., 2016.
5. ПСРЛ. Том VIII. СПб, 1859.
6. ПСРЛ. Том XIX. М.-Л., 1965
7. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. М., 2016.
8. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. М., 2016.
9. Тарасенко Е.Н. И.Я. Лерхе и его «История жизни и путешествий...» о Северном Приазовье в 1738-1739 гг. Нижневартовск, 2019.
10. Тептеев В.Т. Кабардинский вопрос в калмыцко-крымских отношениях зимой 1720-1721 гг. // МАН. 2018. №1. С. 62-69.
11. Халим Герай-султан. Розовый куст ханов или История Крыма. Симферополь, 2008.
12. Finkel L. Napad Tatarówna Lwów w roku 1695. Lwow, 1890.
13. Kocowski B. Wyprawa Tatarówna Węgrzy przez Polskę w 1594 r. Lublin, 1948.
14. Kubala L. Szkice historyczne, seryadruka. Lwów, 1880.
15. Oświęcim S. Stanisława Oświęci madyaryusz 1643-1651. Kraków, 1907.
16. Żółkiewski S. Listy Stanisława Żółkiewskiego 1584-1620. Kraków, 1868.
17. Żółkiewski S. Pisma Stanisława Żółkiewskiego. Lwów, 1861.

В.С. Великанов (Москва)

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ЗИМОЙ-ВЕСНОЙ 1679 Г.

Летняя кампания 1678 г. завершилась падением Чигирина и отступлением российской армии кн. Г.Г. Ромодановского на левый берег Днепра. Воспользовавшись его отходом, турки восстановили в сентябре власть гетмана Ю. Б. Хмельницкого практически над всем Правобережьем (кроме окрестностей Киева), и 4 октября распустили свои войска по домам до следующей весны. Участвовавшие в походе вместе с турецкой армией крымские татары во главе с ханом Мурад Гиреем также направились домой в Крым, переправившись через Днепр у Казыкормени. На Правобережье с Ю. Б. Хмельницким осталось всего 1,5 крымских татар и ногаев Батуржан-мурзы, Кутлош-мурзы и Урак-мурзы (ногаи) [2, стлб.708, 711]. В начале октября они вместе с правобережными казаками совершили небольшие рейды в окрестности Киева, а также на левый берег Днепра. От захваченных пленных и от лазутчиков турецкое командование получило известия о том, что российское правительство планирует весной следующего 1679 г. отправить на Правобережье крупную армию. Для того, чтобы ослабить противника и, по возможности, сорвать или затруднить мобилизацию его сил, крымскому хану в начале ноября был послан указ немедленно атаковать Левобережье и южные окраины российского государства [10, с.422]. Не смея ослушаться воли султана, Мурад Гирей сразу же двинулся в зимний поход, выслав вперед авангард под командованием калгисултана Тохтамыш Гирея и нуррадин-султана Саха Гирея [11, с.324-325].

Российское командование начало получать сообщения о готовящемся зимой 1678–1679 гг. нападении крымских татар на Левобережье с середины ноября. 16 ноября небольшой отряд крымских татар совершил нападение на Санжары под Полтавой. В ходе боя татары были отбиты, потеряв несколько пленных, которые сообщили, что хан со всей ордой уже выступил в поход, и сейчас стоит лагерем на Каланчачке, а вперед направил для разведки и захвата пленных двух ханов с частью своих сил [9, л.715].

20 ноября еще один отряд в 300 крымских татар и 200 казаков под командой корсуньского полковника И. Яненко появились под Киевом. В распоряжении киевского воеводы кн. М. А. Голицына находилось всего 3172 чел. урядников и рядовых [5, л.1], в т.ч. всего 106 конных рейтар. Ранее в сентябре 1678 г. было принято решение об усилении киевского гарнизона дополнительно тысячей белгородских солдат и 5 тыс. комарицких драгун, но после получения известий об уходе в начале октября турецкой армии с Украины на зимние квартиры, переброска дополнительных подкреплений была отменена. В результате, у Голицына едва хватало

сил на оборону длинного периметра киевских стен, и не было свободных войск для того, чтобы отогнать небольшой отряд противника [9, л.659]. Не получив помощи из Киева местечки Стайки и Оржищева (совр. укр. Ржищев) были вынуждены признать власть Ю. Б. Хмельницкого, а жители Триполья – бежали на Левобережье [9, л.659].

Получив многочисленные сообщения о готовящемся широкомасштабном нападении крымских татар на Левобережье, российское правительство немедленно предприняло меры по усилению обороны южных рубежей. И. И. Лихарев, который в отсутствие отозванного в Москву кн. Г.Г. Ромодановского, руководил войсками Белгородского разряда, получил приказ о мобилизации ратных людей и сборе их в Сумах. Гетману И.С. Самойловичу был отправлен указ о направлении к Днепру для охраны переправ через реку малороссийских казаков, дополнительно 300 сумских казаков должны были стать в Чигирин Дубраве, а 200 ахтырских – в Жовине [9, л.746]. Также были усилены царские гарнизоны в малороссийских городах. Новым киевским воеводой был назначен кн. Н.С. Урусов, вместе с которым на службу в Киев 8.11.1678 г. были назначены 4 стрелецких приказа из Смоленска и даточные стрельцы, набранные с южных городов, а 13 декабря к ним были дополнительно добавлены еще 6 приказов московских стрельцов (Г. Титова, В. Тяпкина, М. Вешнякова, Н. Борисова, Ф. Мещеринова и В. Кривского) [2, стлб.715, 758]. В Переяславль еще в октябре новым воеводой был назначен Л. Р. Неплюев, вместе с которым на службу должны были прибыть 2 тыс. рейтар и 2 тыс. драгун белгородских и севских городов, а также тысяча городовых стрельцов и пушкарей севских городов, которые должны были составить солдатский полк Н. Фанзалена [7, л.10-11].

15 декабря в Москве было получено новое письмо от кн. М.А. Голицына, в котором он сообщал о том, что Ю.Б. Хмельницкий в ближайшее время планирует соединиться в Корсуни с тремя «крымскими салтанами» и валашским господарем, и как только Днепр замерзнет, то идти походом «на переяславскую сторону» [2, стлб. 763]. В следующем письме из Киева, полученном в Москве 6 января, сообщалось, что татары планируют в ближайшее время перейти через Днепр и встав у Золотонощи «иметь татарские загоны в розные места». В связи с этим 8 января было принято решение оставить 6 московских приказов Урусова в Севске для прикрытия северских городов, поручив их под команду кн. Г.А. Козловского [2, стлб.765-766]. Еще через несколько дней кн. М.А. Голицын сообщил в Москву, что 4 января он получил известия о том, что калга-султан с крымской ордой в начале января должен двинуться Муравским шляхом на русские окраины и Левобережье, а Ю.Б. Хмельницкий со своими казаками, валахами и 10 тыс. белгородской ордой заблокировать Киев [7, л.108-110]. Кн. Н.С. Урусову, который с 4 смоленскими приказами все еще был в Брянске, 23 января был послан указ срочно идти в Чернигов, а кн. Г.А. Козловскому – в Путивль. Оба воеводы должны были координировать свои дейст-

вия друг с другом и И.С. Самойловичем [8, л.17-18].

В преддверии широкомасштабного вторжения на Левобережье небольшой отряд крымских и белгородских татар Кутлуш-мурзы вместе с казаками И. Яненко 10 января перешли Днепр возле Стайки и дошли почти под Нежин: «орди немалые з Яненко вйшли под Козелец и там великую шкоду учинили людей коло Дніпра, аж по Носовку, многиу села повыбирали» [4, с.131-132]. На обратном пути переяславский полковник И. Лысенко отбил часть полона, убив Кутлуш-мурзу, но большая часть татар благополучно перешла обратно Днепр и вернулась к Корсуню. Этот рейд носил характер частной инициативы Кутлуш-мурзы, и не был согласован калгой-султаном, поэтому в наказание у вернувшихся был отобран весь «ясырь» [11, с.330-331].

Основной поход начался 26 января. Ю.Б. Хмельницкий выступил из-под Ладыжина с 4 крымскими «салтанами» к Черкассам, а калга-султан с остальной ордой и казаками Яненко к Каневу. Переправившись через Днепр, гетман занял Веремиевку, затем Чигирин Дубраву, Городище, Горошин и Жовнин. В этих местечках не было гарнизонов, и они спешили сдаться без боя. Хмельницкий разослал по Левобережью универсалы, в которых призывал признать его власть и переселяться на Правобережье, угрожая, в случае неповиновения, разорением от крымских татар («потом нехай на нас не плачутся») [1, стлб.157-158]. Калга-султан вместе с Яненко заняли Пески, Яблонев, Золотоношу и двинулись к Лубнам, где осадили лубенского полковника М. Ильяшенко и охочеконного полковника И. Новицкого [8, л.56].

Полтавский полковник П. Левенец при первых известиях о рейде противника выступил от Кременчуга к Ирклееву, разбив под Жовнино 2 тыс. отряд татар Батырчи-мурзы, который сгонял местных жителей на другой берег Днепра. После этого Ю.Б. Хмельницкий, опасаясь быть отрезанным от Правобережья, поспешил 2 февраля уйти за Днепр, и на левом берегу остались только крымские татары, которые занялись грабежом местечек в Миргородском и Лубенском полках.

Согласно планам российского командования, на помощь гетману И.С. Самойловичу должны были прийти кн. Г.А. Козловский из Путивля и Г.И. Косагов из Сум (он сменил в конце декабря И.И. Лихарева). Однако сбор и переброска войск кн. Г.А. Козловского из-за снегов и холодов задержалась, и он лишь к 15 февраля прибыл в Путивль [8, л.75]. Сбор белгородских ратных людей в Сумах также проходил с большими задержками, и к началу февраля в распоряжении Косагова имелось 58 офицеров, 348 «сотенной службы», 54 копейщика полка Г.И. Косагова, 105 рейтар полка Г. Полтева и 1132 солдата полка С. Вестова [6, л.8-9]. С этими войсками он поспешил выступить в Миргород, где соединился с гадяцким полковником М. Васильевым, миргородским полковником П. Апостолом и «охочекомонным» полком кременчужского полковника И. Павловского. Татары, узнав о подходе из Гадяча основных сил И.С. Самойловича, поспешили уйти на правый берег Днепра к Корсуню [3, с.77]. Убедившись,

что Левобережье надежно защищено, калга-султан принял решение о прекращении похода и возвращении с ордой в Крым.

Однако нуррадин султан с частью крымских татар (по разным оценкам 7-10 тыс. чел.) решил попытаться еще раз напасть на Левобережье, выбрав своей целью земли Миргородского полка. Косагов (с тысячей солдат с 6 пушками) вместе с «черкасскими полковниками» (М. Васильев, П. Апостол и И. Павловский) узнав 16 февраля, что татары с нураддин-султаном и с сыном калги-султана двинулись к Голтве между Кременчугом и местечком Власовка Миргородского полка, поспешили на следующий день выступить им на перехват. Они нагнали татар под местечком Манжейкой за час до темноты. В ходе скоротечного боя татары были разбиты и бежали за Днепр [6, л.53-54]. На следующий день Косагов с казаками двинулись «за салтанами в степь», перейдя через Днепр, «шли за ними до речки Ингульца дватцать верст с посылками с ними битца конных компанейщиков, чтоб кош их задержать», но татары «не дав бою побежали» [6, л.54]. Дальнейшее преследование татар было затруднено сильным снегопадом и холодами («сніги великіє випали, же не можно было конем куди хотіти ехати» [4, с.132]), и Косагов 21 февраля вернулся на левый берег, встав лагерем около Кременчуга [6, л.55]. На этом зимний рейд крымских татар фактически завершился. Нуррадин-султан, который был ранен в одном из боев, вернувшись на Правобережье, сразу же двинулся к Казыкерменю, и оттуда – в Крым. Сам хан Мурад Гирей все это время так и простоял с частью орды на Каланчаке. Турецкий летописец отмечал, что зимний поход 1679 г. проходил в тяжелых условиях, и многие татары погибли от холода [10, с.422]. О том же упоминает и Самовидец: «и так нічого не вскуравши, назад повернули з великою утратою коней, и самих татар набрано немало, бо голодно біло на кони» [4, с.132]. Гетман Ю.Б. Хмельницкий вернулся в свою резиденцию в Немиров, и в Корсуни остался лишь полковник Яненко с небольшим отрядом.

Узнав об уходе крымских татар к Перекопу, И.С. Самойлович поручил своему сыну Семену совершить рейд на Правобережье, и опустошить все приднепровские районы, переселив их жителей на левый берег Днепра. 24 февраля С.И. Самойлович с казаками переяславского и киевского полков, а также царскими ратными людьми Л.Р. Неплюева из переяславского гарнизона, переправился через Днепр и на следующий день взял штурмом Ржищев, после чего сжег город и вывел всех его жителей на Левобережье. Затем С. И. Самойлович со своими основными силами (около 8 тыс. чел.: Нежинский, Переяславский, Киевский и Прилуцкий городовые полки, а также вербованные сердюцкие и охочеконные полки) выступил из Переяславля вниз по Днепру. Лубенскому полковнику М. Ильяшенкову и охочеконному полковнику И. Новицкому со своими полками было приказано занять Золотоношу («Домонтов»), и присоединиться к наказному гетману [1, стлб.157-158]. 1 марта С.И. Самойлович занял Канев, также разорив город и переселив его

жителей. На следующий день он выступил к Корсуню, где находился Яненко. Тот, не имея сил для обороны, поспешил бежать к Ю.Б. Хмельницкому в Немиров, и 3 марта город был занят С.И. Самойловичем, который велел «всем корсунцам немедленно перебраться с семьями и домашней рухлядью за Днепр, <...> а весь город Корсунь с посадом велел сжечь до основания» [11, с.601-602]. Другой отряд в составе царских ратных людей Г.И. Косагова, гадячского и миргородского полков, а также охочеконного полка И. Павловского переправился через Днепр у Черкас [6, л.112] и занялся планомерным разорением земель Черкасского и Чигиринского полков. Были сожжены Мошна, Дрбовка, Черкасы и другие местечки, а их жители переселены на левый берег Днепра. Жители Жаботина попытались оказать сопротивление, но оно было быстро сломлено, а городок сожжен [6, л.112]. Была планомерно разорена практически вся местность между Ржищевым и Чигирином: «хаты, и мельницы, и всякое заводившееся строение, и самые церкви – все было предано огню. Всех людей погнали за Днепр с семьями и пожитками» [11, с.334]. Целью этих действий было лишить турецко-татарские войска и Ю.Б. Хмельницкого базы для возможных операций против Левобережья, создав на несколько десятков километров вдоль Днепра своего рода «мертвую зону», где невозможно было бы найти какие-либо припасы.

5 марта казаки С.И. Самойловича и отряд Г.И. Косагова вернулись обратно на левый берег Днепра. 16 марта новому белгородскому воеводе боярину И.Б. Милославскому был послан царский указ об отпуске ратных людей Г.И. Косагова со службы [6, л.316], а 18 марта он был произведен за успешные боевые действия в феврале-марте 1679 г. в чин генерал-поручика [6, л.125-134].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5: 1633-1699. СПб, 1853.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.13: 1677-1678. СПб., 1884.
3. Заруба В.Н. Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией: последняя четверть XVII в. Харьков, 1993.
4. Літопис Самовидца. Киев, 1971.
5. Российский Государственный Архив Древних Актов (далее – РГАДА). Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 2. Ед. хр. 101.
6. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Ед. хр. 793.
7. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Ед. хр. 879.
8. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Ед. хр. 888.
9. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Ед. хр. 1205.
10. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. 1. М. 2005 г.
11. Яфарова М.Р. Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М. 2017.

А.В. Захаревич (Ростов-на-Дону)

ДВА СТАРШИХ БРАТА «ДОТЯНУЛИ» МЛАДШЕГО ДО ГЕНЕРАЛЬСКОГО ЧИНА (ДОКАВКАЗСКАЯ СЛУЖБА ГРАФА ИВАНА КОНСТАНТИНОВИЧА ИВЕЛИЧА 3-ГО)

Работая над темой «Донские казаки в боях с горцами в оборонительный период Кавказской войны (1801–1816 гг.)», я очень часто сталкивался с одним из героев событий, комендантом Владикавказской крепости в 1805–1810 гг., генерал-майором Иваном Константиновичем Ивеличем 3-м, активно участвовавшим как в боевых операциях, так и в политических коллизиях на Северном Кавказе. Поначалу, как общевойсковой начальник, а не донской казак, он меня не очень интересовал. Но когда большая часть работ была уже написана (регион Кавказской линии), то невольно возник интерес к человеку, упоминавшемуся в большинстве из них. Захотелось узнать, откуда он появился в России, т.к. южнославянское звучание фамилии говорило само за себя, как протекала его докавказская служба, годы рождения и смерти, т.к. и интернет, и литература отвечали на этот вопрос так: «(?-?)»...

Из всего просмотренного и прочитанного по вопросу биографических сведений о И.К. Ивеличе был произведен естественный отбор для данного очерка, т.к. сайты интернета противоречат друг другу. Много о службе старших братьев тоже бралось оттуда, хотя им в упоминаниях в литературе повезло больше, но и они только отрывочные лоскуты, а не полные сообщения... При написании этого очерка, исходя из узанного из проработанных сведений, постепенно блек образ созданного в моем сознании героя, т.к. получалось, что не будь старших братьев, то Иван никогда бы не дослужился до чина генерал-майора, да и вообще бы не приехал в Россию. Вырисовывается какая-то страшно пассивная личность, выбившаяся наверх только благодаря усилиям братьев! Что братья? Его обскакал даже племянник – герой Отечественной войны 1812 г. генерал-майор П.И. Ивелич 4-й (впоследствии 2-й). Опять же, старшие братья и племянник – кавалеры ордена Св. Георгия 4-го класса и у всех есть парадные портреты, а портрет племянника даже попал в Военную галерею Зимнего дворца. А от нашего героя не осталось ни портрета, и не был он кавалером Георгия!!! Получается два разных человека: в России – размазня, на Кавказе – герой!!! Может это произошло оттого, что братья перестали ему покровительствовать и он там за все отвечал сам, а самостоятельность делает человека решительным? Все может быть, но приступим к изложению обнаруженных данных.

Начнем с того, что Ивеличи происходили из Рисана в Боке Которской, принадлежавшей Венецианской республике с 1420 г. Их предки еще в XIV в. были областными начальниками, а с XVI в. стали пользоваться графским титулом [9]. Род был довольно разветвленный, однако отце интересующей нас семьи никаких сведений нет, кроне: «Глава семейства,

потомственный граф Константин Ивелич, жил в родовом имении на побережье Которского залива...» [5]. Его брат, граф Симон Ивелич, был губернатором Боки Которской в 70–80-е гг. XVIII в. и имел своих сыновей [16, с.543]. Род Ивеличей у рисанцев и бокельцев обладал большим авторитетом, что отметил в своих «Записках» В.Б. Броневский [2, с. 214, 230].

В силу того, что в течение XV–XVIII вв. Венецианская республика постоянно враждовала с Турцией, то и Бока Которская принимала в этих схватках посильное участие как автономная часть Венеции. Поэтому нет ничего невероятного в том, что когда Балтийская эскадра во главе с графом А.Г. Орловым и адмиралом Г.А. Спиридовым, совершив свой поход вокруг Европы, обосновалась в Морее, кроме греков туда стали стекаться все желающие южные славяне, живущие по Адриатическому побережью. В их числе был и старший сын графа Константина Ивелича Марко (Марк).

Первую попытку он сделал еще в 1769 г., собрав в Рисане 900 человек добровольцев. Однако венецианцы, вступившие в соглашение с Австрией, не желавшей усиления здесь позиций России, рассеяли этот отряд и разорили дома повстанцев. В 1773 г. неутомимый Марк вновь набрал 100 человек, но венецианцы отобрали купленное им судно. Тогда Ивелич захватил венецианский корабль и на нем прибыл к эскадре Г.А. Спиридова. Добровольцы под его командованием участвовали в высадке десантов и в боях при Станчио и Будруме [3, с. 145]. И если по вступлении на службу он был принят поручиком, то к концу войны за свою храбрость и умение был произведен в секунд-майоры [10], а по заключении мира, в 1774 г., был назначен командиром 1-го морского батальона. И если в Кронштадте, на эскадре, его графство не вызывало особых вопросов у людей, бывших вместе с ним в боях, то в столице возникли вопросы... Тонкий ценитель породистости людей, знаток генеалогии русского дворянства, князь П.В. Долгоруков (1816–1868) в своих «Записках» заявляет: «Этот черногорец, Марк Константинович Графивелич, поступил на русскую службу в 1770 году и стал писать свою фамилию «Граф Ивелич» [6, с. 579]. Затем эту байку подхватили и другие авторы. Эти опусы были написаны гораздо позже описанных событий, но, очевидно, достаточно точно передают общественное мнение по этому поводу столичного высшего общества...

Что касается второго сына графа Константина Ивелича, Семена, то в России до 2019 г., когда вышла книга А.В. Кибовского «500 неизвестных», вообще не было слышно. Вот строки из нее: «До настоящего времени этот портрет считается изображением неизвестного офицера. Между тем в Черногории хранится точно такой же портрет с подписью «Граф Савва Ивелич». Но глава Рисанской общины капитан Савва Коте Ивелич ни по возрасту, ни по чину, ни по наградам не может ассоциироваться с данным персонажем. В то же время форма одежды офицера и орден позволяют утверждать, что на портрете изображен граф Семен Ивелич» [13]. И сразу сайты интернета стали делать обновления, вклинивая между Марком и Иваном Семена, правильно располагая его вторым после Марка. В

этой связи хочется упомянуть статью черногорского историка Душана Мартиновича «Пять генералов Ивелич из Рисано в русской армии», опубликованную еще в 2004 г. [11, с.345], где автор помещает тот же портрет из Морского музея в Которе, но пишет, что это не Савва (как у Кибовского), а Семен. В России же портрет находится в Новгородском краеведческом музее. Первенство в публикации портрета черногорцем составляет 15 лет!!! Откуда наш исследователь взял такой текст??? Ошибка Д. Мартиновича состоит в том, что он Семена делает тоже генералом, хотя тот дослужился только до полковника! Но ни наш, ни черногорский историки, выявив второго сына, не называют дат его жизни и смерти и с этой неизвестностью он занял место в интернете во всех обновленных сайтах.

Об участии его в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. данных нет, но то, что начало его русской службы приходится на 1774 г. можно указать с большой вероятностью, т.к. он отправился в Россию вместе со старшим братом, оформившим его в свой батальон, т.к. дальнейшая его служба связана с морской пехотой Балтийского флота. По службе Марк ему покровительствовал, произведя своей властью в первые чины, а также научил Семена подписываться «граф Ивелич». Это было в порядке вещей, т.к. в России все венецианские графы (Ивеличи, Владиславичи, Капнисты, Подгоричане – Петровичи, Симоничи, Цукато) удостоивались подтверждения своего достоинства не автоматически, а путем долгой процедуры. Только сыну Марка, полковнику Николаю Марковичу Ивеличу удалось 15.08.1874 г. исполнить мечту отца: он выпросил у Александра II именной указ об утверждении Ивеличей в графском достоинстве Российской империи [17, с. 544].

Очевидно, что вместе со старшими братьями поехал в Россию и младший, Иван Константинович. О датах его рождения и смерти также сведений не имеется, но новый сайт интернета «Гень» дает такой текст: «Иван Константинович Ивелич: дата рождения предположительно между 1702 и 1758 гг.» [7]. Последняя дата предпочтительнее. Получается, что на момент отъезда (1774) ему было 16 лет и он в качестве «недоросля» при старших братьях прибыл вместе с эскадрой в Кронштадт. 3 года он овладевал языком и поверхностным домашним образованием, живя у братьев, а в 1777 г. был определен в унтер-офицеры Преображенского полка [1, с.367]. Однако эту сержантскую ляжку он тянул в гвардии целых 11 лет, перестав надеяться на всякое продвижение. Дело сдвигает с мертвой точки начавшаяся новая война с Турцией. Часть полка, по примеру войны 1768–1774 гг. должна была отправиться на эскадре адмирала С.К. Грейга в Средиземное море и Архипелаг [16, с.224]. Ожидалось, что И.К. Ивелич, как местный уроженец, тоже примет участие в этой экспедиции. В связи с этим, имея громадный опыт младшего командира, он, наконец, был в 1788 г. произведен в поручики [1, с.367]. Однако в этот период ожидалась война со Швецией и эскадра осталась на месте, приняв в ней деятельное участие. Гвардия тоже осталась...

В это время подполковник М.К. Ивелич был высочайше направлен

опять на Балканы – в Черногорию и Герцеговину, для формирования из местных славян 12 батальонов пехоты и действий с ними против турок самостоятельно. Выезжая через Австрию, в этой войне бывшей союзницей России, он прихватил с собой незадачливого 30-летнего поручика, предварительно переведя его из гвардии в армию, что повышало его по закону сразу на два чина: в том же 1788 г. он стал секунд-майором [4]. Покровительство брату М.К. Ивелича довело до того, что между ними была разница всего в один чин!!! Сформированные им отряды проявили большую активность и отвлекли от главного театра войны 40 тысяч турок [15, с.233]. Это было замечено Екатериной II и за отличие в кампании 1790 г. 23 декабря он был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени за то, что «оказал как ревностные труды в исправлении дел, возложенных на него в Италии, Албании и Черной Горе, так и храбрые подвиги в неоднократных сражениях противу части войск неприятельских, предводительствуемых пашею скутарским...» [14, с. 365], а 26 ноября 1791 г. – орденом Св. Георгия IV класса [10]. А по его представлению и И.К. Ивелич после войны был произведен в 1792 г. в премьер-майоры [4], причем опять неизвестно о его деятельности на Балканах ничего?!!

Пока они действовали на Балканах, Семен Константинович отличился в войне со Швецией, шедшей параллельно. Он в чине премьер-майора командовал 8-м морским батальоном. В сражении 23–24 мая 1790 г. под Красной Горкой руководил, за выходом старших начальников из строя, всей морской пехотой эскадры адмирала А.И. Круза, разгромив и сбросив шведский морской десант, и за отличие был произведен в подполковники, а 26.11.1794 г. еще и орденом Св. Георгия IV класса [8].

После войны в 1793 г. М.К. Ивелич был произведен в полковники с назначением командиром Ширванского пехотного полка, который стоял на далекой Сибирской степной линии, отражая набеги киргизских и хивинских орд [10]. Выехав к новому месту службы, он опять «тянет» туда своего брата, премьер-майора И.К. Ивелича [1, с. 367].

С воцарением Павла I на все семейство изливается водопад милостей. 9 сентября 1797 г. Марк Ивелич был произведен в генерал-майоры с назначением шефом Томского мушкетерского полка, а так как место командира Ширванского полка стало вакантным, Павел Петрович переводит Семена с флота в армию, производит его в полковники и назначает на эту должность [8]. Однако прокомандовал он не долго: А.А. Подмазо выяснил, что согласно Высочайшим приказам он был исключен из списков умершим 12.07.1798 [12]. Несмотря на недолгое командование, С.К. Ивелич успел продвинуть в год своей смерти И.К. Ивелича в подполковники, внося свой вклад в продвижение брата [13].

Марк Константинович продолжал набирать обороты: 14.12. 1798 г. он стал шефом Навагинского мушкетерского полка, а 26.4.1799 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Однако 15.12.1799 г., накануне своего 50-летия был уволен в отставку: служба при Павле I была непредсказуема

[10]! Но Иван государю чем-то понравился и он начинает его продвигать уже без протекции братьев: в 1799 г. производит в полковники, назначая командовать сначала 19-м, а затем 18-м Егерскими полками (по три месяца каждым). Полки стояли там же, на Сибирской линии. И уже 22 июля 1800 г. И.К. Ивелич был произведен в генерал-майоры [4], что увенчало старания двух братьев, потративших столько сил на такой финиш!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материалах Осетии). Сб. док. / Сост., вступ. статья, комментарии Кобахидзе Е.И. Владикавказ, 2012.
2. Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Ч. 1-я. СПб., 1836.
3. Век Екатерины II. Дела Балканские / Отв. ред. Виноградов В.Н. М., 2000.
4. Граф Ивелич 3-й, Иван Константинович // URL:<https://regiment.ru/bio/1/136.htm> (дата обращения 16.07. 2020)
5. Героям морских сражений на Адриатике – 3 // URL:http://liveinternet.ru/users/3253688/post_386426864 (дата обращения 23.07. 2020)
6. Долгоруков П.В. Записки князя Петра Долгорукова. СПб. 2007
7. Иван Константинович Ивелич // URL:http://geni.com/people/ИванКонстантинович_Ивелич/600000019651104303 (дата обращения 12.06.2020)
8. Ивелич Семен Константинович // URL:<https://impereur.blogspot.com/2016/02/blog-post.html> (дата обращения 23.07.2020)
9. Ивеличи // URL:<https://wikipedia.org/wiki/Ивеличи> (дата обращ. 17.04. 2020)
10. Марк Константинович Ивелич // URL:https://towiki.ru/view/Марк_Константинович_Ивелич (дата обращения 23.07. 2020)
11. Мартиновић Д.Ј. Пет генерала Ивелића из Риспа у руској армији // Бока: Зборник радова из науке, културе и умјетности. Херцег-Нови. 2004. Кн. 24.
12. Подмазо А.А. Командный состав российской регулярной армии 1796-1855 // tusgeneral/shik/shef.com_sh.html (дата обращения 27. 07. 2020)
13. Подполковник морских батальонов граф Семен Ивелич // URL:<https://wars175X.narod.ru>inf-g-gaber2.html> (дата обращения 17.04. 2020)
14. Политические и культурные отношения России с южнославянскими землями в XVIII в. Документы. / Сост.: Бажова А.П. и др. М. 1984.
15. Славянские народы Юго-Западной Европы и Россия в XVIII в. /Отв. ред. Лещиловская И.И. М., 2003.
16. Чичерин А. История Лейб-Гвардии Преображенского полка (1683–1883). Т. II (1725–1801). СПб., 1883.
17. Шкорин В.А. Русская служба венецианского графа Марка Ивелича (к характеристике владельцев Сысертского горного округа) // X Татищевские чтения: М-лы всерос. научн.-практ. конф. Екатеринбург, 20-21.11.2013 г. Екатеринбург, 2013.

А.О. Андреев (Краснодар)

ИЗ ИСТОРИИ И ПРЕДЫСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И СЛУЖБЫ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИВИЗИОНА В Г. ВАРШАВЕ ЗА 1830–1917 ГОДЫ

Предыстория создания части начинается в декабре 1830 года, когда для внешней службы был сформирован Сборно-линейный полк 5-ти сотенного состава, комплектовавшийся казаками всех войск и полков, поселённых на Кавказской линии. В 1833 году полк был переформирован в дивизион (1 – См. *Примечания* в конце статьи – *Ред.*).

По именному императорскому указу от 14 июля 1842 года, объявленном в приказе Управляющего военным Министерством, был сформирован Кавказский сводно-иррегулярный полк в составе 2-х сотенного Сборно-линейного дивизиона из казаков и 2-х сотенного Кавказского конно-горского дивизиона, состоявшего из черкесов, кабардинцев и чеченцев (1, 2).

С февраля 1845 г. Кавказский сводно-иррегулярный полк находился при 1-й армии дислоцировавшейся в губерниях Царства Польского. Штат «Кавказского линейного казачьего дивизиона в составе Кавказского Сводно-Иррегулярного полка», «находящегося при 1-й армии», определялся следующий: 1 штаб-офицер (войсковой старшина – командир дивизиона), 2 есаула, 2 сотника, 2 хорунжих, 8 старших урядников, 8 младших урядников, 16 приказных, 250 казаков, 3 нестроевых. Всего – 292 человека. Нижние чины назначались в равном количестве от всех кавказских линейных казачьих полков. Состав дивизиона сменялся в Варшаве через каждые три года, причём смена нижних чинов производилась в полном, а офицеров в половинном составе. Смена выступала с Кавказа в середине июня, а сменяемые части отправлялись из Варшавы в октябре (3, 31).

Полк принимал участие в заграничном походе и подавлении восстания венгров в Австрийской империи. 21.09.1849 г. император Николай I пожаловал части знамя «За отличную храбрость, оказанную в делах с мятежными Венграми, и за сражение под городом Дебреченом 21.07.1849 г.» (1).

24.08.1856 г. Кавказский конно-горский дивизион был упразднен, а Кавказский сводно-иррегулярный полк был переформирован в Сводно-иррегулярный дивизион в составе двух сотен. По штатному расписанию, в Сводно-иррегулярном дивизионе в 1858 г. было: 1 штаб-офицер, 5 обер-офицеров и 285 урядников и нижних чинов (1, 32).

16.09.1861 г. Терское казачье войско было освобождено от обязанности посылать казаков на службу в дивизион, и он стал комплектоваться лишь казаками Кубанского казачьего войска (1).

Именным указом императора от 9.10.1861 г. «О именовании сводного иррегулярного дивизиона, высылаемого в 1-ю армию» часть, офицеры

ально стала именоваться – Кубанский казачий дивизион при 1-й армии. Местом постоянной дислокации дивизиона стал г. Варшава, где располагался наместник императора и штаб армии. Дивизион был двух сотенного состава. Офицеры и казаки, направленные на службу в дивизион, в своих частях считались в командировке, смена личного состава, как и раньше, происходила через три года (4, 8, 9, 12, 14, 24).

В отличие от нижних чинов, некоторые офицеры, которым нравилось служить в г. Варшаве, по истечении трёхлетнего срока подавали рапорты и оставлялись служить в Варшавском дивизионе на второй и третий сроки (9, 12).

Именным указом императора от 6.07.1862 г. объявленным в приказе военного министра, на базе упразднённой 1-й армии был образован Варшавский военный округ. Наместник Царства Польского, при котором оставался дивизион, одновременно объявлялся и командующим округом (6, 48).

В первой половине 1860-х гг. дивизион принимал участие в покорении Западного Кавказа и подавлении восстания в Польше, при этом многие казаки были награждены медалями и знаками военного ордена Св. Георгия (10).

При смене командира дивизиона в октябре 1866 г. новый командир докладывал Походному атаману Донских казачьих полков Варшавского военного округа, что принял дивизион в составе: обер-офицеров (6 по штату и 3 прикомандированных) 9 человек, в том числе 2 есаула, 3 сотника, 2 хорунжих, подпоручик и прапорщик; ветеринарный лекарь в чине коллежского асессора, 11 урядников, 18 приказных и 225 казаков, 3 трубача, цирюльник, фельдшер и писарь; лошадей строевых 258 и вьючных 26 (11).

В приказе походного атамана Донских казачьих полков Варшавского военного округа от 1.02.1870 г. № 4 после смотра Кубанского казачьего дивизиона сказано: «Нижние чины имеют вид молодецкий, бодрый и здоровый, всем от казны удовлетворены сполна и претензий не объявили, кроме казака Кубанского дивизиона Алексея Ивлева, объявившего претензию на Командира дивизиона за то, что подполковник Занкисов продал негодную к службе лошадь с обещанием купить другую, но не исполнил этого. Обмундирование по установленной форме очень хорошее. ...Огнестрельное оружие у казаков собственное, нарезное – очень хорошее и холодное – хорошее, на исправность и сбережение обращается должное внимание... Строевые лошади у казаков собственные» [12].

1.08.1870 г. было утверждено новое «Положение о воинской повинности и содержании строевых частей Кубанского казачьего войска» по которому часть получила своё окончательное название – Кубанский казачий дивизион. Штатный состав части остался без изменений (5, 14, 16).

Служба полка, а затем дивизиона в Варшаве имела много общего со службой гвардейцев. Хотя формально часть не считалась гвардейской, но при этом она находилась в личном распоряжении командующего 1-й армией, а затем командующего войсками Варшавского военного округа и наместника. В качестве конвоя верховного представителя русской власти в Цар-

стве Польском часть пребывала в продолжении более восьмидесяти лет, вплоть до Первой мировой войны. Начало этому было положено фельд-маршалом князем Варшавским Иваном Федоровичем Паскевичем-Эриванским, усмирителем польского мятежа 1830 г. и наместником Царства Польского. Не случайно после возведения в 1870 г. в Варшаве памятника Паскевичу охранять его было поручено Кубанскому казачьему дивизиону. И.Ф. Паскевич не только инициировал постоянное квартирование Сборно-Линейного полка в Варшаве, но и приложил немало сил к превращению его в часть достойную фактического статуса гвардейской (17, 18, 47).

В июне 1874 г., когда дивизион совместно с 19-м, 21-м и 25-м донскими полками блестяще проявил себя на манёврах, император Александр II, прямо во время учений, сказал находившемуся рядом походному атаману казачьих полков Варшавского военного округа генерал-лейтенанту Фомину, которому непосредственно подчинялся дивизион: «Кзаки отлично! Любо глядеть! И заметь, всегда это каждый год я тебе говорю». Постоянным местом расположения дивизиона в Варшаве скоро становится Королевский Замок, являвшийся резиденцией наместников Царства Польского (23, 30).

Охрана резиденции и персоны наместника составляла лишь часть обязанностей дивизиона. Важное значение имело также охрана и сопровождение высоких лиц, прибывавших в Варшаву. Например, 30 января 1874 года, по случаю приезда в Варшаву австрийского императора командир дивизиона получил из окружного штаба приказ, согласно которому должна быть «наряжена от дивизиона команда конных казаков: 21 казака и 4 урядников при 2 обер-офицерах для сопровождения багажа Его Величества», а также персональный конвой. Затем, 7 апреля того же года подобным приказом назначался конвой от дивизиона, который должен был находиться неотлучно при великой княгине Александре Иосифовне. Такой же конвой назначался 11.06.1874 г., когда в Варшаву прибывал великий князь Константин Николаевич, а 14 числа того же июня месяца для самого Александра II. Последнего казаки дивизиона сопровождали и ранее, в 1868 г. и позже, в 1879 году. Таким образом, функции дивизиона имели особенности, приравнивавшие его не просто к гвардии, а к лейб-гвардии. Обмен офицерскими кадрами дивизиона, с собственно царским конвоем, набиравшимся из линейцев, имел место на протяжении всего времени существования части (13, 19, 20, 22, 25, 29).

В конце апреля–марте 1881 г. Кубанский казачий дивизион был переведен в Петербург «для усиления конвоя» и подчинен командующему императорской главной квартирой по собственным Его Императорским Величества конвою. Дивизион находился попеременно в Петербурге и в Гатчине около полутора лет, выполняя обязанности лейб-гвардейской части, после чего согласно повелению императора во второй половине августа 1882 г., был вновь возвращён в Варшаву (26, 27, 28, 50).

24.11.1881 г. приказом императора по Военному ведомству № 325 Кубанскому казачьему дивизиону было дано старшинство с 1.12.1830 г. и знамя бывшего Сборно-Линейного полка. Дивизионный праздник установлен вместе с войсковым (1).

С началом Первой мировой войны Варшавский военный округ в конце июля 1914 г. был ликвидирован. Органы управления и учреждения округа были использованы при формировании управлений вновь образованного Минского военного округа, а из войск округа была сформирована 2-я армия. Первая сотня дивизиона была оставлена при главной квартире штаба Минского военного округа, а вторая сотня откомандирована в штаб 2-й армии. Формально Кубанский казачий дивизион был расформирован через три года в 1917 г. (49).

В разные годы дивизионом командовали:

С сентября 1862 года – до 15.10.1866 г. дивизионом командовал полковник (с марта 1866 г. генерал-майор) Султан Адиль-Герей, служивший офицером с 1840 г. по армейской кавалерии, после сдачи дивизиона новому командиру в октябре 1866 г., по 1871 г. состоял при главнокомандующем Варшавским военным округом, с 1872 г. в списках генералов на действительной службе не значился. Был награжден орденами Св. Владимира 3ст. с мечами, 4 ст. с бантом; Св. Анны 2ст., 4 ст. «За храбрость»; Св. Станислава 2 ст., а также прусским и австрийским орденами (9, 11, 39).

С 15.11.1866 г. до мая 1870 г. дивизионом командовал подполковник Козьма Иванович Занкисов (1823–1885), до этого командовавший одной из сотен и служивший в дивизионе с сентября 1858 г. Происходил из православной осетинской семьи дворян Терского казачьего войска, в офицерских чинах служил с июня 1848 г., участник Кавказской войны и борьбы с Шамилем. В подполковники был произведен 11.02. 1864 г.; был награжден тремя российскими и тремя иностранными орденами и Золотой шашкой «За храбрость». Впоследствии генерал-майор и чиновник для особых поручений при командующем Варшавским военным округом (11, 12, 33).

С 1.05.1870 по 2.09.1876 г. дивизионом командовал полковник Григорий Григорьевич Рубашевский (20.11.1825 – после 1892 г.), ранее два года командовавший одним из эскадронов императорского конвоя. В службе с 17 лет, первый офицерский чин корнета получил в декабре 1849 г., с 30.08.1869 г. – полковник. Впоследствии с 2.09.1876 по 2.02.1880 г. командовал Урупским конным полком, 26.02.1880 произведен в генерал-майоры, после чего 11 лет командовал Кубанской казачьей бригадой, с 1892 г. в отставке (14, 16, 21, 40, 41).

С сентября 1876 по 1883 г. дивизионом командовал подполковник (с 1878 г. полковник) Михаил Георгиевич Есаулов, впоследствии командовал сначала 2-м Кавказским полком, потом 1-м Кавказским полком. Был награжден тремя российскими и тремя иностранными орденами (28, 42, 43).

В 1885–1886 гг. дивизионом командовал полковник Василий Ива-

нович Черник, до этого командовавший Екатеринодарским конным полком Кубанского казачьего войска. Кавалер орденов Св. Станислава 3 ст. и Св. Владимира 4 ст., в офицерских чинах служил с февраля 1858 г., с 12.10.1884 г. полковник (36, 46).

С 7.07.1888 по 1898 гг. дивизионом командовал войсковой старшина (1881), с 1890 г. полковник, Дмитрий Яковлевич Булгаков (24.10.1849 – после 1899) до этого уже несколько лет служивший старшим офицеров в дивизионе. Кавалер орденов Св. Анны и Станислава 3 ст. (34, 37, 44, 45).

С 12.08.1908 г. по 12.09.1913 г. дивизионом командовал войсковой старшина (1907), впоследствии полковник (1911) Александр Васильевич Перепеловский 1863 г.р., в службе с 1883 года. Кавалер орденов Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 2 и 3 ст. С 13.09.1913 г. командовал 1-м Таманским генерала Безкровного полком (29, 38).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Справочная книжка императорской Главной квартиры. Казачьи войска на 1.04.1912 г. СПб., 1912. С.157, 175-176.

2. Полное Собрание Законов Российской империи. (Далее ПСЗ) Собрание второе. Т. XVII. (1842). СПб., 1843. Ст. 15848.

3. ПСЗ. Собр. 2. Т. XX. (1845 г.). Отд. 2. СПб. 1846. Ст. 18739. Прилож. VIII; ПСЗ. Отд. 1 СПб. 1846. Ст. 18739.

4. ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVI. (1861). С-Петербург, 1863. Ст. 37466.

5. ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXV (1860 г.). СПб. 1862. Ст. 36327.

6. ПСЗ. Отд. 2. Т. XXXVII. 1862. СПб. 1865. Ст. 38452.

7. Военная энциклопедия. Т.6. СПб. 1912. С.522-524.

8. ПСЗ. Собр. 2. Т. XIX (1870 г.). СПб. 1874. Ст. 48607.

9. Фролов Б. Казачество Кубани. Военно-энциклопедический словарь. 2014. С.107.

10. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 401. Оп.1. Д.1.

11. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.2-4.

12. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.5. Л. 3,11-16.

13. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.6.

14. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.7. Л. 93.

15. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.8.

16. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.9. Л. 9-9об.

17. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.10.

18. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.11. Л.1-2.

19. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.3. Л.1-10.

20. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.14.

21. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.15.

22. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.16.

23. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.18. Л.5, 21-21об, 65,74.

24. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.19.
25. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.23. Л.5-5об.
26. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.28.
27. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д. 29. Л. 1-109.
28. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.30. Л.1-31.
29. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.31. Л.1-53.
30. ГАКК. Ф. 401. Оп.1. Д.33. Л.3.
31. РГВИА. Ф. 484. Оп.1. Д.2. Л.30.
32. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГАРСО-А.) Ф.2. Оп.1. Д.135. Л.158.
33. ЦГАРСО-А. Ф.16. Оп.1. Д.89. Л.62.
34. Список подполковникам по старшинству на 1867 и 1870 гг. СПб., 1867. С.275; 1870. С.74.
35. Список подполковникам по старшинству на 1885. СПб., 1885. С.891.
36. Список подполковникам по старшинству на 1884. СПб., 1884. С.95.
37. Список полковникам по старшинству на 1886 год. СПб., 1886. С. 733.
38. Список полковникам по старшинству на 1.08.1892 г. СПб., 1892. С.607.
39. Списки полковникам по старшинству на 1912–1914 гг. СПб., 1912. С.1413; 1913, С.987; 1914, С. 877.
40. Списки генералам по старшинству на 1867, 1871, 1872 гг. СПб., 1867, С.836; 1871, С.637.
41. Списки генералам по старшинству на 1885 и 1891 гг. СПб., 1885. С.649; 1891, С.466.
42. Кубанские памятные книжки на 1874–1876 гг. Адрес-календари. Екатеринодар. 1873. С. 76; 1874, С.87-88; 1875, С.103-104.
43. Кубанские памятные книжки на 1878, 1881, 1883 гг. Адрес-календари. Екатеринодар, 1877. С.94; 1880, С.41; 1882, С.49.
44. Кавказский календарь на 1884–1885 гг. Тифлис, 1883. С.118; 1884, С.121-122.
45. Кубанская справочная книжка 1894 г. Екатеринодар, 1894. С.14, 66 .
46. Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1897, С.86-87.
47. Адрес-календарь Царства Польского на 1885–1886 гг. Варшава, С. 20.
48. Военный состав и служебная деятельность Кубанского казачьего войска за 1911 год. Екатеринодар, 1912. С.6.
49. Военная энциклопедия. Т.6. СПб. 1912. С.522-524.
50. Авилов Р.С. Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне Русско-японской войны: опыт сравнительного анализа // НИВ. 2017. №1. С.40-50.
51. Столетие Военного министерства. Т.11, ч. 2. СПб. 1907.

А.Б. Изюмский (Ростов-на-Дону)

ПОЛИЦЕЙСКАЯ СЛУЖБА ДОНСКИХ КАЗАКОВ И ДОНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Мы, казаки, убедились, что казачья жандармерия внутри России беспочвенна и бесполезна: она нужна по границам государства: а так как Дон ушел внутрь государства, то казакам пора подумать и о гражданском развитии казачества...

Из рассказов станичников на Новочеркасском станичном сборе в 1915 г.

Уже с XIX столетия казаки неоднократно привлекались властями Российской империи не только для участия во внешних войнах, но и для несения полицейской службы в стране. Особо широкий размах это приобрело осенью 1905 г., когда по указу правительства для борьбы с последствиями революции на Дону были мобилизованы казачьи полки 2-й и 3-й очереди. Однако, тема участия казачества в подавлении революционных выступлений не была серьезно изучена ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной исторической науке. Даже П.Н.Краснов, хотя и вставил в свои «Очерки былого тихого Дона» раздел «Участие донцов в подавлении революционной смуты 1905–1907 гг.», ограничился общими словами, избежав указаний на конкретные казачьи подвиги при усмирении волнений. Было бы правильно коснуться вопроса об отношении самих казаков к подобной службе и связанных с этим настроений в казачьей среде. Здесь любопытные материалы могут предоставить документы Донского областного жандармского управления, которое старалось отслеживать реакцию донцов и, прежде всего, проявления недовольства. Фонд жандармского управления фиксирует отношение казаков к полицейской службе преимущественно в период 1906–1909 гг. Это, прежде всего, отмечено в следственных делах о призывах к ее невыполнению. Рассмотрим несколько таких дел.

Один из первых случаев выступления против полицейской службы, зафиксированный в документах, относится уже к ноябрю 1905 г. Как писал 6.01.1906 г. в своем донесении адъютант жандармского управления ротмистр М.В.Прогнаевский, проживавший тогда в станице Нижне-Чирской Хоперского округа мировой судья Савватеев «*приехал в ст[аницу] Н-Чирскую, где было народное собрание на майдане, и Савватеев собравшимся в числе 200 чел[овек], по прочтении Высочайшего Манифеста 17 окт[ября], стал говорить, что казакам не следует проливать крови своих же братьев, борющихся за народ и добывающих правды, которой в России нет. Тут же он объяснял и уговаривал подписать заготовленный печатный бланк приговора о возвращении со службы казаков, призванных в войска по мобилизации домой... Таких бланков приго-*

вора свидетель видел в количестве до 400 экз.; при каждом из них находилась печатная же инструкция, в которой объяснялось, как должно поступать при подписании этих приговоров. В одном из пунктов этой инструкции говорится, что если хут[орские] или станичные атаманы не пожелают принять участие в составлении приговоров и будут станичников запугивать властями, то таких станичных властей следует удалить со сходов, выбирать делегатов и составлять приговоры» [1, л.11]. Как было установлено, «такие бланки приговоров распространялись мировым судьей Наумовым, письмовод[ителем] мир[ового] с[удьи] Савватеева Сусетиным, учителями Раскуровым, Абашкиным и Колубяковым, а также рассылались по станицам и хуторам из съезда мировых судей. Говорились по этому поводу речи, убеждающие подписать казаков приговоры...» Негласное расследование выявило также, «что мир[овые] судьи Савватеев и Брыкин, инсп[ектор] каз[енных] уч[илищ] Сурин, учитель Трайлин и призванный по мобилиз[ации] воен[ный] врач Попов на сборищах в Нижне-Чирском народном доме произносили преступные речи, в коих доказывалось, что призыв казаков 2-й очереди под знамена противозаконен, что революционеры поступают правильно, устраивая забастовки и борясь с оружием в руках, и казаки справедливо вызывают ненависть всей России, убивая этих борцов за свободу по приказанию начальства, что казаки должны требовать возвращения своих сыновей и братьев домой, для чего подписывать приговоры, о коих упомянуто выше» [1, л.11об.]. Через несколько дней сообщения стали еще более тревожными. Жандармский офицер докладывал, что названные лица «вели открыто пропаганду революционных идей, говоря публично речи на собраниях в Н-Чир. народном доме и выезжая для этой цели в соседние станицы и хутора, а также рассылая по станицам преступные воззвания самого крайнего содержания. Пользуясь почетом и авторитетом среди населения, благодаря своему служебному положению, они имели возможность склонить на свою сторону некоторых станичников, увлечь их, а те в свою очередь под руководством упомянутых главарей кружка пропагандируют среди казаков в своих станицах, распространяя смуту и раздор. В некоторых хуторах население разделилось на два враждебных лагеря, между которыми можно ожидать кровавых столкновений. Негласно мне известно, что в хуторах Н-Чир[ской] стан[ицы] Верхне-Садовом и Нижне-Садовом учитель Трайлин довел своей пропагандой тамошних жителей до того, что они ведут между собой вражду». [1, л.12об.] Оказалось, что агитация против полицейской службы началась еще 13.11.1905 г., когда судья Савватеев «прибыв 13 ноября 1905 г. по делам службы в станицу Верхне-Чирскую, на майдане (сборная комната) станичного правления в присутствии казаков, в числе свыше ста человек, произнес речь, в которой внушал слушателям, что, ввиду данной Манифестом 17 октября свободы, начальства теперь нет; что закон о выборах в Госу-

дарственную Думу в августе ничего хорошего не принесет, потому что чиновничество, правящее и теперь народом, будет и тогда оказывать давление на выборы народных представителей; что нужно добиваться 4-х степенных выборов (прямых, равных, тайных и всеобщих); что крестьяне, стремясь к увеличению земельных наделов, грабят и убивают помещиков, а весь рабочий люд борется за настоящую свободу, и все они поступают правильно, а казакам должно быть больно и обидно, что они несут в России позорную полицейскую службу, защищая богачей и действуя орудием против борцов за свободу и счастье народа по приказанию начальства, исполнять не следует; что нужно обновить правительство, представляющее собою прогнившие столбы, что произвол поддерживается правительством, в борьбе с которым погибли лучшие люди и что поэтому необходимо требовать возвращения казаков домой из мобилизованных казачьих частей» [1, л.69]. Особенно жандармский офицер отметил, что выступавшие перед казаками «внушали, что правительство незаконно и без ведома государя-императора призвало казаков 2-й очереди на службу, почему должны отказываться от службы, чем не нарушают присяги» [1, Л.69об.]. Выяснилось также, что по станице распространяется гектографированная листовка «Что требуют матросы и солдаты и что должны требовать казаки». Экземпляр этой листовки был отослан в жандармское управление (в деле он отсутствует). Активней всего Савватеева поддерживал сорокалетний учитель четырехклассного городского училища Иван Николаевич Трайлин, казак Есауловской станицы, который «особенно сильно пропагандировал в том духе, что казаки не должны идти на службу по мобилизации. На сборище в квартире Савватеева в то самое время, когда в Н.Чирской происходила мобилизация второочередных казачьих частей, по показаниям одного из свидетелей, Трайлин при дебатировании вопроса об этой мобилизации, с жаром сказал, что вечером он пойдет в Народный дом и собравшимся там призванным казакам прямо скажет, чтобы они ехали домой, и это будет самое лучшее и что человек 20 призванных казаков уже так поступили» [1, Л.80-а]. Все лица, перечисленные в донесении адъютанта Прогнаевского, были арестованы. Задержанных оказалось даже больше, чем жандармы вначале предполагали. Как докладывал адъютант: «Долгом считаю донести В[ашему] п[ревосходительству], что Н-Чир[ская] о[кругная] тюрьма переполнена окончательно заключенными. Имея ввиду, что предстоят еще аресты и возможно таких лиц, как м[ировые]с[удьи], испрашиваю на такой случай распоряжения, могут ли быть они отправлены в какое-либо другое место заключения» [1, л.13]. Дальнейшая судьба казачьих интеллигентов, выступивших против власти, из материалов дела не ясна. Мобилизация в округе на полицейскую службу была конечно проведена, хотя и с задержкой в ряде хуторов, а приговоры об отказе от нее признаны незаконными.

Не меньше тревоги вызвали случившиеся уже в 1906 г. события в станице Сиротинской Усть-Медведицкого округа. Это дело началось с двух анонимных доносов, поданных в августе войсковому атаману (второй донос был подписан казаком Карасевым, но выяснилось, что такого человека не существовало). Полуграмотный доносчик ужасался: *«Прислали нам молодого попа Василия Попова, он нас убил в церкви своею проповедью 6 августа. Так дерзко говорил на амвоне против правительства, уму непостижимо!.. Таким попам место не в церкви, он должен сокращать народ, а он развращает, а куда-либо в ссылку»* [2, л.12-12об.]. Рассмотреть обвинение был направлен помощник окружного атамана войсковой старшина Петр Веденин. В сентябре он встретился со станичным атаманом Василием Серегиным, который заявил, что *«содержание проповедей священника Попова страстных, зажигательных, с резкими осуждениями и порицаниями правительства, с призывами казаков и, вообще, молящихся в храме к неповиновению начальству и правительству, к поддержанию крестьян в их движении против помещиков и в подоб[ных] действиях... вполне подтверждает»*. Атаман добавил, что в последнее время *«многие стали выражать неудовольствие за призыв к службе внеочередных казаков»* [2, л.5]. Не сильно отличались от его слов и свидетельства станичной «элиты». Так, по словам почетного судьи Никифора Акимова, *«св[ященник] Попов внушал слушателям неповиновение властям и наставлял их делать такие же внушения детям»*. Урядник же Ардалион Сметанников заявил, что Попов не только в проповедях, но и в беседах, которые проводил в приходской школе, *«указывал на незаконные действия казаков, служащих внутри империи и порицал их службу, указывал на пролитие ими невинной крови, причем говорил, что казаки совершали такие гнусные поступки только под побуждением присяги, которая в подобных случаях не должна бы была им служить руководящим правилом и могла бы быть нарушена, так как смысл ее неправильно понимался и понимается, а правительство, благодаря ей, злоупотребляет войсками»* [2, л.6-6об.]. Выслушав это, Веденин решил лично ознакомиться с высказываниями священника и 22 сентября отправился в правление на станичный сбор, зная, что туда вызван и Попов. Священник действительно пришел, попросил слова и сначала стал говорить *«о необходимости духовного единения пастыря с пасомыми, о неприменном его желании уничтожить стеснения для мирян при исправлении священниками церковных треб»*. Но затем Попов перешел к политике, заявив, что *«теперь повсеместно войска проливают кровь и попирают законы Христовы»*. Веденин приказал ему замолчать: *«Священник пробовал продолжать говорить, я настойчиво требовал прекращения речи, поднялся крик и шум выборных, требовали (многие) предоставления священнику слова; я, напомнив выборным про их обещание быть верными законам и повелениям государя императора, еще с большей настойчивостью и решительно»*

стью потребовал от священника прекращения слова, напомнив ему о своих правах и обязанностях на ст[аничном] сборе, я резко объявил ему: «Если вы меня не слушаете, я арестую вас и отправлю в окружную тюрьму!» Священник остановился. Раздались крики многих выборных: «Мы не дадим его!» На эти крики я возразил: «Если вы осмелитесь это сделать, я выйду со сбора, явлюсь с вооруженною командой и силой возьму этого священника!» Последние мои слова отрезвляюще подействовали на выборных, они стали перекрикиваться: «Господа, что мы скандалим! Батюшка, прекратите вашу речь!» Этим, собственно, инцидент исчерпался» [2, л.8об.-9]. Тем не менее, как выяснил, готовясь к отъезду, Веденин, станичники, опасаясь, что Попов будет все же арестован, поставили на ночь возле его дома особый караул и договорились при попытке ареста ударить в набат на колокольне.

Позднейшие сообщения, поступившие окружному и войсковому атаману показали однако, что священник не стал осторожней. 24 сентября на собрании казаков в приходской школе он благодарил их «за то, что за него постояли», а потом «прочитал отчет Государственной Думы по вопросу о мобилизации казаков на внутреннюю службу, причем прочитал речи Афанасьева, Крюкова и других, а также и речь Васильева» и призвал не составлять и не подписывать приговоры в поддержку власти. [2, л.31].

В октябре против священника прокурор окружного суда возбудил дознание. Попов был епархиальным начальством лишен прихода и отбыл на родину в станицу Каменскую (он был сыном каменского казака). Следователь по важнейшим делам (официальное название должности) Усть-Медведицкого суда допросил десятки станичников. Любопытно, что из духовных лиц, служивших вместе с Поповым (священники Алексей Виноградов и Василий Васильев, дьякон Владимир Лебединский, псаломщики Аристарх Дмитриев и Василий Попов), показаний против опального батюшки никто не дал, отговариваясь тем, что из-за занятости службой не слышали его проповедей или же слышали только, «чтобы ваши дети на службе не убивали, а старались умирять добром, т[ак] к[ак] убивать это против заповедей Божьих» [2, Л.32-32об.]. Правда, один из священников заявил, что попытается что-нибудь вспомнить, но в этом случае просит поговорить с ним без протокола. Тем не менее, следователь признал установленным, что Попов «в августе, сентябре и октябре 1906 года в станице Сиротинской в Успенской церкви и в церковно-приходской школе с целью возбуждения к неповиновению законным распоряжениям власти и порицая правительство, публично в проповедях своих поучал народ в таких, между прочим выражениях: «Правительство оградило себя войском, которое обязало оно присягою пускать в народ пули, и считает себя правым, людей же, которые посредством слова стали на защиту народа, оно считает неправыми и карает их... Отцы и матери, пишшите и внушайте своим казакам второй и третьей очереди, чтобы они отста-

ли от правительства и перестали повиноваться ему: когда же правительство, вследствие этого останется одиноким, без поддержки, то оно даст нам все, что нам нужно... У вас есть еще молодые казаки, которые готовятся к службе, внушайте им, чтобы они не слушались правительства... Служба казаков 2-й и 3-й очереди, как полицейская, должна быть признана далеко ниже позорной... Не нужно смущаться присягой правительственной, так как она противоречит закону Христа...» [2, л.74-74об.] Священнику-бунтарю предъявили обвинение по 3 пункту 1 части 129 статьи уголовного уложения (публичное произнесение или чтение речей преступного содержания) и взяли подписку о неотлучке из Каменской. Дальнейшая судьба его неизвестна. В 1907 г. отстраненный от службы священник еще значился в списках епархии, но с 1908 г. его фамилия отсюда исчезает – вероятно, к этому времени он был лишен сана.

С запозданием было открыто дело, связанное с протестом против полицейской службы, который произошел еще до указа о мобилизации. В сентябре 1906 г. на имя атамана 1-го Донского округа приходит коллективное обращение, подписанное 39 фамилиями и 26 крестами неграмотных жителей хутора Сусатского Раздорской станицы. В нем говорилось, что хуторской атаман Тихонов «сумел разделить наше общество на две партии и распустил в хуторе нашем пропаганду против самодержавия, правительства и православной церкви и священно-церковнослужителей, читая на площади телеграммы, распуская слухи и убивая дух нашего казачества, говоря, что зря мы служим, не надо служить. Некоторые же из граждан, доверявших ему, и стоят за него горюю, говоря, что как можно топить такого человека, он нам открыл глаза, они у нас были закрыты нашим правительством» [3, Л.8-8об.]. Вскоре однако в округ поступило еще два коллективных письма, где брался под защиту хуторской атаман, а жалобы на него объявлялись следствием подстрекательства его врагов – братьев Будариных. Окружной атаман Н.И. Лазарев для проверки этих сведений послал в хутор своего помощника полковника Бирюкова. Допросив нескольких жителей, тот пришел к выводу, что обвинение против Тихонова, а также поддержавшего его учителя Варламова (местного выборного) полностью обоснованы, так как еще в октябре 1905 г. когда поступил приказ нарядить партию казаков для усмирения рабочих волнений на руднике Кукса и Чурилина, Тихонов призывал «не идти на эти рудники и не повиноваться начальству». Более того, он читал в толпе народа, собравшейся возле лавки Михаила Бударина (инициатора доноса), некий «выборный манифест бывших членов Государственной Думы» (хотя Дума в то время ещё не была созвана), вместо того, чтобы представить его по начальству, «внушая жителям, что не следует давать казаков на службу и проч., а среди лиц неказачьего сословия пропагандировал, что если бы государя не было, то их дело было бы лучше и поддержал их к самовольному захвату земли». Позже, на станичном сборе в Раздорской,

когда станичный атаман докладывал о подготовке казаков на случай мобилизации, Тихонов якобы *«высказал: «Нам нужно не это, а нужно составить приговор о том, чтобы возвратить со службы и тех казаков, которые уже были ранее мобилизованы и находятся на службе» с прибавлением, что мобилизуют казаков не по приказу государя, а по распоряжению правительства, чем и вызвал волнение среди выборных, из которых некоторые стали было поддерживать его слова»* [1, л.38-38 об.]. То же самое, как отметил полковник Бирюков, говорил и местный учитель, причём, по уверению станичного атамана, *«агитацию эту... Варламов будто бы продолжает и в настоящее время, но более скрытнее, чем раньше»*. По каким причинам об этом преступном поведении двух должностных лиц начальство было извещено только почти год спустя, Бирюков не сообщил, а окружной атаман этим вопросом почему-то не заинтересовался. Получив сведения, генерал Лазарев немедленно распорядился *«удалить совсем от этой должности»* атамана, а о неблагонадежности учителя Варламова немедленно сообщить 1-му окружному училищному совету. За обоими подозреваемыми было приказано установить строгий полицейский надзор, а для дальнейшего расследования передать все материалы жандармскому управлению. Оттуда в хутор был направлен новый следователь – жандармский поручик В.П.Беллик. Он отнесся к полученному заданию очень серьезно, допросил десятки жителей и неожиданно пришел к выводу, что обвинения против Тихонова и Варламова большей частью несправедливы и спровоцированы местным лавочником Михаилом Будариным, который стремился получить должность атамана, занимаемую Тихоновым (выборы хуторской власти намечались на конец года). Выяснилось, что атаман Тихонов пользовался значительно большим авторитетом среди хуторян, чем его оппонент, который мог рассчитывать на победу только путем дискредитации соперника. Показания свидетелей отличались большой противоречивостью, многие отказывались от своей подписи, а те, кто настаивал на обвинении, были преимущественно родственниками и приятелями Бударина или зависели от него материально. В итоге поручик Беллик пришел к выводу, что хуторской атаман допустил какие-то высказывания, не свидетельствующие о его благонадежности, но для обвинения Тихонова в государственном преступлении оснований не имеется. Поручик представил начальству материалы следствия и рекомендовал урядника Тихонова оправдать *«за совершенной недостаточностью собранных против него улик к обвинению его в преступлении, предусмотренном 129 ст[атьей] Угол[овного] Улож[ения]»* [3, л.56]. Именно такое решение и было вынесено.

Меньше повезло учителю церковноприходской школы А.Г. Фролову (казаку Трехостровянской станицы, 30 лет), который 9.01.1906 г. прибыл в хутор Малооголубинский 2-го Донского округа, чтобы купить для училища. Ему посоветовали обратиться к богатому казаку Дмитрию Чепегину. Когда

учитель зашел в его дом, там уже сидело за водкой несколько хуторян, и нового гостя конечно пригласили к столу. Здесь произошел разговор, следствием которого явилась жалоба казаков хуторскому атаману. Обо всем стало известно окружному начальству, и учитель был арестован по приказу полицейского пристава за высказывание *«суждений, возбуждающих воинских чинов к нарушению обязательной военной службы, в подстрекательстве к неповиновению законным распоряжениям властей, а также и кощунстве»*. В ходе допроса Чепегин заявил, что учитель Фролов *«предложил присутствовавшим выслушать, что он будет говорить о донских казаках, и начал с того, что наши казаки из корысти, за хорошее вознаграждение идут защищать черт знает кого: фабрикантов, помещиков и купцов-миллионеров, а свои семьи бросают на произвол судьбы. Всех казаков за это он обзывал «дураками» и «баранами». Когда слушатели заметили ему, что казаки идут в службу не из-за корысти, а по долгу присяги и высочайшему повелению, он ответил «насрать на это повеление!» и что казаки идут из-за денег, это правда, и бьют своих же братьев, которые желают устроить в России так, чтобы каждому жилось хорошо. Казаки, продолжал он, могут отказываться и не идти в службу. Далее высказал, что он Бога и царя признает, а на все остальное в религии и управлении срать хочет»*. Примерно то же подтвердил и урядник Одинцов, уточнивший, что разговор возник по его инициативе, когда он *«поинтересовался узнать от Фролова: для чего казаки мобилизуются и идут на внутреннюю службу? Он ответил, что они дураки и бараны, идут и посланы защищать черт знает кого: пузанов-купцов да помещиков, а свои семьи бросают в нищете. На замечание, что казаки идут по высочайшему повелению, Фролов ответил: «Насрать на это повеление, оно не от царя, а от начальства». При вопросе о религии и Боге он опять высказывал, что признает Бога истинного, а «иконы это не что иное, как болваны – насрать на них!»* [4, л.9об.-10]. Дело было передано в жандармское управление, от которого был прислан для следствия ротмистр Хлебников. Последний снова допросил свидетелей и также сидящего под арестом учителя. Если казаки подтвердили прежние показания, то Фролов ничего не признал, утверждая, будто он *«говорил, что власти, подразумевая здесь станичного атамана, действуют иногда неправильно, указывая на те пробелы, которые ведут общество к процветанию и благополучию; других же речей я не говорил»* [4, л.18]. Жалобу на себя он объяснял враждебным отношением атамана, который якобы подговорил местных жителей. Ротмистр Хлебников нашел, что следует признать учителя виновным, но с ним не согласился прокурор Новочеркасской судебной палаты, который предложил *«представить настоящее дознание об учителе Фролове начальнику Областного жандармского управления на предмет направления этого дознания за недостаточностью улик в Областное совещание на прекращение»* [4, л.26]. Предложение было принято, и Фролова освободили, хотя два месяца ему пришлось провести в тюрьме, из которой он вышел под залог 500 рублей.

Зато не имел серьезных последствий проступок Никанора Сизякина, казака хутора Казачьего Новочеркасской станицы. 21.07.1906 г., направляясь куда-то верхом, он вступил в разговор с вахмистром Цымловым и урядником Филатовым, которые вместе с казачьей сотней охраняли завод Пастухова в Сулине, и заявил: *«Вы напрасно служите правительству, защищая помещиков и, вообще, богатых. Пора эту дурницу вывести»* [5, л.3об.]. Казаки доложили начальству, командир сотни есаул Карелин направил рапорт в штаб войска, а оттуда его передали в жандармское управление. Ротмистр С.Л. Эльяшевич, которому поручили расследовать происшествие, допросил обоих казаков. Цымлов уточнил, что в разговоре с ними *«Сизякин прибавил, что пора второй очереди перестать служить, довольно, что вторая очередь достаточно побыла на службе, надо бросить службу, так как, по его словам, вторая очередь несла службу для охраны помещиков, что вторую очередь собирает начальство, государь же об этом ничего не знает»* [5, л.7-7об.]. Урядник Филатов передал слова Сизякина в еще более резкой форме: *«Зачем вы служите? Дураки казаки, зачем они служат, наняли вас и служите год за 70 рублей. Между тем, как работник дома получает полтора ста рублей, а казаки только защищают богачей да помещиков; пора бросить службу и следует перебить помещиков да начальство»*. Однако затем Филатов добавил: *«Мы все время по дороге с ним спорили, мне кажется, что он хотел высказать только свое мнение, но нас не убеждал и не склонял к нарушению военной службы»* [5, Л.7 об.-8]. Вероятно так же решил и ротмистр Эльяшевич, который, даже не допрашивая подозреваемого, записал, что *«свидетельские показания не содержат достаточно данных для привлечения означенного Сизякина к дознанию, а потому по соглашению с товарищем прокурора Новочеркасского окружного суда С.Н.Никитиным ПОСТАНОВИЛ: настоящее дознание за отсутствием состава преступления производством заключить»* [5, л.9].

Следующее дело было связано с распространением нелегальной литературы среди казаков 41-го Донского полка, которые несли полицейскую службу в г. Александровск-Грушевский (ныне Шахты). В июне 1906 г. казаки Уколов и Пискунов представили командиру сотни три брошюры, которые передал им приказчик магазина «Конкуренция». Местный полицейский установил, что брошюры эти написаны Л.Н.Толстым и призывают к отказу от присяги и неисполнению воинских обязанностей, а приказчиком является Андроник Копылов (крестьянин хутора Платов Черкасского округа, 25 лет). Дело передали в жандармское управление и следователем был назначен уже известный ротмистр С.Л.Эльяшевич. Следствие он вел неспешно — около двух лет. Копылов отрицал свою вину, но казаки настаивали, что получили брошюры именно от него. Более того, как показал казак Пискунов, приказчик им *«сказал действительно: «На что вы служите, бросайте службу, тогда всем будет легче – и вам, и нам». Мы ответили*

ему, что мы по мобилизации и собраны для службы, на что он возразил, что мы собраны незаконно, что даже собраны без ведома государя императора, что это не служба, что поэтому надо нам разбежаться по домам, что это будет лучшим выходом из нашего положения. Затем, давая какие-то книжки или газетки, которые после оказались запрещенными и преступными, моему товарищу, казаку Уколову, он обещал, что сам придет к нам в казарму, чтобы почитать нам подобные же книжки» [6, л.51-51об.]. Эльяшевич составил обвинительное заключение о распространении нелегальной литературы, но тут вмешался прокурор Никитин, который нашел, что этого недостаточно, так как Копылов не только предложил казакам брошюры Толстого, но и *«высказывал суждения, возбуждающие воинских чинов к нарушению обязанностей воинской службы»*, а значит виновен не только в распространении нелегальщины, но и в устной непубличной антиправительственной агитации. [6, л.48-48об.] Начальник жандармского управления генерал-майор М.Н.Филатьев согласился с прокурором и приказал доработать дознание. Только 21.06.1908 г. Эльяшевич завершил следствие и направил материалы прокурору Новочеркасского окружного суда, оставив обвиняемому прежнюю меру пресечения (особый надзор полиции). Дальнейшая судьба Копылова неизвестна.

Следующий факт подобной пропаганды был зафиксирован в октябре 1907 г. Тогда священник Покровской церкви хутора Журавского (1-й Донской округ) Александр Иванов донес окружному атаману, со слов монастырского послушника, что тому предлагал почитать интересную книжку о казачестве казак Нижне-Кундрюческой станицы Евдоким Красавин. Так как последний был прихожанином Иванова, тот потребовал, чтобы казак принес ему книжку. Оказалось, что она называется *«Донское казачество прежде и теперь»* и *«призывает казаков присоединиться к борьбе против грабежа и произвола самодержавного правительства»* [7, Л.4-4об.], о чем священник *«по долгу службы и присяги»* известил начальство. Окружной атаман передал донос в жандармское управление, которое возбудило дознание, назначив следователем штабс-ротмистра Молчанова. Не в пример Эльяшевичу тот провел следствие очень быстро. Признав, что книжка *«содержит в себе призыв к бунтовщическим деяниям и неповиновению закону»*, он допросил Красавина и выяснил, что тот получил книжку от казака Василия Ершова. Выяснилось также, что Ершов давал читать другим казакам брошюры священника Григория Петрова с критикой государственных и церковных порядков. Ершов (казак станицы Нижне-Кундрюческой, 39 лет) был также допрошен и показал, будто брошюры Петрова он купил у неизвестного монаха, а книжку *«в последних числах сентября с.г., едучи из г. Александровск Грушевского, куда я возил продавать виноград, нашел на дороге, неподалеку от рудника Кошкина»* [7, Л.18об.]. Заслушав его показание, штабс-ротмистр Молчанов пришел к выводу, что Ершов не знал о преступном содержании книжки и рекомен-

довал прекратить дознание за недостатком улик, что и было сделано.

При схожих обстоятельствах возникло и следующее дело, когда в 1909 г. священник Христорожественской церкви Усть-Бузулукской станицы Виктор Петровский донес на нескольких казаков, якобы занимающихся революционной пропагандой. Среди них оказался проживавший в хуторе Речешный урядник Павел Чиликин, 39 лет, который служил преподавателем гимнастики в местной школе. При обыске у него были найдены несколько нелегальных изданий разного политического направления и 12 тетрадей дневниковых записей. Помимо скептических высказываний о церковных обрядах и резких отзывах о местном начальстве, внимание жандармов привлекла запись за 13.12.1907 г.: *«Вечером был у нас Николай... и говорил охотников затребывают — казаку 300 руб., уряднику 500 руб. и даже 100 руб. на дорогу. Я тут сильно выругался, сказал: «Нехай черт их охраняет, а не люди... Могу ли я охранять этих извергов, деспотов, кто терзает и угнетает человечество, как не они, подлецы, захватившие принадлежащий всему человечеству дар Божий — землю, да еще назвали ее «собственность», даже «священная». Что тут священного и святого? Можно ли делать вещь из того, что сотворено для всего живого существа — земля, вода и воздух! Это не вещь, а дар Божий...»* [8, л.35 об.] На допросе 29.01.1910 г. Чиликин объяснил, что это были *«мысли по поводу предложения в охрану — что чувствовал, то и сказал»*. [8, л.23 об.] Местная полиция попыталась раздуть из доноса дело о революционной организации, но жандармское управление такое старание не поддержало, и Чиликин, наряду с другими подозреваемыми, был оправдан.

Еще одно известное нам дело, связанное с пропагандой против охранной службы казаков, относится к 1909 г. Тогда три жителя хутора Поляков Милютинской станицы подали атаману Донецкого округа донесение, в котором жаловались на учителя приходского училища Юрина и преподавателя гимнастики урядника Арсенова, которые якобы отговаривают казаков от несения внутренней службы и говорят, *«что не следует присягать государю»*, а также распространяют нелегальную литературу [9, л.10 об.]. На следствии, проведенном местной полицией, они подтвердили свои обвинения, а хуторской атаман Иван Поляков *«объяснил, что учитель их поселка Александр Трофимов Юрин принадлежит по убеждению к лагерю крайне левой партии, общество поселка им недоволено, так как детей он учит плохим нравственными качествами, позволяет в классе говорить с ними противоправительственные речи, дети не стали теперь к родителям и старшим оказывать должного почтения, редко посещают церковь и безобразничают по улицам хутора»* [9, л.13 об.]. В ходе обыска у преподавателя гимнастики не нашли ничего, кроме номера левого, но легального журнала «Жизнь», зато в доме учителя были изъяты револьвер, кинжал и две нелегальные книжки — «За дело», издания эсеров-максималистов, и «О царской власти», содержащая резкие высказывания и просто сплетни обо всех царях, начиная с Ивана IV и

кончая Николаем II. Школьный сторож Иван Рябцев показал, что однажды слышал, как учитель читал последнюю книжку молодому казаку Ивану Полякову, с которым занимался арифметикой, и тогда же, играя на скрипке, пел песню, которая начиналась словами «отречемся от старого мира» («Рабочая марсельеза»). Учитель Юрин был арестован и отправлен в Каменскую тюрьму, а следствие продолжил жандармский поручик Нестеровский. Последний начал с допроса Юрина. Учитель (казак станицы Михайловской, 22 года) категорически отрицал свою вину, утверждая, что донос спровоцирован сторожем Рябцевым, которого он хотел уволить за плохое несение службы. Неприязнь к себе атамана и других хуторян он объяснял тем, что им не нравились его педагогические методы (мягкое обращение с учениками, отказ от рукоприкладства), а также нежелание участвовать в попойках и приветствовать незнакомых людей. Что же касается нелегальных книг, то они, якобы были куплены еще в 1905 г. в новочеркасском книжном магазине. Последнее объяснение звучало нелепо, так как книжки были изданы в 1907 и 1908 гг. Но поручик Нестеровский почему-то удовлетворился объяснением и перешел в допросу местных жителей. Неожиданно оказалось, что к учителю в хуторе большинство жителей относилось хорошо. Отрицательно его характеризовали только атаман и сторож Рябцев. Последний подтвердил прежние показания, но из книжки, которую читал казаку Полякову учитель, запомнил только то, что Петр I был развратник. Авторы доноса заявили, что Юрина знают мало, но поверили Рябцеву. Двадцатилетний казак Иван Поляков категорически отверг заявление Рябцева: *«Я действительно занимался с Юриным арифметикой, но при мне никаких запрещенных песен Юрин не пел и никаких запрещенных книг не читал»* [9, л.27]. По словам сорокалетнего казака Сафонова, Юрин *«не только не бранил государя императора и не осуждал современного строя, а наоборот, всегда прекращал разговоры других о политике»* [9, л.30]. Двенадцатилетние ученики Косачев и Зимин утверждали, что учитель никогда не выступал против несения казаками службы, пел с учениками не революционные песни, а *«Боже, царя храни»* и *«приказывал нам быть почтительным к родителям, ходить в церковь, с охотой идти на службу к Государю Императору»* [9, л.33]. Следовательно и прокурору ничего не оставалось, как предложить освободить Юрина «за недостаточностью улик».

Последний раз вопрос о несении казаками охранной службы упоминался в связи с казачьими волнениями на сборах 1910 г. Волнения, вызванные плохими условиями службы, привели к массовым арестам и осуждению к тюрьме и каторжным работам семи казаков. Это значительно ухудшило отношение к власти многих станичников, прямо высказывавших сожаление о причастности к былой охранной службе. Так, агент охранного отделения по кличке «Войлоков», докладывая 7.03.1911 г.: *«Настроение жителей Усть-Медведицкого округа становится все тревожнее. Распространенные здесь газеты «Речь» и «Современное слово» высказывают сожаление, что подчинились начальству и усмиряли в 1905-6 и 7 годах бунтующих крестьян, кото-*

рые и волнуются только потому, что притесняет их несправедливое жес-
токое начальство и богачи-помещики... Старики относятся с презрением к
молодежи, которая поступает на службу в Охрану. Агитация настолько
расплывчата, что даже нет возможности указать отдельных лиц» [10,
л.246об.-247]. Месяц спустя начальник жандармского управления полковник
Р.В.Домбровский писал в Департамент полиции: «Правительство казаки
считают неблагодарным к ним, т. к. по их мнению, оно ничего им не дало за
их усмирительно-охранную службу в 1905, 6, 7 и 8 гг.» [10, л.251]. В связи с
возникшим слухом о войне с Китаем, указывал полковник, «старики говори-
ли, что лучше идти на войну, чем усмирять своих же русских» [10, л.252].

Указанные материалы позволяют сделать вывод, что отношение дон-
ских казаков к охранной службе в 1905 и последующих годах было неодно-
значным. Обращает внимание, что выступления против нее допускались пре-
жде всего самими казаками. Это были люди разного возраста и социального по-
ложения, хотя немалую часть среди них составляла казачья интеллигенция
(учителя, юристы, священники). Основные доводы противников полицейской
службы заключались в справедливости требований крестьян или рабочих-
забастовщиков, в нежелательности восстанавливать против себя народ и в том,
что «богачи-помещики» или «пузаны-купцы» не достойны казачьей защиты, а
сама служба незаконна, так как мобилизация на нее объявлена якобы по при-
казу правительства, а не волей царя. Зафиксированные в документах возражения
сводились исключительно к необходимости подчиняться присяге и выполнять
требования начальства, но никто не заговаривал о необходимости поддержания
порядка или защите интересов государства. Все это позволяет заключить, что
полицейскую службу в значительной мере казаки выполняли по инерции, под-
чиняясь еще действующему авторитету царской власти (отсюда и попытки ее
противников объяснить мобилизацию действиями начальства, но не царя). Ко-
гда этот авторитет рухнул, то казаки утратили прежнюю мотивацию, и к началу
1917 г. использование казачьих частей против революционных выступлений в
Петрограде оказалось уже невозможным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственных архив Ростовской области (далее – ГАРО), Ф.829.Оп.2. Д.56.
2. ГАРО, Ф.829.Оп.1. Д.67.
3. ГАРО, Ф.829.Оп.1. Д.88.
4. ГАРО, Ф.829.Оп.1. Д.56.
5. ГАРО, Ф.829.Оп.2. Д.60.
6. ГАРО, Ф.829.Оп.2. Д.59.
7. ГАРО, Ф.829.Оп.1. Д.147.
8. ГАРО, Ф.829.Оп.1. Д.222.
9. ГАРО, Ф.829.Оп.1. Д.988.
10. ГАРО, Ф.829.Оп.1. Д.216.

М.А. Исакова (Донецк)

ГУНДОРОВСКИЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ ПОЛК В ЛАГЕРЕ ЧИЛИНГИР В 1920-1921 ГГ.

В последние октябрьские дни 1920 г. Донской гундоровский георгиевский полк был разделен на несколько неравных по численности отрядов. Один из них был брошен на борьбу с крымскими зелеными. Об этих событиях свидетельствует удостоверение за номером 883, выданное штабом войскового атамана Всевеликого Войска Донского 29.10.1920 г. есаулу Быкадорову, в котором было записано: «...разрешаю производить набор казаков из неказачьих частей для формирования донского казачьего дивизиона по борьбе с зелеными» [1, л.321].

Дивизион сформировать уже не удалось, так как 29.10(11.11).1920 г. стало последним днем активной борьбы на фронте. Большая часть гундоровцев отступала вместе с войсками Донского корпуса в направлении Керчи, а оставшаяся часть вместе с юнкерами была брошена на патрулирование окрестностей порта и обеспечение пропуска и посадки на корабли войск и беженцев.

В ноябре 1920 г. по полкам был разослан приказ, уточняющий все условия погрузки на судна.

По прибытии в лагерь, Гундоровскому полку, как самому большому по численности, под размещение выделили один барак. В отличие от Северной Таврии и Крыма здесь не нужно было кланяться под пулями и вжиматься в землю при разрывах снарядов, и только этим себя успокаивали обитатели казачьего лагеря. Забота о куске хлеба стало основным занятием казаков. Вся эта неприглядная лагерная жизнь на турецкой земле, с пайком в 250 г. хлеба, 200 г. консервов, 100 г. приварочных продуктов и 30 г. сахара все же меньше пугала людей, чем возможность остаться в Крыму. «Лучше уж такая жизнь, чем неминуемая смерть», – каждый день внушалось казачьими начальниками. Офицеры, составлявшие до трети казачьих частей, как могли, поддерживали боевой дух казаков. Они практически ничем не отличались от общей массы. Жили в тех же помещениях, получали тот же паек.

Американский Красный крест выдал для воды и гигиенических целей металлические ведра, но они тут же были приспособлены под варку пищи. Получалось как раз на группу из 5-6 человек. На такие группы вокруг одного ведра и, соответственно, одного костра, и разбился весь лагерь. Казаки просыпались каждое утро в насквозь пронизываемом ветром бараке гундоровского полка, имея перед собой одну цель – согреться и покормить себя.

Французские интенданты выдавали донскому корпусному интен-

дантству «французский паек» со всевозможными удержаниями. Эти удержания в свою пользу доходили до одной трети и без того скудного пайка. Казаки не раз поднимали вопрос о прекращении злоупотреблений французскими интендантами с лейтенантом Пуссо во главе. Неудивительно, что на «толкучке» в Хадем-Киое появились продукты французского интендантства, что, конечно, привело к возмущению казаков [2, л. 74].

Здесь, в Турции, сказывалось вечное стремление казака жить одной сумой с близкими и приятными в общении людьми. Спустя пару недель после приезда в Чилингир казаки занялись строительством землянок. Из стараний казаков получались землянки на 5-7 человек, с плетеными топчанами. Из тех же плетней, только обмазанных глиной, делались стены. При затяжных дождях промокали хлипкие стенки землянок, начинали течь крыши, сделанные из разного хлама, но все равно казаки, особенно семейные, в бараки возвращаться не хотели. Прижились в землянках.

8 (21) декабря 1920 г. в числе больных, попавших в этот день в госпиталь, оказались шесть человек с предварительным диагнозом, ужаснувшим все казачье население лагерей, – холера [3].

Вот что доносил об этом дивизионный врач в рапорте от 10.12.1920 г. за № 145/с. «Доношу, что по сие время в лагере Чилингир было 18 случаев заболеваний, подозрительных по холере, из них 7 смертных. Для различных больных отведен отдельный сарай, который приспособляется, и туда сегодня будут переведены все подозрительные. Ввиду скученности населения лагеря нет возможности правильно вести надзор за болеющими, вовремя их выделять. Нет дезинфекционных средств. Кухонь в лагере недостаточно и совершенно нет кипяtilьников. Нет дров и угля, почему запретить пользование сырой водой невозможно. Нет печей, почему люди при настоящей сырой погоде не высыхают, что предрасполагает к заболеваниям. Недостаточно материала, чтобы заделать дыры в окнах и крышах. Если все это останется в прежнем виде, эпидемия примет массовый характер. Донврач 3 статский советник А. Степановский» [4, л. 16].

Рапорт этот является ценным историческим документом, показывающим, в какой тяжелой обстановке находились казаки в Чилингире, и при каких невыносимых жизненных условиях появилась холера.

С первых же дней возникновения в лагере холерных заболеваний были приняты энергичные меры по ликвидации эпидемии. Всем находившимся в лагере поголовно была сделана противохолерная прививка. Французами был установлен строгий карантин. Весь лагерь был оцеплен двойным кольцом постов. Никого не пропускавших ни в лагерь, ни из лагеря. Внутреннее кольцо составляли русские посты, внешнее – конные французы. Это было самое тяжелое время в Чилингире. Оторванные от всего мира, среди диких и унылых гор, в зараженном лагере, точно в тюрьме, охраняемые чуждыми и враждебно настроенными французами, голодные казаки начали падать духом. Бывшая раньше крепкой уверен-

ность в том, что весной они снова вернутся на Родину, у них была сильно подорвана. Конечно, это не могло не отразиться на казачьей психологии, и казаки всячески реагировали на это.

Некоторое разнообразие в жизнь лагерей, расположенных в районе Чатаджи, вносила «толкучка». Сюда сходились со всех барачков и знакомых повидать, и «новости» узнать. На «толкучке» все-таки устанавливалась известная рыночная цена, здесь же всецело зависела от жадности скупщика и твердости казака, но, в общем, была крайне низкая. Так, например, револьвер продавали за 4 лиры, казачьи шаровары – за 2 лиры, дамские золотые часы – за 1-2 лиры, браслеты, серьги, золотые броши и обручальные броши и обручальные кольца – по 40-50 пиастров.

Большое оживление вносила в жизнь лагеря запись в Советскую Россию и Бразилию. Казаки в эти дни забывали свои обыденные хлопоты, собирались кучками и на все лады обсуждали: ехать или не ехать, записываться или не записываться.

После снятия карантина информационным отделением штаба Донского корпуса в полках, в том числе и в гундоровском, были открыты библиотеки-читальни, куда постоянно доставлялись свежие газеты и журналы. Устраивались лекции, доклады, но по причине не совсем удачного подбора тем посещались они казаками слабо, слушателями их были, главным образом, офицеры.

Гундоровцы доказали свое высокое умение приспосабливаться к окружающей обстановке в Чилингире. В воспоминаниях переживших чилингирский период эмиграции особо фигурируют казаки гундоровского полка. Они выделились своей сплоченностью, сильной спайкой и взаимопомощью.

Офицер полка П. Туроверов в первом номере журнала «Донец» от 20.03.1921 г. поместил свои воспоминания «У костров чилингирских»: «Когда сумерки сырым тяжелым пологом окутывают окрестности, и мутное небо турецкой зимы низко нависает над Чилингиром, лагерь резко меняет свое лицо. Неряшливые турецкие постройки и наши жилища, мрачные, гнетущие одним своим видом скотские бараки и жалкие землянки, примитивные, как звериные норы. Невольная неряшливость изношенной одежды людей с изможденными лицами. Всю мерзость дневной действительности прячет ночь в широких складках своей черной мантии. А яркие буйные огни сотен костров, живописно разбросанных по всему лагерю, придают ему необыкновенное очарование. Но кончается день, мучительно долгий, зябкий и полуголодный наш день. Беспокойным и нездоровым сном забывается лагерь, и тухнет пламя опустевших вечерних очагов» [5].

Пищу казаки готовили самостоятельно, группами по несколько человек, в котелках, ведрах и консервных банках. Отпущенных французами полевых кухонь не хватало даже для кипячения воды. Готовили на кост-

рах, в специально отведенном для этого месте, около барака. Топливом служили колючка, хворост и дрова из ближайшего леса, расположенного в 4-5 километрах от лагеря. В лес ходили командами. Рано утром собирались эти команды в указанном месте, обыкновенно у барака гундоровского полка, где назначался старший над командами; после чего все, сопровождаемые конными французами, шли в лес. За неимением топоров дрова приходилось рубить шашками. Из леса возвращались около 4 часов дня, неся на себе вязанки хвороста и колючки.

Хождение за дровами считалось одним из самых тяжелых нарядов, так как большинство казаков имели рваную обувь, а ходить приходилось во всякую погоду, в снег и грязь, по проселочной тропинке, часто идущей через болота и горные потоки, вздувшиеся от дождей. Помимо того, рубка и носка дров за несколько километров была тяжелым, почти непосильным бременем для истомленных недоеданием казаков.

Много времени уходило на приготовление пищи. Сырые дрова горели слабо, пища варилась медленно. Ранним утром, днем и вечером, до темноты, плохо одетые, пронизываемые холодным ветром, часто под дождем, возились казаки у костров. Воду брали из колодцев-фонтанов, расположенных в деревне Чилингир, а также из ручья одноименного названия, протекавшего внизу, у деревни. Но так как в этом ручье, который был единственным, стирали, или как тогда говорили, мыли белье, то брать воду из него было строжайше запрещено. Правда, запрет этот не исполнялся казаками, которые зачастую даже пили воду из ручья. Конечно, это вело к заболеваниям, которые принимали массовый характер по причинам антисанитарного состояния лагеря.

Действительно, санитарные условия жизни в Чилингире были ужасны во всех отношениях, начиная с помещений. Громадные холодные бараки-овчарни, полутемные, с сырым навозным полом, со сквозняками и худой кровлей, даже в отдаленной степени не напоминали жилье. Бараки не отапливались, печей почти не было.

В дождь и непогоду казаки почти все время ходили мокрые, т.к. высохнуть было негде. Спали вповалку на земляном полу, тесно прижавшись друг к другу. Вши буквально поедали казаков. Горячей воды не было, и белье приходилось стирать, как было сказано выше, в протекавшем около деревни ручье. Вшей такая стирка, конечно, не уничтожала. Да и в ручье-то стирать приходилось редко, так как мыло купить казакам было не на что, а французы выдавали 1 кг такого примитивного моющего средства на 25 человек в месяц.

В темном бараке искать вшей было невозможно, вне барака не позволяла погода. Зато в те дни, когда переставали дождь и ветер, и теплое южное солнце пригревало землю, большая часть населения выходила за ручей, на горку, где был разбит тутовый сад, раздевались и начинали истреблять вшей.

С раннего утра уже дымили костры, кипятили воду. Начиналось медленное чаепитие. Пили не спеша, стараясь как можно дольше продлить это удовольствие. Потом происходила уборка барачков перед бараками, отхожих мест. В 11 часов начинались занятия. Строевые – на воздухе, в хорошую погоду, словесные – в помещении, в плохую погоду. Эти занятия благотворно влияли на казаков и как гимнастика, и как средство, поддерживающее воинский дух и не дающее казакам опускаться. В первые дни введения учебных занятий казаки отнеслись к ним недоброжелательно, ворчали и неохотно выходили из барачков по команде «Выходи на занятия!», но потом стали заниматься с видимым удовольствием. Нужно заметить, что к словесным занятиям, поскольку они проводились в виде читки газет или бесед по текущему моменту, казаки все время относились холодно.

К 12 часам занятия заканчивались и снова дымили костры – казаки хлопотали с обедом. Очень любопытно меню казачьих обедов. Чтобы хоть как-нибудь разнообразить опостылевшие фасоль и чечевицу, казаки придумывали всевозможные блюда. Конечно, основным был суп из фасоли или чечевицы, или лапша, галушки, размазня из муки. Но были и деликатесы – пирожки, котлеты, и диковинные чилинбирские блюда. Так, например, в гундоровском полку был в большом ходу «соус». Готовили его следующим образом: в кипящую воду засыпали кофе, который французы выдавали казакам. Пить они его не любили из-за недостатка сахара, поэтому командование ходатайствовало перед французами о замене кофе чаем, что и было впоследствии сделано, но первоначально казаки нашли своеобразное применение кофе: в него клали консервы, сдабривали жиром и получался соус. Некоторые, особенно уж тонкие гастрономы, клали в этот соус и подболтку из муки [6].

Но ко всему этому следует добавить, что все-таки казаки не наедались. Недостачу эту нельзя было компенсировать даже хлебом, так как его тоже выдавалось очень мало.

После обеда происходило мытье белья, уборка площадок перед бараками, постройка землянок и другие хозяйственные работы. Варили чай, который ввиду холодной погоды пили в большом количестве. Так продолжалось до 7 вечера. В семь часов – «Зоря» и молитва. Звонко разносилась по окрестным горам «Зоря», и широко, плавно и стройно лились из тысяч казачьих грудей молитва и гимн: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон».

С началом весны в Чилинбир пришло распоряжение французской оккупационной администрации отправить всех казаков Донского корпуса на остров Лемнос. В апреле 1921 г. уже начались сборы. Разбирались землянки, все деревянное из них извлекалось. Казаки, зная о недостатке топлива на Лемносе, забирали с собой все, что только могло служить им. Собирались самодельная посуда из консервных банок и другой хозяйст-

венный скаруб. Поуже знакомой казакам железной дороге они были доставлены в Константинополь, на ту же пристань Серкеджи, и отправлены на остров Лемнос.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военный архив, Ф.40158, Оп.1, Д.4, л. 321.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), Ф.5935. Оп.1. Д.14, л.74.
3. Донец. Рукописный литературно-художественный (остров Лемнос, Греция). 1921, №1, 20.03.1921 г.
4. ГАРФ, Ф.5935. Оп.1. Д.14, л.16.
5. Донец. Рукописный литературно-художественный (остров Лемнос, Греция). 1921, №3, 30.04.1921 г.
6. Донец. Рукописный литературно-художественный (остров Лемнос, Греция). 1921, №1, 20.03.1921 г.

А.В. Аверьянов, Д.М. Грядский (Ростов-на-Дону)

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1941–НАЧАЛЕ 1942 ГГ. (ПРОБЛЕМЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ)

Проблематика создания народного ополчения и его роли в деле обороны Ростова-на-Дону от немецких захватчиков имеет достаточно длительную историографическую традицию. Однако она во многом сосредоточена на проблемах боевого пути и боевых действий Ростовского отдельного стрелкового полка народного ополчения. При этом из поля исследовательского зрения выпадает военно-образовательный аспект. Как правило, ополчение и истребительные батальоны создавались как вспомогательные службы для охраны тыла действующих войск. Это подтверждает исследователь Терновский А.Н., который отмечает, что: «Советское руководство, осознавало опасность, которой поддается тыл, и поэтому для минимизации уровня диверсионной атаки со стороны противника принимает решение о создании истребительных батальонов» [1, с.91]. Отдельно необходимо отметить, что истребительные батальоны и дивизии народного ополчения были порождены самой Великой Отечественной войной, и до этого у военного и политического руководства Советского Союза не было опыта создания подобных формирований [1, с.92].

Система подготовки вспомогательных боевых подразделений была

разделена на собственно военную и политическую подготовку. Для понимания полной картины остановимся на каждом из двух обозначенных аспектов в отдельности. Более того к такому ракурсу рассмотрения обязывает постановление партийных органов от 7 августа 1941 г., которое утверждало на законодательном уровне такое положение: «Обязать командиров полков и батальонов народного ополчения четко организовать учебу бойцов, для чего составить твердое расписание занятий и расчет часов по отдельным дисциплинам, при этом строго сочетая учебу бойцов с подготовкой командного и политического состава» [2, л.3].

Основной причиной формирования полка оказалось отсутствие необходимого числа мужчин, призывного возраста, которые к тому времени были мобилизованы в действующие войска или маршевые части, отправленные на фронт для восполнения потерь. Для обороны города в Ростове-на-Дону пришлось сформировать полк народного ополчения. В полк вошли граждане непризывного возраста и непризванные в действующую армию по состоянию здоровья. Примечательно, что в полк мог влиться каждый желающий. Ополченцы сразу после формирования полка начали проходить военное обучение. Военная подготовка в частях народного ополчения была поставлена также как и в регулярных войсках. Эта подготовка имела две составляющие: собственно военную и политическую. Следует подчеркнуть, что военная подготовка в частях Ростовского ополчения оказалась на более высоком уровне, нежели политическая подготовка. Не смотря на то, что практически через месяц после начала войны, началась подготовка кадров для ополчения, 7 августа 1941 г. Городской комитет ВКП(б) был вынужден констатировать, что полк ещё недостаточно подготовлен для выполнения возложенной на него задачи обороны города. На заседании Бюро Ростовского городского комитета ВКП(б) 25.08.1941 г. отмечалось, что: «С 20 июля с.г. во всех районах началась военная подготовка бойцов народного ополчения (одиночная подготовка бойца в отделениях и взводах)» [2, л.2-3]. Однако практически месяц военной подготовки и обучения дал достаточно слабые результаты. Кадры, выделенные для ведения занятий и командования полком, оказались в затруднительном положении по причине отсутствия ряда пособий и наглядного материала. Политические органы города отмечали, что: «Большим недостатком в обучении бойцов является наличие довольно ограниченного количества учебно-наглядных пособий, в частности остро чувствуется недостаток учебных винтовок, прицельных станков, саперных лопат, уставов и др.» [2, л.3]. Также это усугублялось тем, что комсостав не имел достаточного опыта, для ведения курсовых групп и порой оказывался не в состоянии справиться с проблемами, которые вставали перед ним [2, л.3].

В связи с отсутствием необходимого учебного снаряжения и оружия, комсостав полка народного ополчения был вынужден подменять не-

обходимые практические элементы боевой и политической подготовки теоретическими занятиями по военно-политической подготовке. Однако даже такая, сугубо теоретическая подготовка была несистематизированной и нерегулярной, что ещё больше снижало ее эффективность. Через полгода, после начала войны, партийно-политические органы были вынуждены констатировать, что подготовка ополченцев продолжает оставаться на низком и неудовлетворительном уровне. В феврале 1942 г. также отмечалось, что плохое качество обучения было связано с отсутствием должной политической подготовки у служащих военных отделов комсомола и компартии, ответственных за проведение политмассовых мероприятий. Констатировалось что: «Военные отделы РКВКП(б) и Горком ВЛКСМ своевременно не включились в работу по организации курсов...» [2, л.3], поэтому подготовка ополченцев оставалась довольно слабой. Также отмечалась непреодоленная проблема обеспечения курсов учебными и наглядными пособиями, военно-политические органы Ростова-на-Дону в феврале 1942 г. констатировали: «Учебными и наглядными пособиями курсы обеспечены недостаточно, отдельные группы занимаются в неотопливаемых помещениях» [6, л. 3]. Несвоевременность, неуверенность в собственных силах и слабость руководителей курсовых групп заставила партийно-политические органы немедленно принимать меры для преодоления отрицательных явлений в обучении. Бюро Горкома ВКП(б) 4.02.1942 г. постановило, что необходимо повысить уровень подготовки командиров полка народного ополчения. С этой целью требовалось создать кадры, которые смогли бы самостоятельно принимать решения и организовывать качественное обучение бойцов ополчения. Партийные органы требовали снизить нагрузку на строевые части и создать условия для самостоятельного возмещения потерь без снижения их качественного уровня: «Организовать командирскую учебу всех звеньев командно-политического состава отрядов с задачей, чтобы обучение бойцов проводилось командными политическим составом отрядов, а не перекладывалась эту работу целиком на прикрепленные воинские части» [5, л.3]. Кадрирование полка народного ополчения, таким образом, возмещалось самим составом ополчения, который согласно разверстке по районам города к началу 1942 г. требовал до 995 человек ежемесячно [4, л.14-15].

Требования самостоятельно готовить необходимый командно-политический состав имели не только кадровую, но и техническую проблему. Так как отсутствовал необходимый опыт подготовки, отсутствовали и площадки, на базе которых было бы возможно эффективно проводить занятия с таким количеством человек. Парторганы отмечали, что: «Руководители курсовых групп... и отдел подготовки кадров Обкома... не проявляют должной заботы в обеспечении нормального хода учебного процесса» [6, л.3]. Помимо отсутствия достаточного количества учебных станков и винтовок, в системе подготовки ополчения отсутствовало

и достаточное количество необходимых учебных пособий. Эта нехватка заставляла оптимизировать работу и найти выход в максимальной рационализации отведенного на подготовку времени. Военно-политические органы требовали: «Обязать командование полков и батальонов народного ополчения четко организовать учебу бойцов, для чего составить твердое расписание занятий и расчет часов по отдельным дисциплинам...» [2, л. 3].

Политическая подготовка в частях полка народного ополчения оказалась в ещё более плохом положении, чем военная. Ростовские партийно-политические органы в начале августа 1941 г. отмечали, что политическая подготовка ограничивается лишь краткими обзорами и несистематическими лекциями: «Политмассовая работа среди бойцов народного ополчения поставлена слабо, последняя ограничивается проведением политинформаций и в отдельных случаях постановкой докладов на политические темы» [2, л.3]. В целях решения этой задачи и повышения эффективности политического воздействия на ополченцев, было принято решение расширить сеть агитаторов, для чего предполагалось привлечь дополнительные кадры комсомольцев и коммунистов. 25.08.1941 г. в дополнение к этим мерам предлагалось внести в номенклатуру ГК ВКП(б) командно-политический состав формирований народного ополчения. Благодаря чему в ополчении оказались имеющие опыт командиры, комиссары и начальники штабов дивизий, полков и батальонов, а также политруки рот истребительных батальонов [3, л. 2-3].

Исходя из проведенного анализа архивных материалов и историографии можно сделать следующие выводы: дивизии народного ополчения были как боевой организм порождением Великой Отечественной войны. Они были созданы как вспомогательные подразделения и несли в себе охранительные функции. Поэтому основной их задачей была охрана тылов армии.

Система подготовки ополченцев была аналогичной системе подготовки красноармейцев. Однако, отсутствие необходимых средств заставляло военное командование снабжать ополчение по остаточному принципу. Такой подход негативным образом сказывался на уровне военно-политической подготовки бойцов.

Крайне ограниченное количество учебных и наглядных пособий, а также учебных площадок, вынуждало заполнять образовывавшийся методический вакуум лекционными занятиями.

Проблемой также стали подобранные для руководства курсовыми группами ополчения кадры. Они оказались достаточно слабыми и не могли решить все имеющиеся проблемы военно-образовательного характера. В наиболее опасных и сложных ситуациях они предпочитали оставаться пассивными наблюдателями.

Политическая работа с бойцами также оставалась на достаточно низком уровне.

Однако решения военно-политических органов Ростова-на-Дону и динамика их отчетов за ноябрь – декабрь 1941 г. и январь – февраль 1942 г. позволяет утверждать, что уровень подготовки ополченцев вырос. Этот факт позволяет говорить об эффективности советской военно-образовательной системы, созданной в тяжелых условиях Великой Отечественной войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Терновский А.Н. Роль истребительных батальонов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Новосибирск, 2013.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО), Ф.13. Оп.2. Д.779.
3. ЦДНИРО, Ф.13. Оп.2. Д.789.
4. ЦДНИРО, Ф.13. Оп.2. Д.970.
5. ЦДНИРО, Ф.13. Оп.2. Д.979.
6. ЦДНИРО, Ф.13. Оп.2. Д.987.

**РАЗДЕЛ IV.
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ**

В.А. Матвеев (Ростов-на-Дону)

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА НА
СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ И
СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕССА**

Формирование русской оседлости в пределах Северного Кавказа имело свои особенности. Распространение в этой части края она получила значительно раньше. Появление казачьих поселений, например, на Тереке намечилось «еще с конца XVI столетия» [7, с. 7]. Основывались они преимущественно переселенцами с Дона [15, с.205]. Казачьи поселения на Тереке размещались первоначально в северо-восточных кавказских предгорьях. В народном же обиходе употреблялась конкретизация «на гребнях». В непосредственной близости от расположившихся там станиц позже появилось низовое сунженское казачество. Складывалось оно не только из волгских, донских, рязанских, червленых и яицких казаков. В состав терского казачества попадали грузины и поляки. Включались в него черкесы и представители других горских народов. Население станиц по этническому составу вследствие этого было неоднородным [6].

Встречались в его среде и мусульмане. В преобладающей степени все казачьи сообщества России формировались как православные. Оседлость же их на окраинах государства складывалась стихийно. В начале XVIII в. руководством страны предпринимается попытка поставить формирующиеся там казачьи сообщества в более жесткую зависимость от централизованного управления и связанных с ним инициатив. Это свидетельствует о существовавшем и в тот период восприятии их как составных частей русского народа. Разрыв не прослеживался и по состояниям субэтнических, не создававших, как правило, препятствия для солидарного взаимодействия. При Петре I устанавливается подчиненность казачьих сообществ Военной коллегии и на них по-прежнему возлагается обязанность оберегать границы России на южных направлениях [1, с.7].

С 1770 г. официальное участие привносится и в процесс становления подразделения казачества на Тереке [6]. Вызывалось же оно, как и в других случаях, необходимостью укрепления южных границ. Подписание в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского договора с Турцией вызвало потребность произвести организацию казачества для охраны весьма протяженной Азово-Моздокской линии. После же заключенного с этой страной Ясского мира 1791 г. создается Кавказская линия, прикрывшая россий-

ские государственные рубежи по Кубани и Тереку. На казачество возлагается обязанность удерживать Правый и Левый фланги установившейся границы от Азова до Моздока и Кизляра [1, с.7].

Для увеличения его численности производились подселения. В пределах ареала оседлости казаков на Тереке они осуществлялись даже в «древнейшие» гребенские станицы. Использовались для этого все обжитые места. Составлялись партии подселявшихся в том числе из небольших групп малороссийских крестьян, а также отставных солдат [6]. Пополнения продолжали осуществляться и из представителей мусульман Кавказа. То, что «терско-гребенское казачество» составлялось и за счет включения представителей горских народов [4, с.9], имеет подтвержденность антропологическими данными, а также в особенностях воспринятых от них нравов и традиций.

В его среду попадали, «спасаясь от кровной мести, рабства... феодального гнета и произвола», выходцы из многих этнических сообществ Кавказа. В формировании «терско-гребенского казачества» участие принимали выходцы из вайнахских, дагестанских, кабардинских и иных сопредельно располагавшихся аулов. Их численность так же, как и в других случаях отсутствия данных в статистике, установить невозможно. По косвенным показателям, и прежде всего внешнему облику, прослеживаются ее значительные размеры. Указывает на это и то, что у «терских казаков были целые станицы» состоявшие «из горцев-нехристиан» [4, с.9]. При расширении российского государственного присутствия на Кавказе «гребенцы» утратили «былую вольность» и были подключены к несению службы на приграничной линии. Численный состав их постепенно возрастал. То же происходило и в появившихся чуть позже на Тереке сунженских станицах [6].

Полиэтничность свойственна была и при складывании ответвления российского казачества на Кубани. На него также возлагались обязанности по охране южных рубежей России, подвергавшихся внезапным набегам [6]. При складывании российского государственного пространства в ареалах, где на постоянной основе существовала такого рода угроза, не в последнюю очередь за счет ее поддерживалась и более высокая религиозность восточнославянского населения. Особой приверженностью православию отличалось, как известно, казачье сообщество Запорожья, мотивация которого в противостоянии с теми, кто предпринимал вторжения в пределы русской оседлости, определялась необходимостью борьбы за веру [17, с.579]. На самом же деле обеспечивалась выживаемость восточнославянского населения, так как набеги приводили не только к хозяйственному разорению, но и весьма значительным людским потерям.

Девиз запорожского казачества с оттенком сакральности унаследовали и «черноморцы», воспринявшие указ Екатерины II о переселении на Кубань для того, чтобы на этом направлении «оберегать русские границы от людей иной, не христианской, веры» [17, с.579]. С учреждением в 1775 г. Кавказского наместничества государственный контроль за функциони-

рованием казачьих сообществ в приграничье Кубани и Терека возрастает. На них стала возлагаться необходимость несения земских повинностей. Наряду с исполнением обязанности содействовать почтовым перевозкам, казаки на Северном Кавказе так же, как и на других окраинах, должны были выставлять конвои для надобностей сопровождения, предоставлять подводы и т.д. Постепенно вводится регламентация и их хозяйственной деятельности. Подчиненность Кавказскому наместничеству привела к установлению двойственности в управлении кубанским и терским казачьими сообществами. Утвердилась сохранявшаяся и впоследствии зависимость от военной и гражданской администрации [1, с.7].

Однако и это полностью не устранило элемент стихийности в становлении кубанского и терского ответвлений российского казачества. В конце XVIII в. переселившиеся на Северный Кавказ запорожцы составляли лишь его часть. Ранее в него массово включались представители астраханского, волжского, донского, рязанского, уральского казачества, переселявшиеся как стихийно, так и по распоряжениям правительства на нуждавшиеся в защите от набегов рубежи. Являясь выходцами из бывших приграничий, они также обладали более высокой религиозностью. Увеличение численности российского казачества на Северном Кавказе благоприятно сказывалось на возможностях устранения существовавших угроз. Достигавшаяся стабилизация способствовала притоку восточнославянского населения и прежде всего необходимого для освоения края крестьянства [1, с.9].

Массовое его переселение на юг намечилось к концу XVIII в. Происходило оно преимущественно из Воронежской, Курской, Тамбовской и других бывших приграничных губерний. Используя ранее для сельскохозяйственного производства земли с конца XVIII в. стали переводиться из разряда казенных в собственность помещиков. Это осложнило положение расселявшихся там однодворцев и государственных крестьян. Вследствие этого они вынуждены были покинуть обжитые места. Переселение осуществлялось преимущественно на Кавказ [1, с.9]. Необходимость в нем существовала тогда, как видно, не только у последователей оппозиционных православию учений. Ссылка по отношению к состоявшим в сектах однодворцам и государственным крестьянам судя по всему применялась не всегда. Переселение их определялось также в какой-то степени создавшимися условиями в местах прежнего проживания.

Русская колонизация северных ареалов Кавказа так же, как и южных, допускалась, как правило, на не заселенные территории. Для их освоения в XVIII в. привлекались для увеличения численности христианского населения в крае представители армянского и грузинского народов. Им предоставлялись при водворении на Северном Кавказе «многочисленные льготы» [5, с.67]. Исповедовавшие христианство переселенцы из Закавказья в ряде случаев не включались в податное сословие. Освобождались армяне и грузины при водворении от рекрутской повинности, «записи в

вечное российское подданство». Занимавшиеся торговлей купцы не облагались пошлинами. Вместе с тем армянам и грузинам на Северном Кавказе предоставлялось право придерживаться своих исповедных версий христианства. Размещение армянских и грузинских переселенцев из Закавказья осуществлялось, как правило, вблизи казачьих станиц. В обязательном порядке они наделялись землей [5, с.67].

Оседали в этой части формировавшегося российского государственного пространства также армяне и грузины бежавшие или освобожденные из горского плена [5, с.62]. Последние сведения об «отбитых партиях» христиан, предназначенных для продажи в турецких крепостях на побережье Черного моря в рабство, как установлено современными исследованиями, относятся только к 1800 г. [5, с.66]. Для расширения хозяйственной деятельности в местности складывавшейся русской оседлости допускались кабардинцы, чеченцы и другие этнические группы автохтонного населения Северного Кавказа [5, с.67].

Дополнение складывавшейся на Северном Кавказе в XVIII в. восточнославянской этносферы лояльными представителями из среды автохтонных христианских и мусульманских народов, безусловно, способствовало ее укреплению. Создавались вместе с тем за счет смешения предпосылки для становления особой региональной общности. И на том этапе проявлялись в ней склонности к солидарному взаимодействию. Обретавшийся опыт при всей противоречивости и неопределенности исторического процесса сказывался на расширении последующей интеграции. Состав Терского казачьего войска пополнялся и из среды осетин. Поселены они были в двух станицах. Казакам-осетинам на равных с другими представителями формировавшегося сословия в начале XIX в. предоставляются льготы. Преобладающая их часть исповедовала христианство. Но в среде казаков-осетин были и мусульмане [2, с.22].

Перемещение населения в пределы края из центральных губерний Российской империи обуславливалось прежде всего наличием свободных земель и более благоприятными для сельскохозяйственного производства климатическими условиями. Это сказывалось и на его результатах. Посещавшие Кавказскую губернию еще в 20-е гг. XIX в. замечали, например, большие русские села, «раскинувшиеся на более чем двухсотверстном степном пространстве до Ставрополя» [9, с.41]. Основаны они были курскими, орловскими, тульскими крестьянами, а также переселенцами из других субъектов империи. Отмечалось тогда преобладание выходцев из «Великороссийских губерний». Фиксировалось в путевых заметках и то, что обосновавшиеся на Кавказе живут «хорошо, в довольствии... лучше, нежели в настоящем своем Отечестве». Проезжавшие через образовавшиеся в пределах края русские села не могли, по сохранившимся свидетельствам, «налюбоваться их благосостоянием» [9, с.41].

Немаловажную роль восточнославянской колонизации в проводи-

мой политике отводил в период наместничества на Кавказе не только князь М.С. Воронцов. Необходимость ее как средства сближения осознавал также М.Т. Лорис-Меликов (1865–1875) [13, с.84]. Сменив в управлении Терской областью Д.И. Святополка-Мирского, возглавлявшего ее с момента образования, М.Т. Лорис-Меликов как администратор «не только сумел поддержать порядок», но, по свидетельствам очевидцев, «в то же время заслужил полное доверие туземцев» [8, с.50,52]. К разработке проводившихся преобразований М.Т. Лорис-Меликов, в соответствии с установившейся российской практикой на окраинах, привлекал представителей от иноэтнических сообществ, стремясь обеспечить тем самым поддержку проводившейся политике со стороны населения [8, с. 51,53].

Приобретенный за десятилетие службы в должности начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска опыт убедил его в благоприятном воздействии переселенцев из центральных и южных губерний империи на соприкасавшееся с ними население. Смысл восточнославянской колонизации, как свидетельствует его служебная переписка, М.Т. Лорис-Меликов усматривал в том, «чтобы сделать Северный Кавказ вполне русским краем» [10, с.12]. Возглавив впоследствии Министерство внутренних дел, он тем не менее ответил отказом наместнику его императорского величества в крае великому князю Михаилу Николаевичу, предложившему допустить заселение присоединенной Карской области русскими крестьянами [12, с.127]. В ограниченных размерах оно производилось лишь сектантами. Массовый приток переселенцев из центральных и других субъектов империи в пределы Карской области из-за позиции М.Т. Лорис-Меликова оказался не возможным.

Между тем стабилизирующее влияние восточнославянской колонизации в правительственных сферах по-прежнему признавалось. Разделения по северным и южным ареалам Кавказа при наличии свободных земель она первоначально не имела. Специфика сложилась несколько позже. Во второй половине XIX в. из-за произошедших на Северном Кавказе этнодемографических перемен, вызванных переселением части горцев в Турцию, образовался огромный массив свободных земель, что способствовало дальнейшему расширению восточнославянской колонизации этого региона [16, л.1].

При закреплении в составе России с учетом его чрезмерной этнической пестроты и конфессиональной специфики именно такому заселению, как уже отмечалось, придавалось приоритетное значение. Предпочтение же при его организации на первых порах получали казаки и отставные военные, принимавшие участие в умиротворении Кавказа [16, л.1]. Земельные наделы предоставлялись также участникам устранения конфликтных ситуаций на иных окраинах и ветеранам различных кампаний по отстаиванию позиций России в тех или иных противостояниях с зарубежными странами [16, л.1-2]. Казачьи станицы на северокавказской окраине во второй половине XIX в. размещались преимущественно там, где

проживали когда-то племена, выселившиеся в Турцию. Горцы для этих целей вытеснению с занимаемых земель не подвергались. Свободные фонды использовались и для их хозяйственного обустройства.

В различных источниках сохранились соответствующие подтверждения. При обобщении выявленной в них информации А. Долгушин особо выделил то, что «с умиротворением Кавказа плоскостные земли... представляющие широкую возможность культуры различных растений, стали привлекать к себе как туземное, так и казачье население» [7, с.8]. Восточнославянской колонизации им отводилась лишь вспомогательная роль. Инициативами же правительства, как убедился А. Долгушин на основе выявленных фактов, она в преобладающей степени не определялась. Направленные на преодоление обособленности, они прослеживались только в период, когда было достигнуто «умиротворение Кавказа» [7, с.8-9]. В дальнейшем государственное регулирование оказалось утраченным.

Необходимость обеспечения защиты российских подданных преопределила на начальной стадии «военный» характер колонизации северокавказской окраины. Из-за нарастания стихийного притока крестьянских масс из центральной России, обезземеленных реформой 1861 г. он вскоре претерпел изменение [14, л. 2-3]. Заселение стало происходить преимущественно стихийно. Определяющую роль в нем так же, как и на других окраинах, играла в последующие десятилетия народная инициатива. Разрабатывался тогда же правительственный проект переселения на Кавказ с предоставлением больших льгот «турецких христиан» (некрасовцев, болгар, черногорцев, армян, греков и др.) из Османской империи [11, с.44]. Для его реализации образуется специальный Комитет, которому придавались организационные полномочия [11, с.44].

С конца 1861 г. им была развернута широкая агитационная деятельность. В случае успеха предполагалось из «турецких христиан» создать дополнительный демографический барьер в противостоянии с Османской империей, активно формировавшей из единоверных мусульман, выходцев с Кавказа, «ударную силу» против России. Но переселение «турецких христиан» в ее пределы оказалось не столь массовым, как предусматривалось первоначально [3, с. 144], и реализация проекта, в отличие от турецкого, вскоре прекращается. Официальное отношение к нему изменилось. Возобладали представления, что предпочтительнее сохранить «турецких христиан» на традиционных этнических территориях и не допускать массового с них выселения, так как это приведет к геополитическим последствиям не в интересах России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулвахабова Б.Б.-А. Терские – гребенские казаки и их соседи в XVIII–XIX вв. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа–XI. Материалы региональной научно-практической

- конференции. Пятигорск, 26.04.2019 г. Пятигорск, 2019.
2. Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011.
 3. Гальцев В.С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. // ИСОНИИ. Т. 18. Орджоникидзе, 1956.
 4. Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Гапунова М.Ш. Исторический опыт русско-горского взаимодействия в период складывания терско-гребенского казачества // ВАНЧР. 2018. № 4 (41).
 5. Гарунова Н.Н., Иманахмедова З.Г. Формирование грузинской диаспоры в низовьях Терека в контексте переселенческой политики России на Северо-Восточном Кавказе (XVIII – первая половина XIX вв.) // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – XI. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 26 апреля 2019 г. Пятигорск, 2019.
 6. Головлев А.А. Этно-конфессиональный состав Терского казачьего войска (вт.пол. XIX-го – нач. XX-го в.) // РР. 2017. № 3(21). URL: <https://regravitie.etno-konfessionalnyi-sostav-terskogo-kazachego-vojska-vtoraya-polovina-19-go-nachalo-20-go-v/> (дата обращения 27. 10. 2018).
 7. Долгушин А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России // Терский календарь на 1907 г. Вып. 16. Прибавление. Владикавказ, 1907.
 8. Ибрагимова З.Х. Деятельность М.Т. Лорис-Меликова на Кавказе (2-я половина XIX века) // ИВУЗ СКРОН. 2010. № 3.
 9. Колосовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М., 2015.
 10. Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967.
 11. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов н/Д., 1990.
 12. Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры: научный альманах. Вып. 1. М., 1994.
 13. Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма. (Социально-экономический очерк). Нальчик, 1965.
 14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.400. Оп.1. Д.1277.
 15. Тхамокова И.Х. Межэтнические контакты и их влияние на традиционно-бытовую культуру русского населения Кабардино-Балкарии // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Южнороссийское обозрение. Вып. 10. Ростов н/Д., 2002.
 16. Центральный исторический архив Грузии. Ф.12. Оп.11. Д.40.
 17. Щербина Ф.А. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1-2. Екатеринбург, 1910-1913 (Репринт.)

К.Ю. Рахно (Опоиное, Украина)

ТОПОР БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО В УКРАИНСКОЙ ЛЕГЕНДЕ: СТЕПНЫЕ ИСТОКИ ОБРАЗА

В культуре украинского казачества важное место занимал культ холодного оружия, прежде всего сабли, которой, в соответствии с древними религиозными нормами, часто оказывали поклонение, подобно древним скифам, сарматам и аланам. Сохранились этнографические свидетельства поклонения сабле в среде потомков слободских и запорожских казаков, которое находит характерные параллели у осетин [19]. Тем не менее, в фольклоре украинцев, особенно западных, наряду с саблей и мечом, фигурирует топор, секира как священное оружие.

В частности, на Холмщине, где, несмотря на расстояния, казаки занимали важное место в фольклорной прозе и даже отождествлялись порой, как и на юге Украины, с богатырями-змееборцами [23, с.258-259], бытовало древнее предание о некоей секире, боевом топоре, наделяющем властью и силой, дарующем воинские победы, который принадлежал украинскому гетману Богдану-Зиновию Хмельницкому и был им утрачен при отступлении казаков на восток. Топор погрузился в землю. Когда его найдёт достойный человек, истинный украинец, то освободит Холмщину от польского гнёта, и она снова войдёт в состав Украины. Это предание довелось слышать публицисту Роману Рахманному (Олейнику):

«На руїнах нищеної польськими шовіністами української православної церкви на Холмщині влітку 1938 року місцевий селянин розказував мені про ту сокиру, «воєнний топір великого Богдана», що «запався в землю» тоді, коли українські козацькі війська почали відступ на схід, за річку Случ. «Колісь ця сокира вирине з-під землі на поверхню; якщо її знайде щирий українець, той відвоює право Холмської землі далі належати до української батьківщини-держави», – розказував той селянин давній переказ» [18, с.228].

Здесь примечательны не только память о Богдане Хмельницком и его государственных идеях, предусматривавших вхождение Холма, равно как и Львова и Галича, в Украинскую казацкую державу, но и сохранённость определённых воинских мифологем, куда более старших, чем Гетманщина. Они восходят к дославянскому кочевому населению степи, ираноязычным племенам. Прежде всего, это сама персонификация власти, военного могущества и победы в секире.

О магическом значении этого древнего вида оружия у степных кочевников Северного Причерноморья известно, прежде всего, из античных источников. В скифском предании Геродота (IV.5) упоминается золотая секира, упавшая с неба в числе прочих даров:

«По рассказам скифов, народ их – моложе всех. А произошел он таким

образом. Первым жителем этой ещё необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения). Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший – Колаксаис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша» [3, с.188].

Исследователи скифской мифологии давно пришли к выводу, что символика перечисленных в легенде предметов отражает традиционное для индоиранских народов трёхчастное социальное членение, причём плуг с ярмом являются символом общинников (земледельцев и скотоводов, то есть непосредственных производителей), секира – военной аристократии, а чаша – жречества. В социальном аспекте секира в системе священных скифских атрибутов соответствовала именно воинам. Это ни в коем случае не было хозяйственное орудие. Ритуальные топоры, которые тракуются обычно как регалии определенного социального ранга, широко представлены в скифских комплексах. Заслуживает внимания наличие на ряде экземпляров таких топориков соляных эмблем. Как отмечал уже Жорж Дюмезиль, секира и чаша скифской легенды могут быть сопоставлены с атрибутами кшатры и брахмы, то есть военной и жреческой функций, в древнеиндийской традиции. Золотая секира, как уже неоднократно отмечалось, – символ и атрибут мифического первого царя скифов Колаксия и ведущей от него происхождения сословно-кастовой группы военной аристократии. Согласно представлениям скифов, царь, принадлежа к одному из трёх сословий, а именно воинскому, являлся хранителем священных атрибутов, символизирующих все три социальные категории (плуга с ярмом, секиры, чаши) [9, с.132-137;17, с.89,94,128,198,293,380; 21, с.43;]. Предполагают, что в Украине скифский символ золотой секиры сохранился до наших дней в виде позолоченных топориков – гуцульских барток, бойковских балт и лемковских брэнкачей [11, с.90]. Кроме того, по мнению этнографов, все три святыни скифов – плуг, чаша и топор – были отражены в карпатских обрядах рождественского сочельника [16, с.32].

В славянском фольклоре ниспадение таких чудесных предметов было связано с сюжетом об открывающихся в праздничную ночь небесах. Так, словенцы Восточной Штирии в Страстной четверг по полям искали «*taranbalto*» – волшебный топор, который (как громовая стрела) падает на землю во время грозы, глубоко уходит в землю и появляется на поверхности сам по себе лишь через семь лет, в Страстной четверг. Тот, кто его найдёт, будет счастлив. Если найти такой топор и положить его под стреху, молния никогда не ударит в дом, а коровы будут давать больше молока [24, с.162]. Данное поверье частично переключается с представлением о том, что секира Богдана Хмельницкого должна сама выйти из земли на поверхность и принесёт небывалое политическое могущество тому, кто её найдёт. В Штирии же было известно о золотых вещах, падающих на зем-

лю с солнца в Юрьев день. Среди них были золотая солнечная чаша, приносящая обильное благословение дому того, кому посчастливилось её найти, чудесное зеркальце, посмотрев в которое человек видел всё, что делается на свете, и многое другое [24, с.267-268; 25, с.222;]. Эти архаичные словенские верования во многом созвучны скифскому мифу Геродота, что, вероятно, указывает на их субстратное иранское происхождение, как и в случае с украинским преданием с Холмщины.

К тому же, здесь можно усмотреть близость указанного предания к ещё одному важному мифологическому сюжету причерноморских степей, восходящему к скифскому этническому компоненту, – о мече бога войны Арея, которому поклонялись скифы, а затем аланы, его утрате и обретении. Готский хронист Иордан (183) со слов византийского дипломата Приска Панийского повествует о знаменитом вожде гуннов Аттиле следующее: «Хотя он по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нём ещё от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. ...Меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух... заметил, что одна тёлка из его стада хромает, но не находил причины её ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах» [10, с.102]. Сам Приск, лично знавший гуннского верховного правителя, в уцелевшей части своего труда сообщает: «Покорив мидов, парфов и персов, Аттила свергнет с себя имя и достоинство, которым римляне думали почтить его, и принудит их, вместо полководца, называть себя царем; ибо он сказал уже, во гневе своём, что полководцы царя – его рабы, а его полководцы равны царствующим над римлянами, что настоящее его могущество распространится в скором времени ещё более, и что это знаменует ему Бог, явивший меч Марсов, который у скифских царей почитается священным. Сей меч уважается ими, как посвящённый Богу войны, и в древние времена он исчез, а теперь был случайно открыт быком» [7, с.66].

Вне зависимости от дискуссии об этнической природе гуннов нужно отметить, что учёные провели убедительные параллели между сообщениями Приска и Иордана о находке меча скифского бога войны Арея, служившего объектом религиозного почитания, и осетинскими фамильными преданиями о священных мечах, которым тот или иной род поклонялся как своей святыне, а также обстоятельствах обнаружения небесной руды, из которой их выковали [5, с.7; 6, с.218-234]. Но здесь, в то же время, много схожего с вышеупомянутым западноукраинским преданием, которое носит эсхатологический и сотериологический оттенок. Меч, лежавший довольно глубоко в земле со времени крушения скифского царства, объявившись, дарует неограниченную власть и бесконечные победы. Этот чудодейственный предмет имеет сугубо царское назначение, и обла-

дателью меча предвещено благо, но оно доступно только для самих скифов [9, с.62]. Отличие заключается лишь в том, что утраченный меч скифских царей уже найден и вручен их правопреемнику, а вот секиру гетмана казавов только предстоит отыскать, когда она выйдет из земли.

Прослеживается, помимо этого, сходство между ритуальным употреблением топора у западных украинцев и меча у древних скифов. В частности, именно на топоре карпатские разбойники-опрышки присягали на верность своим предводителям и братству. Текст их присяги был близок к киеворусской воинской клятве на мече и точно так же содержал идею смерти от данного оружия в случае клятвopеступления [2, с.158; 22, с.117]. Геродот (IV, 70) сообщает, что скифы при побратимстве применяли меч, стрелы, секиру и копье, тоже произнося «длинные заклинания» [3, с.204]. Но, по Лукиану (Токсарид, или Дружба. 37), для этого было достаточно одного лишь меча [12, с.204]. Это обстоятельство отражало восприятие меча как более индивидуализированного оружия, которое помогало установить новый тип межличностных отношений [1, с.11-12].

Даже важный для восходящего к скифо-сарматским временам нартовского эпоса мотив приказа умирающего нарта Батраза (а в предании – расстающегося с миром бога воинов Уасгерги) выбросить его меч (шашку) в море, который роднит осетинские сказания с артуровской традицией [4, с.6-7,15-17,19-20; 8, с. 217; 9,с. 66-70; 14, с.314; 15, с.496], находит полное соответствие в гуцульских песнях-хрониках о том, как благородный разбойник Олекса Довбуш при кончине приказывает выбросить в Дунай свой золотой боевой топор [13, с.51,65; 20, с.86,91; 22, с.150]. Надо понимать, что без этого он, как и Батраз или король Артур, просто не может умереть. Топор, следовательно, исполнял все те же мифоритуальные функции, что и меч у древних ираноязычных обитателей степи.

Таким образом, предание украинцев Холмщины об утерянной реликвии гетмана Богдана Хмельницкого – секире, приносящей власть и победы в войнах, которая ещё должна выйти из земли и найти себе нового достойного владельца, сберегло мифологический мотив, гораздо более древний, чем бурная эпоха Хмельнитчины. Он перекликается с легендами народов Северного Причерноморья об обнаружении священного меча Арея, зафиксированными в V–VI вв. Приском Панийским и Иорданом, и восходит к культу холодного оружия у военного сословия скифов, сарматов и аланов. Этот культ, унаследованный позднейшим населением, распространялся у индоиранских народов не только на обожеcтвлённый меч, но и на боевой топор – столь же почитаемое и обременённое символической нагрузкой оружие воинов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонова С.С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов: Сборник научных трудов. К., 1984. С. 3-21.
2. Вінценз С. На високій полонині (Правда старовіку). Львів, 1997.
3. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
4. Грисвар Ж. Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура. Владикавказ, 2003. С. 6-81.
5. Дарчиев А.В. О военном культе аланов // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2017. Вып. 24 (63). С. 5-17.
6. Дарчиев А.В. Рождение громовержца. К интерпретации сообщения Приска о священном мече скифов // Дарьял. 2005. № 2. С. 218-239.
7. Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского // УЗ ВОИАН. СПб., 1861. Кн. VIII. Вып. 1. С. 1-112.
8. Дзицойты Ю.А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.
9. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.
10. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступ.ст., пер., ком. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
11. Каляндрук Т. Таємниці бойових мистецтв України. Львів, 2007.
12. Лукиан Самосатский. Сочинения / Под ред. А.И. Зайцева. Т.1. СПб., 2001.
13. Народ про Довбуша: збірник фольклорних творів / Упорядкування, вступна стаття і примітки В.І. Тищенко. К., 1965.
14. Нарты. Осетинский героический эпос / Сост. Т.А. Хамицаева и А.Х. Бязыров. Кн. 2. М., 1989.
15. Осетинские народные сказки / Запись текстов, пер., пред. и прим. Г.А. Дзагурова. М., 1973.
16. Пушик С. Дараби плывуть у легенду: Повість, есе, оповіді. К., 1990.
17. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006.
18. Рахманный Р. Роздуми про Україну: вибрані есеї та статті 1945-1990. К., 1997.
19. Рахно К.Ю. Культ холодного оружия у украинских казаков и его осетинские параллели // ИСОИГСИ. ШМУ. Владикавказ, 2018. Вып. 19. С.126-135.
20. Співанки-хроніки (новини) / Упорядкували О.І. Дей, С.Й. Грица. К., 1972.
21. Хазанов А.М. Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
22. Ходили опришки: Збірник / Передмова, упорядкування, примітки та словник І.М. Сенька. Ужгород, 1983.
23. Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 34. Chełmskie. Cz.II. Wrocław-Poznań, 1964.
24. Kuret N. Praznično leto Slovencev: starosvetne šege in navade od pomladi do zime. Prvi del. Pomlad. Celje, 1965.
25. Möderndorfer V. Verovanja, uvere in običaji Slovencev (narodopisno gradivo). Knjiga 2, Prazniki. Celje, 1948.

А.В. Яровой (Зерноград)

**ВОЕННАЯ ИГРА ДЕТЕЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ
СТАРОЧЕРКАССКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННОГО
ИСКУССТВА ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА (ПО ЗАПИСКАМ
А.А.МАРТЫНОВА)**

Проблема существования военных игр и состязаний в культуре донских казаков, поставленная нами в прошлых работах, предполагала исследование и интерпретацию сохранившихся описаний данного явления. Опираясь на труды и работы В.Д. Сухорукова, К.К. Абазы, В.Б. Броневского, П.Н. Краснова, Б.Н. Проценко, А.В. Черной нами была представлена общая структура игры, отмечена ее связь с военными обрядами и обычаями донцов [1, с.11-18]. Настоящая работа продолжает изыскания связанные с детской военной игрой в окрестностях Старочеркасска, это связана с использованием новых источников первой четверти XIX в., которые были известны специалистам, но в нашем случае содержат детализацию этой игры относящейся ко второй половине XVIII в.

Одним из интересных источников для рассмотрения военных игр донцов, является записка известного краеведа и археолога, полковника А.А. Мартынова, которую он составил в декабре 1824 г. [2, л.5,17] в ответ на просьбу войскового атамана А. Иловайского [2, л.2-3]. Записка составлялась по специально подготовленному плану и предназначалась для использования в историческом и статистическом описании земли Войска Донского, над которым трудился Комитет об устройстве Войска Донского под руководством генерал-майора и кавалера Богдановича 1-го, о чем Мартынова уведомлял в письме войсковой Иловайский [2, л.13]. Известно, что этот план являлся частью собрания «сведений об известнейших фамилиях войска Донского, представители которых прославили себя в войнах XVIII столетия, с описанием их частной жизни и старинных увеселений на Дону» [3, с.155-159].

Сбором сведений занимался В.Д.Сухоруков, который в 1824 г. опубликовал в «Русской старине» А. Карниловича статью «Общежитие Донских казаков в XVII и XVIII столетиях» [4, с.173-242]. При сравнении текста Мартынова и Сухорукова видно, что последний не использовал записи Алексея Андреевича. Более того, судя по дате разрешения к печати журнала «Русская старина, которую подписал цензор Александр Бируков, которая значится 9.08.1824 г., Сухоруков не мог тогда ознакомиться с запиской Мартынова, который письмо Иловайского получил летом 1824 г., а ответ подготовил в декабре того же года. Совпадение основных статей записки и «Общежития...» объясняется общим планом, представленным в

письме Иловайского, который, видимо, был составлен Сухоруковым для разных информаторов.

Записка Мартынова состоит из двух частей, которые являются ответами на два письма Иловайского, содержащие составленные для этого случая два плана, пунктов которого должен был придерживаться составитель записок. Первая часть, составленная для исторического описания земли Войска Донского, касается происхождения рода Мартыновых, обычаев частной жизни знатных фамилий [3, л.4-4об]. Эта часть была опубликована В.Н. Королевым в 1995 г. в сборнике посвященном генеалогии и семейной истории донского казачества [5, с.26-31], при этом в публикации встречаются опечатки, например, неправильно назван фонд хранения документа [5, с.26].

Вторая часть, составленная для Статистического описания земли Войска Донского, состоит из четырех статей посвященных старинным увеселениям в Войске Донском. Четвертая, интересующая нас, статья посвящена увеселениям военным. Согласно рекомендованному плану здесь следовало изложить: 1) военные игры детей, которые «разделясь на партии с бумажными знаменами занимают около городского палисадника лагерь и представляют две сражающиеся армии; 2) собрание молодых людей для стрельбы из ружей и луков; 3) смотры атамана по Войску малолетков, скачка, маневры; 4) масленичные пиршества в станицах, совокупно всех вообще жителей со знаменами. Атаманы пиршества. Скачки» [2, л.16об.].

Составленная Мартыновым записка основана, как замечает сам автор, на преданиях существовавших в то время на Дону, и на данных, полученных автором в результате переписки с другими лицами [2, л.17]. Интересно, как Мартынов поясняет время бытования указанных увеселений в водной части записки: «приступая к описанию пунктов всего нужного как по сей, так и по следующим статьям и содержащимся в них пунктам имею объяснить: что время взятое мною к изъяснению не может касаться выше 1750 г. по полным известиям, дальнейшее же по преданиям ко времени начинания от 1780 годов, описание будет такая известность коя очевидная всякому и я к оной не приступа» [2, л.18]. Также, автор пишет, что записка «касается людей среднего состояния, которых жизнь указательно означает характер народа вообще, включая особливых статей до высшей степени обывателей Дона касающихся» [2, л.18]. Отметим, что записка претерпела исправления, внесенные другим почерком, возможно автор обращался к ней в более позднее время, возможно исправления были внесены кем-то другим, здесь следует придерживаться мнения В.Н. Королева, который считал, что установить это сможет экспертиза [5, с.26]. В цитировании документа мы выделим изменения полужирным курсивом, и оставим зачеркнутые места, курсивом выделены наши пояснения значения слов.

Начиная свое описание военной игры детей, Мартынов приводит описание обряда «сажения на коня», бытовавшего в указанное им время. Этому действию автор придает мотивационный характер, который по его

мнению толкал детей на проведение данной игры. Он пишет: «При рождении еще младенца мужского пола отец поздравляет деда (*зачеркнуто, исправлено - старших семейства*), говоря: поздравляю вас батюшка (*зачеркнуто*), мне Бог дал сына, Государю слугу, и Войску Донскому казака. За тем созывались народины, а на другой день делали крестины. Восприемник [*крестный отец*], см. 6, с.251] и прочие мужчины приносили новорожденному стрелы, луки, конские уборы, седла, а иногда и лошадей приводили. Ко возрасту оных лет (**с 10 как менее**), отец мальчика припрашивал [2, л.34 об-35; *приглашал кланяясь*], см. 7, с.436] восприемника и делал для него обед пред которым **по** выпитии водки, подводился к дому оседланный конь, мальчика снаряжали во все воинское оружие и помолясь Богу, выводили во двор с хлебом солью, сажали на лошадь, давали дротик в руки и постригали **ножницами** в кружок по-казацки; затем (*зачеркнуто а*) по проезде его несколько, хотя с помощью других снимали его с лошади, вводили в дом и выпивали за его здоровье по чарке водки, садились за обед и пировали, делая ему наставления, служить верно царю и отечеству, не покидать Тихого Дона» [2, л.35]. Описание данного обряда дается совместно с обрядом постригов, как единое целое. Обращает на себя внимание возраст иницируемого отмеченный другим почерком на полях документа «с 10 как менее», видимо ставящий определенную границу проведению обряда «посаждения на коня», а также то, что в руки мальчику дают дротик, а не широко представленное в источниках холодное оружие (саблю или шашку). При этом пожелания приглашенных гостей звучащие во время поздравления, по мысли Мартынова, являлись мотивацией для дальнейшего военного воспитания. Так, он писал: «**Взрасшие** сими мыслями (*зачеркнуто*) **внушениями** мальчики по открытию весны и во все теплое время года, собирались большими партиями по предпринятым сношениям, а иногда одна половина города, делала сборище одно, а другая другое, заключали как бы союз из нескольких станиц» [2, л.35]. Указание на то, что время начала игр совпадает с началом весны и продолжается во все теплое время года, предполагает разделение этих игр на праздничные и бытовые, возможно, первые предполагали деление города на две части, а вторые происходили спонтанно, между разными станицами городами.

Мартынов уделяет внимание подготовке к игре, которая происходила под наблюдением выбранных «начальников», и включала в себя изготовление знамен, сабель, кинжалов, вооружения и лошадей. Интересная поправка была внесена в текст, где слово начальник заменялось словом атаман, а вот есаулы зачеркивались. Связано ли это с изменениями, произошедшими в функциональности есаулов, которых в XVII в. выбирали на весенних съездах юртов [8, с.73], доподлинно не известно.

«Каждая партия назначала себе начальника (т.е. **атамана**), есаулов (*зачеркнуто*), и прочих чиновников, под надзором коих делались бумаж-

ные знамена, камышовые (тростниковые) ружья, и пистолеты, кои довольно громко производили посредством машинки [...] удар одной половины о другую, сабли и кинжалы из дерева, бумажные шапки и патроны, и наконец, из тонких древесных хлыстов лошадей, приправляя их сгибанием голову и уши» [2, л.35-35об].

Закончив приготовление, начальник армии проводил учения, которые напоминали экзерции казачьих полков перед походом. Поход также происходил в подражании взрослым казакам: с развернутыми знаменами, с песенниками впереди, с высылаемыми разведывательными разъездами.

«Начальник по времени делал смотр и когда все находил готовым, то назначал поход. А потому собравших (зачеркнуто) **(собравшись)** всем, даже [...] на целой день, начинали поход построясь в роде полка, с сельниками и распушенными знаменами впереди, вперед отряжали команду для занятия лагерного места. А другую впереди ее для узнания неприятеля» [2, л.36об].

Поход заканчивался в специально сделанном камышом лагере, который, как указывали более поздние авторы, дети строили сами [9, с.24]. Нахождение в лагере Мартынов также описывает с присущей ему военной скрупулезностью, отмечая интересные подробности.

«Пришед на лагерное место находившееся всегда **или** у палисада города **или вдали от оног** останавливались, ставили знамена, как водится в козлы, и учреждали при них часового, потом становили пикеты, а затем отводили коней на козлы, приставляя и к ним караул, затем наказывали примерно провинившихся. При таком стоянии лагерем делали иногда фальшивые тревоги, разбирали лошадей, вооружались, отправляли партии, кои иногда были разбиваемы, о чем как следует, доносили как и от чего потери. А иногда сии партии одерживали победу, приводили пленных и привозили добычу и за все сие награждались от начальствующего повышением» [2, л.35об]. Описание бивуачной жизни напоминает ведение боевых действий казаками в составе русской регулярной армии XVIII в. Здесь и наказание провинившихся за службу, и стычки мелких партий, так называемой «летучей войны», чем были сильны казачьи отряды и повышение по службе за доставленные трофеи и пленных.

Кульминация игры наступала во время генерального сражения, при котором «маневрировали толпы мальчиков, заводя противную партию в засады или стараясь схватить удобный случай для нечаянного нападения» [8, с.279].

А.А. Мартынов описывает генеральное сражение так: «Вдруг иногда рапортовалось, что весь неприятель идет, а потому и противная сторона выступала из лагеря оставляя излишние тяготы, и по приходе к неприятелю охотники или наездники съезжались друг с другом и партиями делали примерный бой, падая как бы раненые, и отдавались в плен. А затем начиналось генеральное сражение и по громогласном гиканьи казачьем, нападали, кололи, брали в плен и к вечеру расходились. Победоносная сторона с песнями, а другая в унынии» [2, л.35об-36].

Итог игры определялся заранее сделанным уговором. «Одержанье победы делалось по уговору и уговорения сторона принимала на себя быть побежденной, но все сие делалось с большой серьезностью. В праздничные дни даже отцы выходили за город посмотреть игры детей, и когда (что иногда и) нужно было, потому что в нечаянности, иной упав разбивал нос другому, выкалывали глаз или вывихивали какой-нибудь член, но родители только присматривали, не делая следствия и взыскания» [2, л.36].

В заключении Мартынов приводит интересную подробность, относящуюся, по-видимому, к играм проводимым не в праздничное, а в бытовое время, которые не наблюдались взрослыми, но отчетливо сохраняли в подрастающем поколении не только умение вести степную войну, но и навыки ведения войны речной, в прошлом морской. Так, он пишет: «Иногда таковые военные предприятия чинились малыми суденцами, называемые каюками, в которых все вооружение отправлялось вдоль реки Дона или через оную. А произведя все на выбранном месте маневры прежде описанные возвращались домой» [2, л.36].

Таким образом, мы рассмотрели детскую военную игру, проводимую мальчиками казачьих станиц в окрестностях Города (Старочеркасска). Выделили их бытовой и праздничный характер, уточнили структуру игр, материальное и организационное оснащение. Структура военной игры, проводимой в праздничные дни, содержит сражение двух армий, которое имеет календарный характер. Детализация позволяет выделить и элементы военного искусства, которые закреплялись в обрядовых и игровых механизмах: подготовка к сражению, построение и организация лагеря, организация похода, разъезды, неожиданные нападения, разведка и поиски неприятеля, организация генерального сражения и проч.

Изучение подобных игр в культуре донских казаков, позволяют нам определять функционирование механизмов трансляции военного опыта, влияние на них элементов обрядового характера.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Яровой А.В. «Главною пружиною их деяний служат бранноостные воинственные упражнения»: военная игра XVIII в. в окрестностях Старочеркасска // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VIII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 17-18 мая 2019 г.). Ростов н/Д., 2019.
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 697. Оп.2. Д.70.
3. Попов Х.И.. История составления «Исторического и статистического описания земли Войска Донского» // Донской временник. Год 2004-й. Ростов н/Д., 2005. Вып. 12. С. 155-159.
4. Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столети-

- ях // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 г. СПб., 1824.
5. Королев В.Н. Родословная фамилии Мартыновых // Королев В.Н., Корягин С.В. Мартыновы, Бобриковы и другие. М., 1999 (Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 5)]
 6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Репр. воспроизв. изд. 1912-1914. М. : Цитадель, Т.1. 1998.
 7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Репр. воспроизв. изд. 1912-1914. М. : Цитадель, Т.4. 1998.
 8. Служба донских казаков XVII: материалы по истории и генеалогии казачества / Авт-сост. В.А. Гусев. Волгоград, 2015. Вып.5.
 9. Абаза К.К. Казаки: Донцы, уральцы, кубанцы, терцы: Очерки из истории и стародавнего казацкого быта. СПб., 1890.

Е.Д. Подвальнов (Ростов-на-Дону)

БАТАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ НА ИКОНАХ СЮЖЕТА «БИТВА НОВГОРОДЦЕВ С СУЗДАЛЬЦАМИ» XV – НАЧ. XVIII ВВ.

Как известно, русские изографы следовали православным иконописным канонам, которые прописывались в особых регламентирующих документах – текстовых и лицевых подлинниках [5, с.58]. Однако, если проанализировать последние, то окажется, что в них не содержится равным счетом никакой информации о том, как конкретно рисовать оружие. Предметы вооружения, как правило, только упоминаются, с обозначением у кого, в каком иконописном сюжете и какое оружие должно быть [7; 16, с.10,16; 17]. Также изографические пособия включали описания изображений далеко не всех сюжетов. Примечательно, что это во многом касается «изобретенных» на Руси сюжетов, для которых свои, особенные каноны не были выработаны. Безусловно, что художники при этом соблюдали общие правила в изображении деталей, одежд, распространенных в иконописи, в построении композиции и в использовании цветов.

Отсутствие описаний, как конкретно предметы вооружения должны выглядеть, означает, что в этом конкретном случае изографы были вправе рисовать оружие согласно своим представлениям. Последние, в свою очередь, складывались посредством восприятия синхронных по времени воинских атрибутов. И в таком случае имеется уникальная возможность проследить развитие военного дела, исходя из отображений в иконописных материалах. В данной работе хотелось бы обратить внимание на конкретный пример – на развитие батальных сцен в изографиче-

ском сюжете «Битва новгородцев с суздальцами». Всего для анализа отобрано девять икон: 3 – XV в. (новгородской школы), 2 – XVI в., 3 – XVII в., 1 – нач. XVIII в.

Как правило, под батальным жанром понимают направление, которое посвящено темам войны, воинского быта и служения. Стоит сказать, что в контексте изучения икон следует более детально прописать ту категорию изображений, которая подходит к анализу. Это, в первую очередь, нарисованные сражения. А также воинские сцены и марши, в которых возможно различить оружие, поскольку именно оно нас интересует в первую очередь. Не включались в анализ рисунки походов, в которых изображена неизменная для средневековых икон конница, вооруженная исключительно копьями (и, зачастую, только на фоне). Это художественный прием, характерный не только для икон, но и для миниатюр, целью которого являлось показать «многочисленность» войска.

Самые ранние интересующие нас иконы сюжета «Битва новгородцев с суздальцами»: из Новгородского музея (далее – НМ – *Е.П.*) сер. XV в., Государственной Третьяковской галереи (далее – ГТГ – *Е.П.*) конца XV в., Государственного Русского музея (далее – ГРМ – *Е.П.*) рубежа XV–XVI вв. [6, с.68, илл. 49; 18, с.83-86,100-101,53-154,217-220,229-230, кат.№12,18, илл. с.85,9,423,430] Везде в третьем регистре бой представлен конной копейной сшибкой. Причем копьа на иконе из НМ нарисованы достаточно длинными (3,5-4 м) [14, с.68-77], что нетипично для русской средневековой иконографии. Еще по ряду особенностей рисунка (шлемы типа бацинет, хваты щита [3, с.171,180; 12, с.694-695; 13, с.29-35]) можно говорить о том, что художник данной иконы непосредственно обращался к реалиям новгородского военного дела. На изображении из ГРМ тоже нарисованы «длинные» копьа, но в данном случае художник мог просто подражать первой иконе сюжета.

Также на втором регистре этих трех икон нарисованы лучники-суздальцы, которые упоминаются в письменных источниках знаменского цикла, что легли в основу иконописного сюжета [1, с. 9]. Также касается и аналогичных рисунков с клейм. То есть это не отображения реалий военного дела, а дословное следование описанию в нарративах. Остальное оружие при этом в письменных источниках не упоминается. Единственно важно для нас уточнить, какие были суздальские лучники – пешие или конные. В данном случае на трех вышеназванных иконах они конные.

На иконах из НМ и ГРМ также нарисован Александр Невский. Он вооружен саблей, ее же в руках держит и архистратиг Михаил, что нарисован над новгородским «христолюбивым воинством». Надо понимать, что данный иконописный сюжет, описывающий чудо от иконы Богоматери Знамение в битве 1170 г. под Новгородом, не привнесен извне. Он создан на Руси предположительно во втор. четв. XV в. И тот факт, что сабля нарисована у князя Александра Невского и архангела, указывает на

то, что она имела статус значимого и глубоко символического оружия.

Следует сделать поправку на то, что иконы из НМ, ГРМ и ГТГ относятся к новгородской художественной школе и созданы в то время, когда существовала разница в комплексе вооружения между Северо-Западом и Северо-Востоком Руси. Это означает, что на иконах отображены не только характерные для этой местности и времени иконографические изводы, но и военные реалии только Новгорода и Пскова.

Любопытно при всем этом отметить, что в подлинниках ограничен круг упоминаемого, канонического вооружения. И сабля не входит в эту категорию [7; 16, с.10,16; 17]. Нам известно, что в период массового отображения сабель на иконах в реальности шло «овосточивание» вооружения и тактики русских войск. Данное явление в историографии обозначено, как ориентализация военного дела [9, с. 227]. Для последней характерен процесс смены мечей на сабли. Ориентализация прочно вошла в лексический арсенал специалистов-оружиеведов и историков военного дела, поэтому считаем оправданным нарисованные на иконах сабли рассматривать как художественные «ориентализмы» – иконографические проявления общей тенденции «овосточивания» русского воинского искусства того времени.

Можно также выдвинуть гипотезу, что изограф не видел разницы между мечом и саблей, и последняя подразумевалась как меч. Однако это не объяснило бы, почему сабля массово появляется на иконах именно в XV в. Более обоснованной видится версия, что художник все же отражал из необходимости реалии военного дела.

Отличие от трех ранних икон характер битвы суздальцев с новгородцами меняется на изображениях следующих периодов. Так, на прориси XVI в., состоящей из двух регистров, сражение, нарисованное на втором ярусе, уже представлено сабельной схваткой (если, опять же, не учитывать луки); то есть уже отсутствуют конные копейщики, а копьа заменены саблями [10, с.408, рис.260]. Суздальские лучники отображены конными. Практически аналогично сцена боя нарисована на втором регистре иконы «Битва новгородцев с суздальцами» перв. пол. XVI в. из собрания Т.А. Мавриной [2, с.211]. Точно также отображены конные лучники. На этих двух рисунках исключениями выступают только князья Борис и Глеб, которые на всех иконах XV-XVI вв. этого сюжета атакуют суздальцев копьями.

Икона Богоматерь Знамение с чудесами последней четверти XVII в. из Государственного исторического музея [4, с.193, №23]. Нас интересуют следующие клейма:

1 (сражение новгородцев и суздальцев на Белозере в двинской земле) – сабельно-копейный бой всадников;

12 (обмен послами, начало битвы) – пешие новгородцы с саблями бьются с конными суздальцами, вооруженными также саблями и копьями;

13 (сама битва новгородцев с суздальцами) – осаждающие город всадники стреляют из луков, новгородцы отвечают стрелами и камнями;

15 (гнев Господень, «ослепление» суздальцев и помешательство в их рядах) – бой конников с саблями (мечами?) и копьями;

16 (поражение осаждавших: чудо Пресвятой Богородицы и св. Иоанна Новгородского) – новгородская кавалерия преследует суздальскую, добывая «низовцев» копьями и саблями.

Во всех военных сценах пешие и конные воины полностью одоспешенные. В ряде изображений различаются части пластинчатого доспеха. А также в 15 и 16 клеймах, вероятно, художником были нарисованы полные латные доспехи.

Рама иконы «Богоматерь Знамени» 1680-х гг. церкви Илии Пророка из Ярославля [11, с.37-38]. Изображения до нас дошли в плохой сохранности. Клейма:

17 (битва новгородцев с суздальцами) – обстрел Новгорода пешими лучниками. Заметим, что во всех более ранних иконах стрелки конные;

18 клеймо (чудо иконы и преследование новгородцами суздальцами) – преимущественно пешие новгородцы с алебардами (бердышами, секирами?) гонят суздальцев.

В 32 клеймах икона Богоматерь с Младенцем на престоле 1680-х гг. из Ярославского художественного музея [8, с.214-253]. В 21 клейме (чудо от иконы Богоматери Знамение в битве новгородцев с суздальцами), несмотря на плохую сохранность, можно отметить конных суздальских лучников.

Богоматерь Знамение с изображением битвы новгородцев с суздальцами пер. четв. XVIII в. (периода Северной войны) из музея-заповедника «Коломенское» [15, с.228-229]. Икона «стилизованна» под картину. Отметим интересное нас клейма:

11 (суздальцы пускают в икону стрелы «яко дождь»; обливаясь кровавыми слезами, икона отворачивается от осаждающих) – перестрелка пеших суздальцев с новгородцами на стенах, с городских укреплений, предположительно, ведет огонь артиллерия;

12 (владыка Иоанн снимает с себя облачение и собирает в него слезы Богоматери; суздальцы же «начата друг друга сеши и на смерть предавати») – аналогичная сцена боя, как на 11 клейме;

13 (битва под стенами города) – схватка воинов с саблями, шпагами (?), князь Роман в образе Петра I в соответствующем мундире;

14 (новгородцы берут суздальцев в плен) – военная сцена походит на изображение с 13 клейма.

Во главе суздальцев нарисован князь Роман, которого не было на более ранних иконах с этим сюжетом. Художник его представил как Петра Великого, в характерном для его времени мундире. Почти каждый воин вооружен саблей или шпагой, у некоторых нарисованы копыя.

Также отмечаются соответствующие кон. XVII – нач. XVIII вв. военные одежды и атрибуты.

Таким образом, даже в рамках одного «военного» иконописного сюжета «Битва новгородцев с суздальцами» можно проследить эволюцию в развитии русского воинского искусства. Изображения XV в. включают «традиционные» представления о битве, как о копейной конной сшибке. Хотя и с нарисованными «ориентализмами»-саблями у Александра Невского, архангела Михаила на иконах из НМ и ГРМ. В XVI в. конные копейщики уступают место всадникам с саблями. В XVII – нач. XVIII вв. происходят кардинальные изменения – на иконах из нового появляется пехота, включая как лучников, так и воинов ближнего боя, вооруженных различным, в т.ч. неканоничным, оружием. Отмечаются для этого времени латные доспехи, а также воинские одежды и атрибуты петровской эпохи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов И.С. «Знаменское чудо» в новгородских летописях: истоки становления культа // ДРВМ 2013. №4 (54). Декабрь, 2013. С. 5-11.
2. Алпатов М. В. Вариант иконы «Битва новгородцев с суздальцами» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1975. М., 1976. С. 208-219.
3. Быков О.В. Новгородское войско в XI–XV вв. // Канд. дисс. Великий Новгород, 2006.
4. Государственный Исторический музей: Альбом., М., 2006.
5. Евсеева Л.М. Иконописные подлинники // Православная энциклопедия. Т. 22. М, 2009.
6. Живопись древнего Новгорода и его земель XII–XVII столетий: Каталог выставки из собраний Гос. Русского музея, Гос. Третьяковской галереи [и др.]. Л., 1974.
7. Иконописный подлинник новгородской редакции по софийскому списку конца XVI века. М., 1873.
8. Иконы Семёна Спиридонова Холмогорца из собрания Ярославского художественного музея. Ярославль, 2015.
9. Курбатов О.А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч.I. Статьи. Вып.II. С.227-235.
10. Маркелов Г.В. Книга иконных образцов. В 2-х т. СПб., 2006.
11. Масленицын С.И. Ярославская иконопись. М., 1983.
12. Панкратов А. Г. К развернувшейся дискуссии после выхода статьи О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине

- XV века» // История военного дела: исследования и источники. 2017. Спец. выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. С. 678–703.
13. Панкратов А. Г. Боевые наголовья «норманнского» типа на Руси в XI–XIV вв. и некоторые технологические аспекты его изготовления // ВТД. 2016. №4. Сер. 2. С.29–35.
 14. Подвальнов Е.Д., Несин М.А., Шиндлер О.В. К вопросу о вестернизации военного дела Северо-Запада Руси // История военного дела: исследования и источники. Спец. выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV–XVII вв. Ч. II. С.60–103.
 15. Полякова О.А. Музей-заповедник «Коломенское». Шедевры русской иконописи XVI–XIX веков. М., 1999.
 16. Сахаров И. П. Исследование о русском иконописании. Кн.1. Ч.II. СПб., 1850.
 17. Сводный иконописный подлинник XVIII века (По списку Г. Филимонова). М., 1874.
 18. Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982.

А.А. Нечипорук (Ростов-на-Дону)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ РОСТОВА-НА-ДОНУ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В связи с активным строительством и благоустройством в исторической части Ростова-на-Дону возникла необходимость во всестороннем изучении некрополей, являющихся важной частью историко-культурного наследия города. Массив имеющихся письменных, изобразительных, картографических и прочих источников весьма ограничен. При этом, территории этих кладбищ в основном застроены, а сами могилы и их надгробия по большей части уничтожены. В данной ситуации основным источником информации о них являются археологические исследования.

Активизации археологических исследований исторических некрополей в определенной мере способствовало изменение законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия, в частности внесение поправок 2013 г. к Федеральному закону 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в которых введен столетний рубеж древности для археологических объектов. Поэтому все некрополи XVIII–нач. XX в. стали предметом обязательного изучения. Однако в Ростове-на-Дону, видимо, в силу инерции, этого изменения пока не произошло. Проблема усугубляется еще и тем, что далеко не все исторические кладбища города поставлены на охрану.

Специальных работ, посвященных изучению исторических некрополей Ростова-на-Дону практически нет. На сегодняшний день неизвестно даже точное количество самих кладбищ. На основании проведенных изысканий, можно утверждать, что их было не менее 15 (в исторической части города), и только лишь на территории нескольких из них проводились археологические исследования.

На плане крепости св. Дм. Ростовского и его слобод, составленном А.И. Ригельманом в 1768 г., кладбища не обозначены. Однако на нем представлены церкви, располагавшиеся как в самой крепости, так и в ее форштадтах. Как известно, кладбища традиционно возникали возле приходских церквей и храмов. Надо полагать, что в ранней истории города эти традиции соблюдались. На плане 1781 г. также отмечены лишь церкви. Первые городские кладбища отмечены на плане 1811 г., а позже, уже существующие и вновь возникшие отмечены на всех последующих городских планах.

Все известные на территории города исторические некрополи могут быть разделены на 3 типа: прицерковные, городские и захоронения вне кладбищ.

Прицерковные, соответственно, формировались у церквей и храмов, но в отличие от приходских, были очень компактными и предназначались лишь для погребения узкого круга лиц (в основном священников, знатных прихожан и жертвователей). Наличие кладбищ при церквях на городских планах не указывалось. Однако их наличие подтверждается с одной стороны устойчивой традицией, с другой - архивными и археологическими данными. Количество церквей в различные периоды ранней истории города разнится. Скорее всего, погребения, пускай даже одиночные, совершались возле всех церквей, отстроенных на территории будущего города как в ранний, крепостной период, так и в более позднее время, вплоть до современности.

Городские кладбища, в отличие от прицерковных, выносились за черту жилой застройки и располагались в основном севернее крепости св. Дм. Ростовского и его слобод (а затем и самого города), на северной стороне Генеральной балки. По мере роста и развития города, возникавшие новые кладбища выносились еще дальше, на городские выгонные земли.

К **захоронениям вне кладбищ** мы относим, прежде всего, отдельные погребения, а также массовые (братские) могилы. Данный тип исторических некрополей в городе практически не изучен и пока выделяется по большей части условно. В дальнейшем же, при проведении площадных археологических исследований, их число несомненно будет увеличиваться, однако этот процесс сложно прогнозировать.

Появление отдельных погребений, связано с тем, что ряд категорий умерших хоронили за кладбищенской оградой или же в иных местах – т.н. «заложные» покойники [7, с.39; 2, с.27]. Кроме того, согласно российско-

му законодательству того времени, вне пределов кладбищ должны были совершаться и санитарные захоронения, связанные с различными эпидемиями [1, с.17-18]. Некоторое распространение имели и гражданские придомовые семейные погребения, например в огороде или саду (чаще таким способом хоронили новорожденных некрещенных детей).

Большой объем информации для изучения городских некрополей дали археологические работы. К сожалению, в силу разного рода обстоятельств, и прежде всего поздними хронологическими рамками захоронений, не все проведенные работы были корректно выполнены и надлежащим образом оформлены, что повлекло за собой утрату ценной информации.

Далее рассмотрим те исторические некрополи, на территории которых проводились археологические исследования:

1. Кладбище при Покровском соборе. Покровская церковь, в последствии ставшая собором, была перенесена в крепость Дм. Ростовского из Аннинской крепости в 1762 г. Деревянный собор располагался в центре строящейся крепости, в квартале, ограниченном нынешними улицами Б. Садовой, Суворовской, пр. Кировским и пер. Журавлева. В 1784 г., по прошению обер-коменданта крепости С.Г. Гурьева, был построен новый, более вместительный, Покровский собор. В 1909 г. западнее собора, на углу ул. Б.Садовой и Богатынского переулка была построена кирпичная Ново-Покровская церковь.

Сведений о возникшем при соборе кладбище довольно мало. Его планиграфия практически не изучена, но установлено, что погребения совершались внутри ограды первого и второго соборов. Скорее всего, захоронения стали производиться в скорости после постройки собора, а завершение использования кладбища следует отнести к концу XIX в. В своей работе «История города Ростова на Дону» А.М. Ильин пишет, что «в ограде Покровской церкви с восточной стороны остались следы старого кладбища» [8, с.38].

В 2003 г. на территории Покровского собора и его некрополя отрядом ВООПИиК под руководством П.А. Ларенка были проведены археологические работы, в результате которых было выявлено не менее 10 пятен захоронений, из которых вскрыто было лишь одно детское погребение [10, с.119-120; 11, с.29]. Могильные ямы были ориентированы параллельно широтной оси старого собора и находились юго-восточнее его алтарной части. Захоронения располагались компактно, образуя в некоторых случаях связи, что указывает на ограниченное пространство некрополя. Часть из них во второй половине XIX в. оказалась перекрыта площадью Покровского рынка.

В 2005 г. отрядом ВООПИиК под руководством П.А. Ларенка работы на территории Покровского собора и его некрополя были продолжены. Помимо остатков 1-го собора, был исследован участок некрополя, на котором были выявлены остатки 3 сильно разрушенных кирпичных склепов [12, с.13].

2. Кладбище при соборе Рождества Богородицы. Изначально одноименная церковь возникла в Полуденке, затем в 1780 г. была перенесена в Солдатскую слободу, в район нынешнего центрального рынка. В 1791 г. церковь сгорела от удара молнии [13, с.64]. На ее месте в 1795 г. был сооружен каменный храм, который в 1822 г. был переведен в ранг собора (взамен Покровского). Ввиду его малых размеров, к востоку от него в 1854 г. был заложен новый, ныне существующий собор. Старый же за ветхостью был разобран и на его месте в 1875 г. начато строительство колокольни. О некрополе сохранилось крайне мало информации. Когда и при каком именно из зданий храма начали производить захоронения неизвестно. Кладбище при церкви, судя по всему, было довольно компактным с небольшим числом захоронений.

Археологических работ на территории собора за все время его функционирования, несмотря на регулярные реставрационные и строительные работы, не производилось. Лишь однажды, в 1990-х гг., при прокладке коммуникаций к собору, сотрудниками «Археологического научно-исследовательского бюро» на его подворье было частично исследовано захоронение церковнослужителя в деревянном гробу. В бортах той же траншеи были видны еще несколько погребений, исследование которых не производилось. К сожалению, данные работы никак не документировались и были проведены достаточно стихийно, по инициативе представителей церковной общины. Дальнейшая судьба найденных останков автору не известна.

3. Крепостное кладбище. Не отмечено ни на одном известном нам городском плане. Было обнаружено в 1997 г. во время строительных работ [5]. Границы некрополя в современной сетке кварталов выглядят приблизительно следующим образом: западная граница – в районе пр. Семашко; южная граница – возможно, частично захватывает северную сторону ул. Пушкинская; северная граница – между ул. Красноармейской и ул. М. Горького. Восточная граница кладбища точно не установлена, но не исключено распространение отдельных захоронений до территории, непосредственно примыкающей к проспекту Ворошиловский.

Вся имеющаяся о некрополе информация получена в результате археологических работ, которые проводились на его территории с 1998 по 2004 гг. сотрудниками Областной инспекции по охране и эксплуатации памятников истории и культуры совместно с археологической лабораторией РГУ под руководством А.И. Гармашова [4]. Всего было исследовано около 60 могильных ям, содержащих как одиночные, так и коллективные (в том числе и многоярусные) захоронения. Некоторые из них имели следы дезинфекции трупов при помощи извести. Большое количество захоронений на исследованной площади было уничтожено поздними перекопками. Могильные ямы имели подпрямоугольную в плане форму. Ориентировка ям широтная, с преобладанием отклонений в северном либо юж-

ном направлениях. Остатки гробов или же их признаков в большинстве захоронений отсутствовали. В тех могилах, где гробы все же были, они имели в плане прямоугольную, слегка расширяющуюся в головной части, форму, ровные, отвесные невысокие стенки и плоские, без конька, крышки. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой в западном направлении. Многие из захороненных имели на груди нательные кресты из медных сплавов [15, с.76].

В 2012 г. во время реконструкции ул. М. Горького сотрудниками ГАУК РО «Донское наследие» было проведено наблюдение в границах кладбища, в результате которого было исследовано около 10 погребений, большинство из которых были в гробах [6, с. 24].

На основе элементов погребального обряда данный некрополь А.И. Гармашов определил как христианский и датировал по полученным находкам 2-ой пол. XVIII столетия [4]. Нумизматический материал из погребений, в основном, представлен медными мелкими номиналами: «денги», «полушки», «копейки», времен правления Елизаветы Петровны и Екатерины II. Самые поздние монеты датируются 1771 г. Все это, в комплексе с целым рядом дополнительных фактов, позволило А.И. Гармашову определить крайнюю дату прекращения функционирования кладбища 1771 годом и связать с эпидемией чумы 1771–1773 гг. Присутствие признаков чумы среди исследованных останков подтверждено генетическими исследованиями [14, с. 278]. Таким образом, Крепостное кладбище является одним из самых ранних городских кладбищ, предназначавшееся для захоронения служащих гарнизона крепости св. Димитрия Ростовского и жителей форштадтов.

4. Всехсвятское (Старое) кладбище. Впервые изображено на геометрическом специальном плане 1798 года, а позже на городском плане 1811 г., где оно уже было обозначено пунктиром. Это предполагает, что в перспективе его требовалось упразднить, поскольку оно не вписывалось в проектируемую будущую застройку, да и к тому же, не соответствовало нормам действующего законодательства, ограничивавшего возможность функционирования городских кладбищ [9, с.109]. Границы некрополя достаточно точно переданы на городском плане 1845 г. В современной сетке кварталов они выглядят приблизительно следующим образом: западная граница – восточная сторона пр. Буденновского; южная граница – северная сторона ул. Пушкинской; северная граница – южная сторона ул. Красноармейской; восточная – между пер. Соборным и ул. Семашко.

Дата возникновения Всехсвятского кладбища не известна, но учитывая события, связанные с эпидемией и закрытием Крепостного кладбища в начале 1770-х гг., можно эту дату принять за отправную точку. Известно, что в 1785 г. на этом кладбище была заложена церковь Всех святых [13, с. 77]. Несмотря на то, что согласно плану 1811 г. кладбище должно было быть закрыто, по факту хоронить на нем продолжали еще

несколько десятилетий. Со временем, Старое Всехсвятское кладбище было частично сnivelировано и через его территорию была проложена ул. Сенная (совр. М. Горького) и пер. Соборный. Церковь же продолжала функционировать до 1865 г., когда она сгорела в результате пожара, а на ее месте в 1880–1889-х гг. была возведена кирпичная Успенская церковь.

В 2012 г. при реконструкции ул. М.Горького, в районе ее пересечения с пер. Соборный была обнаружена серия захоронений Всехсвятского некрополя, частично исследованные А.И. Гармашовым. Среди них наиболее известны два кирпичных «склепа», вызвавших общественный резонанс. Оба захоронения изначально располагались в центральной части кладбища, северней храма Всех святых (возможно, в его ограде). Датировка данных захоронений осложнена отсутствием надлежащей фиксации и дальнейшей камеральной обработки полученных материалов. Всего же было зафиксировано 5 захоронений с кирпичными саркофагами и большое количество могильных плит, которые не вскрывались ввиду незначительной глубины земляных работ, но при этом около 10 из них было разрушено при рытье траншей коммуникаций. В одной из них было обнаружено коллективное захоронение, где покойные лежали без гробов в два (?) яруса.

Помимо исследований самих погребений, в границах исторических некрополей и в непосредственной близости от них, исходя из норм действующего законодательства, регулярно проводятся согласования строительных работ на различных земельных участках. Этими работами в той или иной степени были затронуты Крепостное, Всехсвятское, Братское, Затемерницкое, Крестовоздвиженское, Новопоселенское, Старое Еврейское кладбища. В большинстве таких случаев на участках закладывались единичные шурфы или зачистки, не выявившие захоронений.

Благодаря проводившимся в городе археологическим работам, удалось установить факт наличия одиночных захоронений, не соотносящихся с какими-либо кладбищами, храмами или иными культовыми постройками. Одно из них было исследовано в 2018 г. в связи с реконструкцией улицы Станиславского, восточнее ее пересечения с пер. Университетским. Могильная яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Погребенный находился в подбое, вырытом в ЮВ стенке ямы, и был уложен головой на юго-запад. Инвентарь отсутствовал. Внутримогильных конструкций, в частности остатков гроба, не прослежено.

Сооружение подбоев («могил с подкопом») было распространено в казачьей среде, которые считались одной из старинных местных традиций [3, с.78]. В таких могилах камера подбоя закрывалась деревянным щитом, что не позволяло земле попасть внутрь нее. Чаще всего в подбойных могилах хоронили казаки-старообрядцы.

Таким образом, несмотря на поздние хронологические рамки бытования ростовских исторических кладбищ, остается много вопросов, связанных с временем их функционирования, топографией, внешним обли-

ком, устройстве и планировке, количеству захоронений, погребальному и поминальному обряду и их особенностям, связанных с этноконфессиональным разделением и многое другое. Поспособствовать в решении этих вопросов отчасти могли бы археологические исследования. Однако их проведение осложнено тем, что на сегодняшний день из старых кладбищ не застроенным остается только Братское и отчасти Татарское и Затемерницкое. В свою очередь, ввиду специфики данного типа памятника, ранний пласт захоронений на них сохранился значительно хуже. Исторические некрополи со 2-ой пол. XIX в. оказались на пути у активно развивающегося города Ростова-на-Дону и были поглощены им.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко А.Л., Черницын С.В. Массовые и «заложные» погребения в Азове XVII-XVIII веков // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып.3. Ростов н/Д., 1998.
2. Борисов В.Е. Отношение к людям, умершим неестественной смертью, в XVII-XVIII вв. // Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века. М., 2018.
3. Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.). Ростов н/Д., 2011.
4. Гармашов А.И. Кладбище 2-ой половины XVIII века («Потерянное» кладбище). Рукопись.
5. Гармашов А.И. «Потерянное» кладбище (к открытию нового памятника археологии на территории г.Ростова-на-Дону). Рукопись.
6. Жеребилов С.Е. План проведения спасательных археологических полевых работ на территории выявленного объекта археологического наследия «Кладбище «Крепостное», расположенного в зоне планируемого строительства по объекту: «Многоквартирный жилой дом с автостоянкой и встроенными помещениями общественного назначения в г.Ростове-на-Дону». Ростов н/Д., 2020.
7. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие не естественною смертью и русалки. М., 1995.
8. Ильин А.М. История города Ростова на Дону. Ростов н/Д., 1910.
9. Колева Г.Ю. Город и его некрополи // ВТГУ. 2012. №2.
10. Ларенок В.А., Ларенок П.А. Работы археологической экспедиции РРО ВООПИиК в 2003 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып. 20. Азов, 2004.
11. Ларенок П.А. Отчет «Охранные археологические работы в зонах новостроек в исторической части г. Ростова-на-Дону в 2003 г.». Ростов н/Д., 2003.
12. Ларенок П.А. Отчет «Охранные археологические исследования в зонах новостроек на территории крепости святого Дмитрия Ростов-

- ского в г. Ростове-на-Дону в 2005 г.: 1. Участок строительства Покровского храма. 2. Работы в зоне проектируемого строительства международного конгресс-центра». Ростов-на-Дону, 2006.
13. Малаховский Е.И. Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие. Ростов н/Д., 2012.
 14. Морозова И.Ю., Батиева Е.Ф., Чекалин Е.В., Касьянов А.С., Брускин С.А., Schünemann V.J. Чума в Восточной Европе: эволюция бактерии *Yersinia pestis* // Азак и мир вокруг него: материалы Международной научной конференции (14–18.10.2019 года, г. Азов) / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов, 2019. (Донские древности. Вып. 12).
 15. Рогудеев В.В. Комплексы и отдельные находки XVIII–XIX веков // АЗ. Вып.5. Ростов н/Д., 2007.

С.С. Козлов (Ростов-на-Дону)

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ХРАМ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ

Данная тема является актуальной и малоизученной проблемой, она связана с этно-конфессиональными процессами и историей градостроительства на Дону, социальной политикой Российского государства на Дону. Храмы и кладбища всегда были и сегодня являются важной частью духовной и исторической памяти нашего народа. Всего же в г. Нахичевани-на-Дону на 1904–1905 гг. насчитывалось: православных церквей, соборов, монастырей и часовен – 1, единоверческих церквей и часовен – нет, раскольничьих – нет, армяно-григорианских церквей – 7, монастырей – 1, римско-католических церквей – нет, протестантских церквей – нет, еврейских синагог – нет, молитвенных школ – 1, магометанских мечетей – нет, калмыцких хурулов – нет. [2, л.1]. Священнослужителей в Нахичевани насчитывалось – 218 [1, с.97].

Как уже упоминалось, православных было два. Первым была построен храм во имя иконы «София-Премудрость Божия», вторым был построен соборный храм во имя св. Александра Невского. Письменных источников о храмах Нахичевани немного. Православные же храмы практически не упоминаются нигде. Нахичеванский купец и общественный деятель И.М. Келле-Шагинов в своих воспоминаниях писал: «С годами по мере увеличения населенности русским элементом, значительно превышающим численностью армян» [7, с.278]. Следовательно, росла и потребность в большем количестве православных храмов в городе. Об русских храмах Нахичевани-на-Дону, в частности о храме св. Александра Невского, упоминает Е.И. Мануковский. Он пишет, что имя второго православного храма Нахичевани позаимствовано от строящегося в соседнем

Ростове храма св. Александра Невского и посвящалось 650-й годовщине победы князя над шведами на берегах Невы [8, с.163], что не соответствует действительности. На самом деле планировавшееся строительство часовни во имя св. князя Александра Невского было инициировано русским обществом г. Нахичевани-на-Дону, которое отправило 19.09.1889 г. заявление на имя нахичеванского городского головы М.И. Балабанова с просьбой предоставить «место на Полицейской площади, между аптечными ларьками и бульваром на предмет сооружения часовни в память чудесного избавления их императорских величеств от опасности при крушении царского поезда 17.10.1888 г., на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге» [3, л.1]. Нахичеванская городская дума пошла им навстречу и определила отвести им место под сооружение часовни [3, л.2]. Позже на заседании Нахичеванской городской Управы стал рассматриваться вопрос о новом месте строительства. Вопрос был поднят потому, что вначале предполагалось построить часовню небольшого размера, и было поручено нахичеванскому городскому архитектору составить проект, который и был им изготовлен по масштабу 8 аршин ширины и длины и передан представителям русского общества, предпринявшие это дело.

Именно этот проект был принят городским общественным управлением при рассмотрении и решении ходатайства. Постановив отвести место на полицейской площади городское управление руководствовалось Высочайше утвержденным планом города и здание часовни предполагалось поставить на месте сгоревшего корпуса лавок на площади, между бульваром и аптечным рядом [3, л.8-9]. От председателя временного православного попечительства по сооружению часовни в г.Нахичевани-на-Дону 16 апреля в городскую Управу поступило заявление, в котором показан утвержденный строительным отделением областного правления проект и просит отвести другое место под строительство [3, л.9]. Новый проект представлял собой существенные изменения по строительству часовни. По новому проекту, она должна была иметь размер: с севера на юг по фасаду 37,5 аршин, а по площади 40 аршин, с востока на запад те же размеры, причем с этой стороны проектированная площадка со ступеньками 5 аршин, так что общее пространство часовни с востока на запад будет по фасаду 42,5 аршин, а по площади 55 аршин [3, л.9]. По новому проекту часовню предполагается построить на полицейской площади между бульваром и аптечным рядом с востока на запад 43 с четвертью аршин. Площадь в этом месте имеет размер от городского бульвара до сгоревшего торгового корпуса 13 аршин, ширина этого корпуса по плану города 19 аршин. Пространство между ним и аптечным рядом 15 аршин. Свободного места между бульваром и аптечным рядом имеется всего 47 аршин. Если бы часовню, по новому проекту, поместили на этом пространстве примыкая даже с запада к бульвару, то свободного пространства между сооружением и аптечным рядом, останется 3 с четвертью аршина. На устройство ограды вокруг часовни, если она понадобится, места не окажется, не говоря уже о том,

что нельзя будет свободно подъезжать к выходу из часовни [3, л.9]. Данные обстоятельства значительно затрудняли осуществление часовни по новому проекту на Полицейской площади. По первому плану под часовню должна была отойти часть места под сгоревшим корпусом [3, л.9-10]. По обеим сторонам старого места оставались свободными проезды. По новому проекту оба эти проезда отойдут под строительство [3, л.10]. Между тем застройка площади и проездов является изменением плана города, что превышает компетенцию городского общественного управления, и может быть сделано лишь с разрешения более высокой инстанции [3, л.10]. На скопировке из генерального плана предполагаемая часовня составителем проекта показана неправильно. По копии плана эта часть бульвара не показана, и часовня имеет с обеих сторон проезды. На самом деле выходило, что все проезды эти должны быть застроены [3, л.10].

Желая содействовать инициативе православными гражданами города Нахичевани-на-Дону Городская управа пришла к заключению что для этого подойдет «место на углу 2-й соборной улицы и полицейской площади, где теперь находится управление полицейской части, карьергардия, пожарная команда и пожарный обоз» [3, л.10-11]. Участок имеет по улице 81 аршин, а по площади 63 аршина и отстает от первоначального места на 45сажень [3, л.11]. Из этого места участок по ширине 81 аршин и по площади 57 аршин отойдет под строительство часовни [3, л.11]. Отводное место имеет площадь 4.617 кв.арш, по проекту часовни требуется площадь в 1890 кв.аршин. На этом месте, можно было б свободно поместить часовню по утвержденному проекту и со временем сделать другие постройки. На этом месте «кроме других удобств часовня примет вполне красивый вид» [3, л.11]. Рядом с этим местом находится здание бывшего армянского магистрата с прилегающей к нему пристройкой отданное в аренду под помещение 5-го полицейского участка и под карьергардию. В других постройках помещается пожарная команда и пожарный обоз [3, л.11]. С отводом этого места под сооружение часовни, городское управление лишится, ежегодного дохода, и должно найти соответствующего помещения для пожарной команды и обоза [3, л.11-12]. Городской голова надеялся, что «При решении же вопроса о сооружении часовни на пространстве Полицейской площади между бульваром и аптечным рядом следует исправить на то разрешение его сиятельства господина войскового атамана войска Донского». Городская же дума постановила: «взамен указанного в определении городской думы 23 ноября 1889 г., места под сооружение часовни во имя св. благоверного князя Александра Невского в память чудесного события 17.10.1888 г. отвести принадлежащее городу место состоящая на углу 2-й Соборной улицы и Полицейской площади во всем согласно докладу городской Управы» [3, л.12].

Что касается очистки места от существующих там построек было поручено городской управе очистить место от построек. Находящиеся на

этом месте здания предполагалось ломать и материал свозить постепенно. [3, л.12-13]. В письме в городскую Управу попечительство сооружения часовни пишет о том, что 10 мая будет произведена закладка часовни и просит городскую Управу распорядиться «о заблаговременном сносе старого магистратского дома и карьергардии» [3, л.22]. Городское управление перевело в другие помещения пожарных и полицейских, и весь участок. За инициативу постройки в городе Нахичевани-на-Дону храма св. Александра Невского в память о спасении царской семьи во время крушения поезда 17.10.1888 г. император Александр III «всемилостейше соизволил собственноручно начертать «Благодарим». О таком Высочайшем повелении, сообщенном мне в отзыве главного Управления казачьих войск, от 12 сего ноября за № 3234 уведомить Ваше Высокоблагородия для зависящего распоряжения» [3, л. 28]. Храм построен на пожертвованную по подписке русским населением сумму. Однако денег не хватило, произошла заминка в окончании постройки. Тогда пришел на помощь ростовский купец Гавриил Ильич Шушпанов, закончивший купол и отделавший храм внутри с большим благолепием, не щадя денег [7, с.279]. Кроме главного Александроневского престола в церкви был второй придел с престолом во имя праведницы Анны, матери Пресвятой Богородицы [8, с.163].

Настоятелем храма являлся протоиерей Иоанн Домовский. По воспоминаниям некоторых его современников, он прибыл на Дон из Мариуполя вместе со своей семьей в 1907 г., вместе с ним прибыла его дочь Варвара, старшая осталась в Мариуполе [9, с. 5]. Что не совсем соответствует действительности. В письме от 10.04.1890 г. нахичеванский городской голова приглашает некоего отца Иоанна: «Ваше Высокоблагородие Отец Иоанн. Имею честь покорнейше просить Ваше высокоблагородие пожаловать сегодня в 6 часов вечера, в помещение городской Управы для определения места под проектируемую православную часовню, возводимую в память чудесного события 17 октября 1888 г. Для этой цели мною приглашены к этому времени членов Управы 42, полицеймейстеры и попечители по сооружению этой часовни» [3, л.5]. Таким образом, Иоанн Домовский к 1890 г. уже был в Нахичевани.

В апреле 1897 г. Иоанн Домовский в качестве настоятеля Александроневского храма пишет письмо в Управу об облагораживании территории храма. В письме настоятель пишет, что территория храма имеет неприглядный вид, храм поражает своей неустроенностью и неприглядностью, так ограда была временно поставлена на линии тротуара по 2-й соборной улице, уже обветшала, покосилась и портит центральную часть города. В виду бедности православного населения составлявшего приход церкви и «неимевшие церковных сумм причт и церковный староста на основании 4-й статьи Высочайше утвержденного городского положения, которое гласит: «Городское общественное управление предоставляет иметь попечение об устройстве православных храмов и поддерживать их в исправности и благолепии». Нижай-

ше просит городскую управу за счет городских общественных сумм сделать: 1) тротуар около Александро-Невской церкви по 2-й линии и пл. и железную ограду только с двух сторон церкви: со стороны полицейской улицы и со стороны 2-й соборной и доложить настоящую бумагу на обсуждение городской думы в первую очередь и в последующем почтить уведомлением»[4, л.1]. В ноябре того же года о. Иоанн пишет повторное письмо, в котором он говорит, что по крайней бедности прихожан далеко не завершили ее строительства, имеет много нужд, в числе которых первая и неотложная устройство тротуара и каменной с решеткой ограды вокруг церкви. На их установку требуется 2500 р., а так как ни прихожане, ни попечительство не имеет такой суммы и не могут ее изыскать, церковное попечительство при Александро-Невской церкви просит городскую думу «оказать содействие в благоустройстве храма, выстроенного как знак выражение верноподданейших чувств и произвести устройство ограды и тротуара в счет города, или же отдать попечительству из городских сумм стоимостные означенных работ»[4, л.2]. На призыв откликнулись простые горожане, так например Попов Григорий готов был взять работу по вывозке земли на тротуаре напротив Александро-Невской церкви с ценой за каждый квадратный сажень 4 р.40 коп.[4, л.6]. Но городская Управа отдала предпочтение Хузяеву, у которого цена за выкопку и вывоз земли с куб.саж, на 40 коп. дешевле [4, л.3].

С установлением советской власти в России и начала движения «Обновленчества» -раскольничьего движения в Русской православной церкви в 1922–1940-е гг. изменения жизни коснулись и Александро-Невского храма. В 1923 г. между причтом храма и Северо-Кавказским Краевым Исполнительным комитетом Советом рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов был заключен договор году о пользовании религиозным обществом староцерковного течения [5, л.511]. Позднее в 1926 г. инициативная группа верующих обновленческого толка состоящее из 21 человека, расширяется до 71 человека и продолжает расти, «возбудила ходатайство о передаче в ее пользование Александро-Невского собора, так как она лишена возможности удовлетворения своих религиозных нужд по отсутствию культовых зданий в г. Нахичевани-на-Дону» [5, л. 511]. Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет инициировал обследование степени выполнения требований договора, об описи предметов церковного значения выявив сокрытие предметов путем «невписания в опись и инвентарную книгу»[5, л.511]. По разъяснению 5 отдела НКО РСФСР такие действия считаются поводом к расторжению договора и к преданию суду виновных в утайке госимущества. По этим причинам и по ходатайству Ростово-Нахичеванского Горсовета Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет «вошел в рассмотрение вопроса о закономерности и целесообразности расторжения договора с религиозным обществом Александро-Невского собора и т.к., представленный материал свидетельствует о наличии нарушения договора и полной невозможности вновь образовавшиеся немногочисленной группе

верующих обновленческого течения получать удовлетворение своих религиозных потребностей в городе Нахичевани-на-Дону. В соответствии с циркуляром ВЦИК от 21.08.24 г. было принято решение Ростово-Нахичеванским Горсоветом о расторжении договора с религиозной общиной Старого толка и передать храм группе верующих обновленческой ориентации. К сожалению, обновленческая церковь поддерживаемая советской властью не смогла спасти этот храм. В 1937 г. он был полностью уничтожен [8, с.163]. На месте разрушенной Александро-Невской церкви в 1960-х гг. был построен шестизэтажный жилой дом.

К концу XIX столетия этнический состав Нахичевани-на-Дону настолько сильно поменялся, причем настолько, что в городе, который изначально был этнически однородным, армянским, появляются культовые сооружения других конфессий. Конечно храм св. князя Александра Невского появился не только из-за растущего в городе русского, православного населения, но и потому, что для его сооружения был политический повод, такой как память спасения царской семьи Александра III во время крушения поезда 17.10.1888 г. В память этого события был заложен и храм в Ростове, и в Нахичевани. Этот храм был настоящим украшением города, являлся так же соборным храмом. Настоятель храма Иоанн Домовский пользовался большой популярностью не только среди православных прихожан, но и у приверженцев других верований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779 –1917) / Ред. С. Дароян, В.Хачатурян; пер. с арм. Н. Григорова. Ер., 1996.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО), Ф.91. Оп.4. Д.85.
3. ГАРО, Ф.91, Оп.1. Д.493.
4. ГАРО, Ф.91, Оп.1. Д.840.
5. ГАРО, Ф.91, Оп.1, Д.1022.
6. ГАРО, Ф.1485, Д.86.
7. Келле-Шагинов И.М. Моя единственная жизнь; Дневники и воспоминания. Ростов н/Д., 2015.
8. Малаховский Е.И. Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие. Ростов н/Д., 2006.
9. Сергия (Клименко Т. И.) Минувшее развертывает свиток... М., 1998.

Т.Ю. Власкина (Ростов-на-Дону)

ВОСПОМИНАНИЯ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ЗАПИСЯХ СЕРЕДИНЫ ХХ В.¹

Время естественным образом ограничило возможность непосредственного общения исследователей с представителями революционных поколений. В связи с этим, определенный интерес представляют коллекции материалов, собранные диалектологами, поскольку для лингвистического дискурса принципиальны дословные расшифровки.

Большая коллекция диалектологических записей, собранных на территории бывшей Области войска Донского с 1960–1970-х гг. по наши дни, имеется в объединенном собрании полевых материалов ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ).

Ранее нам уже приходилось высказываться относительно своеобразия данного источника в связи с другими историческими темами и временными периодами – массовым голодом 1932–1933 гг., репрессиями первых лет советской власти в отношении казачества и женскими воспоминаниями о Великой Отечественной войне [1]. В настоящей работе мы предлагаем остановиться на разборе одного интервью, которое, на наш взгляд, представляет собой образец немотивированного воспоминания о революции и Гражданской войне. Мы видим свою задачу в том, чтобы установить, какие черты личности информанта отражены источником, каков транслируемый им образ исторических событий.

Самые ранние воспоминания полевого архива записаны от людей, которые встретили революцию во взрослом возрасте. К таким информантам относится Василий Петрович Кочетов 1881 г.р., речь которого записывали по программе изучения донских говоров в ст. Казанской Верхнедонского р-на РО в 1961 г. Сохранилась расшифровка в диалектной транскрипции, в которой, помимо описания терминов родства, наименований болезней, частей человеческого тела, рассказов о столярном производстве и строительстве дома, содержится большой фрагмент биографического содержания. По цели высказывания рассказ является примером подытоживания прожитого [4, с.63-74]. В связи с этим, интересно, какие именно события Василий Петрович выбирает для характеристики времени, в которое ему довелось жить, как он представляет

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2020 г. по теме НИР «История и культура народов Юга России: между традицией и модернизацией» (№ госрегистрации АААА-А19-119011190182-8).

свою роль в этих событиях.

Фрагмент начинается с пребывания информанта на фронте Первой Мировой войны и известия о том, что в Петрограде *сняли царя*: «В-двяна-цать часоф ночи палучаим прикас ис-штаба дивизии: царя сняли далой. А-самая вайна. Баи идуть аграмаднийшыи. Те казаки с каторымы я служыл пали духам. Как эта зямнова бога и-сняли, ня можыть быть! Тада к нам на-дабафки прииол рабочий ис-Питраграда ночь ня спали, патаму што царя сняли. Утра, рассвятаить мы фстаём лошадей убирать, рабочий ис-Питраграда выходит, становица на трябуну и-гаварить: Таваришыи! Я рабочий ис-Питраграда, царь эта ня бох, а мирает, сколько он миру пагубил (I – См. **Примечания** в конце статьи – **Ред.**)»[3].

Описанное должно было происходить в конце февраля 1917 г. Следующий эпизод воспоминаний относится уже к концу года. Среди всех распоряжений новой власти, и более того, среди всех событий огромного и сложного периода информант вспоминает декрет о равноправии женщин, принятый 18 (31).12.1917 г. Далее повествование продолжается уже событиями начала 1918 г., но не позднее 29.01. (11.02), когда А.М. Каледин совершает самоубийство. Направляясь в родные края, Василий Петрович встречает отряд Ф. Подтелкова и вступает в него. Таким образом, он прямо становится на сторону советской власти. Кочетов и ранее представлялся социально активным человеком – участник митингов, теперь же очевидно, что произошел политический выбор, о глубинных причинах которого можно только догадываться. «Приизжаим в-Екатеринослаф, поист астанавли-ваица, выходим на-вакзал, а там атрят Паттёлкава стаить, мы и влились в-атрят Паттёлкава. А ф то время наказным атаманам был Калядин. Калядин призывал на барьбу з –бальшывизмам» [3].

В конце 1917 г. Ф.Г. Подтелков вместе с 6-й гвардейской батареей размещается в Глубокой. Подтелков становится одним из революционных лидеров Дона, ведет активную агитацию среди возвращающихся с германской войны казаков-фронтовиков. Екатеринослав (впоследствии Днепрпетровск, ныне Днепр) с января до апреля 1918 г. входит в Донецко-Криворожскую советскую республику. В воспоминаниях речь видимо идет о событиях, связанных с установлением в Екатеринославе советской власти.

Следующий фрагмент воспоминаний относится к трагическим коллизиям экспедиции Подтелкова и Кривошлыкова в апреле – мае 1918 г. «Паехали ис-Каминска на Миллирава. Видим Миллирава занита германцами, туда зайти нам нильзя, тада мы павярнули на станицу Марозафскую. Пришли туда и мяне дали отпуск, я три года дома не был. И атпустили мяне на пять сутак. Прииол я дамой, а там атаманы правють, и пришлось мяне хараница, и-ф-камышах, и-ф-поли, прииол ка мне как-та атец и гаварить што идеть слух што-Паттёлкава навесили» [3]. Судя по этим строкам, Кочетов был одним из участников начального этапа мобилизационного рейда.

Далее боевой путь Кочетова проходит в рядах 103 Богучарского советского стрелкового полка 12 стрелковой дивизии под командованием В.А. Малаховского, вместе с которым он участвует в боях против вешенских повстанцев. Начало Верхнедонского восстания описано локанично и выразительно: *«Слушаим - стрильба, пули святятъ ва дваре. Выскакиваем ф канюшню, а ана запирта. Аказалась што эта васстания, и мёртвых ужже многа. Фсе бягутъ кто как был дома, в ночь ударилсь мы дамой, а на хутарам ужже строюца казаки, идётъ опция мабиллизация, выбить красных. Приехали мы дамой – куды дьяца, запрягли лашадей и-в-Миллирава, а там ужже идётъ 103 Багучарский полк на падавления. В-эта жы время ф Камински белы прарвали фронт, а здесь толька адин Багучарский полк»* [3].

Не менее последовательно, чем вехи военной биографии Кочетов перечисляет свои назначения на небольшие, но все же, руководящие посты: председателем хуторского ревкома, начальником караула в трибунале, начальником хутора, директором селъно, председателем сельсовета.

Рассказ информанта последовательный, лаконичный, довольно точный фактологически: большая часть автобиографических сведений укладывается в рамки данных, известных по историческим документам и исследованиям. Рассказчику присущи некоторые повторяющиеся стилистические приемы.

Процедура смены власти в описании Василия Петровича выглядит незамысловато и непременно включает два мероприятия – митинг и смену флагов. *«Патом пашли мы на Навачиркас, а там казакоф многа бис аружыя была, Паттёлкаф митинх устроил и гаварить, нада власть паставить, а патом гаварить мяне: ну-ка, деда, снями царский флах, а наши развесь. Патом выбрали прятсядатиля, написали: "Далой царскую правительству! Да здравствуйт савецкая власть!" Посли этава пашли мы на станциу Камянскую, там апать устанавили нашу власть, повесили наши флаги»* [3].

В некоторых случаях можно заметить употребление языковых штампов, характерных для «советского канцелярского», обычно свойственного руководящим работникам. Например, герой не вступает в отряд, а *вливается: мы (и) влились в-атрят Паттёлкава; праходил чирис хутар 103 Багучарский полк <...> я туда и влился; када выздаравил влился ф трицять шыстую стрялковую дивизию.*

Рассказчику не чужды пропагандистские клише, которые давно стали маркерами революционной эпохи: *сняли зямнова бога, царь эта ня бох, а мирает.* Сошедшим с плаката 1917 г. предстает человек-символ – *рабочий ис-Питраграда.* Дважды в повествовании появляется Ленин. Без лишних подробностей, но однозначно, он служит «источником истины». Рассказывая о военных коллизиях, Василий Петрович прибегает к гиперболе: *«Тольки вышал а-здесь дьянацать белых схватили мяне, патскачил ка мне начальник, замахнулсь шашкой и па-галаве, и зацатил на лбу».* Но тут же, предельно упрощает сюжет: *«А здесь ужже наши падаспели, ужже атабрали у-*

них лошадей. Начальник разезда гаварить мяне: ну-ка на-тибе деда шаишку и пакажы им как мы умем рубить, и-парубил я яво» [3]. Скупость средств, которыми он пользуется для описания сцены насилия, служит своеобразным способом вербальной маскировки. Рассказчик не пользуется иносказаниями и прямо называет то, что происходит, но при этом и не разворачивает картину, не устрашает слушателя подробностями, а ведет повествование дальше. Убийство, в результате, теряет в значимости, превращается из центра микросюжета в проходной эпизод.

Рассказ подчеркнуто автоцентричен. Несколько раз повторяется ситуация, когда на фоне многолюдных, но обезличенных событий действуют рассказчик и командир – некое вышестоящее лицо: *завёт мяня камандир, дають мяне слова; Паттёлкаф гаварить мяне: деда, вазьми сябе шесть чилавек и забяри камандира; Паттёлкаф ... гаварить мяне: ну-ка, деда, снями царский флах, а наши развесь; начальник разезда гаварить мяне: ну-ка на-тибе деда шаишку и пакажы им как мы умем рубить* [3]. При этом даже одушевленный объект приложения усилий остается совершенно не выразительным. И в целом, не смотря на то, что основная повествовательная канва связана с Гражданской войной, то есть, с прямым столкновением враждующих сторон, – а в тот период это были бои, буквально, лицом к лицу – об образе врага сложно сказать что-то определенное. Как, впрочем, и о боевых товарищах, помимо в большей или меньшей степени, мифологизированных фигур командиров. Рассказчик напротив – становится важнейшим действующим лицом, своеобразным рычагом истории, иногда даже излишне акцентированным. *И-парубил я яво – аттоль пашли бельи тступать*, – подобное построение речи увязывает частный случай, произошедший с Кочетовым и масштабное событие – начало разгрома белогвардейских сил – как причину и следствие.

Один из эпизодов рассказывает о настоящем триумфе Василия Петровича. Сложно судить, насколько реален этот случай, но он выявляет новые грани личности Кочетова. По сюжету, на собрании актива в ст. Мигулинской возникает своеобразный риторический турнир: *«У прятсядателя спрашивают, што такая прафсаюз, а он гаварить: прафсаюс эта листьа, а мы коринь, если коринь тряхнуть, то листьа асыплюца. А я фстал и гаварю: Нет, как рас наабарот, мы листьа. Вот Ленин наверна тожы ф прафсаюзи. Тада из Вёшак пишуть: снять прятсядателя. Яво сняли, а мяне паставили на яво места. И апать чытыри года»* [3]. Перед нами произвольная цитата из басни И.А. Крылова, использованная противниками для усиления полемического эффекта [2, 83]. А между тем, среди сведений об информанте есть пометка «неграмотный». Стоит вспомнить, что другие фрагменты интервью представляют его как носителя традиционной культуры казачества – знатока народной медицины и ремесел, и, в конце концов, не случайно Кочетова раз за разом выдвигали в организаторы и руководители местного уровня. Видимо Василий Петро-

вич принадлежал к числу талантливых самоучек из народа, каких во множестве подняла на социальный верх волна революции.

В результате использования целого арсенала риторических приемов, нарратив приобретает своеобразный ритм и фабульность, которые, в частности, свидетельствуют о неоднократности вербализации воспоминаний.

Последний фрагмент автобиографического нарратива отличается стилистически и выдает образ мыслей респондента, которые ранее ясно не проявлялись. Тем самым он подводит черту подо всем, сказанным до этого.

Если в основной части речь идет о действиях, то в заключении – о чувствах и отношениях между людьми. Здесь выясняется, что наш герой одинок: оказывается, не случайно он выглядит единственным воином впереди своих *командиров* на фоне безликой массы. Если ранее об этом можно было догадываться, не видя других персонафикаций, – даже родные, за исключением отца, не упоминались, то в заключении *народу масса* прямо является за Кочетовым и предьявляет ему свой счет. За что? Оказывается за советскую власть: *ну как савецкая власть Василий Пятрович?* Очевидно он становится чужим для своих соседей, станичников и возможно даже для родных, в этом кроется трагический конфликт между ветераном Гражданской войны и местным обществом. Стоит заметить, на протяжении всего автобиографического нарратива Кочетов ни разу не называет себя казаком, а между тем, по происхождению он им является. Вспомним, где ранее упоминались казаки – в эпизоде с известием об отречении *царя казаки падают духом*, демонстрируя свои монархические приоритеты; в эпизоде о крахе Подтелковской экспедиции *атаманы правють*, а герою приходится скрываться; во время Верхнедонского восстания *казаки уже строюца на хутрам выбить красных* и т.п. Очевидно, что примирение не состоялось, казаки не перестают видеться враждебной силой и себя Василий Петрович к ним не причисляет. Оторвавшись в результате своего революционного выбора от станицы, он явно считает себя вправе требовать от судьбы лучшего: *я жыль лучишы вас и-буду жыть лучишы, а вас никаво ня-будить*. А когда убеждается в невозможности осуществления первоначальных планов, превращается в беспощадного преследователя *массы*. *Работал на-загатофки хлеба, выкапывал хлеп, забярал, атправлял на-станцию, а-хазяиф праважал на-Урал*, – метительно заключает он.

Содержательный разбор немотивированного интервью автобиографического содержания приводит нас к выводу о высокой ценности полевых записей, сделанных по диалектологическим методикам. Избранный нами респондент заведомо отличается вовлеченностью в события революции и Гражданской войны, имеет опыт советской административной работы. Но, не смотря на очевидные признаки «заидеологизированности», условия проведения интервью оставляли информанту возможность для свободного построения своих высказываний на острополитические и исторические темы, ненамеренного представления личностно окрашенной версии обсуждаемых до настоящего времени событий

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для упрощения восприятия, автором был осуществлен перевод диалектной транскрипции в орфографическую запись с сохранением основных фонетических особенностей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.). Ростов н/Д., 2011.
2. Крылов И. А. Листы и корни // И. А. Крылов. Полное собрание сочинений в 3-х томах. Т. 3: Басни, стихотворения, письма и деловые бумаги. Книга четвертая. М., 1946.
3. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ), инф. Кочетов В.П. 1881 г.р., зап. в ст. Казанской в 1961 г., соб. неизвестен.
4. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // КИП. 2005. Т.1. № 2.

А.П. Скорик (Новочеркасск)

ЦЫГАНСКИЙ КОЛХОЗ НА ЗЕМЛЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Цыганский колхоз – это достаточно эксклюзивное историческое явление периода осуществления коллективизации. В общей сложности партийно-советским властям удалось к 1938 г. в Советском Союзе создать лишь 52 цыганских колхоза [1, с.203]. Цыганские колхозы в основном функционировали на Юге России: в Сталинградской области (крае), Ставропольском крае и Ростовской области; на Кубани в 1930-е гг. насчитывалось «18–20 небольших цыганских колхозов» [2, л.68]. Сведений о цыганских колхозах немного, они носят разрозненный и фрагментарный характер, поэтому сложно описать это историческое явление исчерпывающим образом.

В архивном фонде Тарасовского райкома ВКП(б) Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) мы совершенно неожиданно обнаружили информацию о цыганском колхозе «Новый путь» Чеба(о)товской МТС Тарасовского района, затем целенаправленно собрали все фрагменты упоминаний об этом колхозе и в результате сложился исторический сюжет, кратко представляемый в настоящей статье.

В протоколе № 42 бюро Тарасовского райкома ВКП(б) от 17.01.1935 г. зафиксировано образование цыганского колхоза: «Колхоз «Новый путь» Чебатовской МТС является вновь организованным с осени 1934 года из кочующих цыган, не имеет совсем семян и средств производства» [3, л.9]. В этой связи тарасовские большевики обратились за помо-

щью в Северо-Донские окружком и окрисполком с просьбой об отпуске семенной ссуды для цыганского колхоза.

Цыганский колхоз власти разместили на территории Чебатовской МТС, которая красноречиво характеризуется в политдонесении начальника политотдела Чебатовской МТС Тарасовского района Северной области Азово-Черноморского края Ерофеева от 1.06.1934 г., направленном заместителю начальника политсектора Азово-Черноморского краевого земельного управления по оперативной группе Северной области Морозову. Местный политотделец пишет: «По району деятельности нашей М.Т.С. нет ни одного колхоза, который стоял бы на стороне Сов[етской] власти. Все без исключения примыкали к белым, принимали участие в бандах и после разгрома белогвардейщины. Такое положение объясняется тем, что все колхозы нашей М.Т.С. сплошь казаuchy. Здесь люди не только не знали того угнетения, которое испытывало крестьянство помещичьей России, т.н. иногородния близъ лежащих районов, но сплошь и рядом сами участвовали в угнетении всякого пришлого люда. Это конечно ни сколько не означает, что интересы у всех местных казаков были одинаковы, если бы было так, то мы вряд-ли добились окончательного слома кулацкого саботажа и таких хозяйственных успехов, которые мы имели к концу 1933 года» [4, л.1]. В другой докладной записке Ерофеев подчёркивает: «Когда перед нами встаёт вопрос подобрать не только пред[седателя] колхоза, но бригадира, учёчика, то почти невозможно найти не запятнанных людей. Есть хорошо работающие на производстве колхозники, но как только попытаешься выдвинуть на руководящую работу, то немедленно обнаруживаешь, то белоэмигрант, то просто служил у белых, то сам кулак в прошлом, то имеет родственников кулаков. Что делать в таких случаях, мне никто до последнего времени не дал ответа... Если сейчас у нас из сплошь белого казачества, удаётся найти хоть сколько-нибудь близкого к советской власти человека – я не могу долго колебаться, я должен выделять всё хоть мало-мальски живое» [4, л.26-27]. Полагаем, вряд ли размещение цыганского колхоза в казачьем районе Чебатовской МТС являлось случайностью, но прямого указания на эту связь в документах мы не нашли.

21.05.1935 г. бюро Тарасовского райкома ВКП(б) рассмотрело (протокол № 59) вопрос «О состоянии колхоза «Новый путь» (цыганский)». В решении по этому вопросу записано: «1. Признать, что со стороны директора МТС тов. Макридина мало уделялось внимания в оказании помощи колхозу «Новый путь». 2. Со стороны т.т. Макридина и Белова не было выполнено вовремя решение бюро Райкома об изыскании посевного материала внутри своих колхозов, в связи с чем затянули сев в колхозе «Новый путь». 3. Предложить тов. Макридину в корне изменить своё отношение к колхозу «Новый путь», оказывать всяческое содействие к его укреплению. Предложить т.т. Макридину и Белову оказать содействие колхозу в части подготовки уборочного инвентаря и строительства жилых помещений для

колхозников с привлечением к оказанию помощи других колхозов. 4. Предложить партчасти РИК'а разрешить продажу близлежащими с[ельскими] советами из наличия кулацких домов для колхоза «Новый путь» по себестоимости, минимум, пять домов. Одновременно поручить РИК'у исходотайствовать перед вышестоящими организациями о выделении долгосрочного кредита для нужд колхоза. 5. Обязать пред[седателей] с[ельских] советов колхозов Чебатовской МТС оказать практическую производственную помощь в части переброски жилых помещений колхозу» [3, л.97].

Что означали эти решения?! Во-первых, ими определялся административно-хозяйственный статус колхоза «Новый путь» как национальный и переселенческий. Тем самым, цыгане признавались активными участниками колхозного строительства, и это предполагало их переход к оседлости и отказ от прежнего кочевого образа жизни. Цыганский колхоз включался в число национальных колхозов, для которых в ходе колхозного строительства предусматривались некоторые льготы. Цыгане считались переселенцами, что ставило их в один ряд с переселенческими красноармейскими хозяйствами, чьё создание также поддерживалось властями.

Статус национального и переселенческого колхоза предопределял льготный порядок оказания материально-технической помощи для развития экономики коллективного сельхозпредприятия, скидки на плановую выдачу натуроплаты колхозникам на трудодни и отсрочку по обязательным государственным хлебопоставкам. Речь шла об оказании помощи посевными материалами, уборочным инвентарём, организации расселения с выделением жилья и/или строительных материалов для его последующей постройки, кредитовании производственной и благоустройственной деятельности колхоза. Районные инстанции, Чебатовская МТС, другие колхозы Тарасовского района обязывались помогать цыганскому колхозу, а что он должен, как он будет работать, какие производственные задания выполнять, какими темпами будет обустраиваться, оставалось за рамками принятого решения. Такая постановка вопроса в отношении цыганского колхоза «Новый путь», судя по всему, не вызвала особого восторга у местных руководителей, и они вовсе не хотели носиться с ним, как с писаной торбой. Отсюда тройное практически однотипное указание руководителям Чебатовской МТС о необходимости оказания действенной и безотлагательной помощи цыганскому колхозу.

Во-вторых, осуществлялось внешнее управление цыганским колхозом в период его становления. Непосредственная организаторская работа обеспечивалась директором передовой Чебатовской МТС Тарасовского района, крепким хозяйственником Василием Сергеевичем Макридиным, членом партии с 1919 г. Ему помогал и занимался массово-политической работой среди колхозников цыганского колхоза «Новый путь» заместитель директора Чебатовской МТС по политчасти Николай Михайлович Белов.

Из протокола № 61 заседания бюро Тарасовского райкома ВКП(б) от 12.06.1935 г. мы узнали занимательную историю, и окрестили её как «дело о поросятах». В решении под § 883 «О выдаче поросят цыганскому колхозу «Новый путь» читаем: «1. Отметить, что отпущенный кредит для приобретения поросят колхозу «Новый путь» (цыганский) был предназначен на закупку поросят колхозникам, что тов. Белов, зам. директора Чебатовской МТС, по его указанию, вопреки установки секретаря РК партии разрешил этих поросят раздать на руки колхозникам, чем создал настроение колхозников в первую очередь развивать своё собственное животноводческое хозяйство, и перенёс создание базы для колхоза на второе место. 2. Принять к сведению информацию тов. Пирогова [первого секретаря Тарасовского райкома партии – *А.С.*] и Шумилина [начального Тарасовского райотдела НКВД – *А.С.*], что ими эта грубейшая ошибка тов. Белова была исправлена на месте в колхозе и решение от раздачи поросят на руки собранием членов артели признано, как неправильное решение, и поросята возвращены на свиноферму. 3. Указать тов. Белову на его грубую ошибку и предложить последнему в дальнейшем по колхозам не проводить вопросы принципиального, политического значения в жизнь без санкции и согласия Райкома партии. 4. Считать необходимым в декадный срок обеспечить каждого колхозника колхоза «Новый путь» поросёнком за счёт [свиноводческих] ферм колхозов Чебатовской МТС по ценам наравне со своими колхозниками [по следующей разрядке]: 1. Колхоз [имени красного комбрига, казака Петра Петровича] Сутормина... 2 пор[осёнка]. 2. [Колхоз имени красного командира, казака Николая] Дюбина... 3 порос[ёнка]. 3. Колхоз [имени Климента Ефремовича] Ворошилова... 3 пор[осёнка]. 4. [Колхоз] «Знамя колхоз[ника]... 2 шт. 5. Колхоз [имени Иосифа Виссарионовича] Сталина... 1 пор[осёнок]. 6. [Колхоз] «Ударник полей»... 2 шт. 7. Колхоз «Соц[иалистический] труд»... 3 пор[осёнка]. 8. [Колхоз] «Донской скакун»... 3 шт. 9. Колхоз «Большевик»... 1 пор[осёнок]. 6. Предложить зав[едующему] Райзо [районным земельным отделом – *А.С.*] тов. Криворогову оформить это решение в советском порядке на продажу поросят. 7. Предложить вышеназванным пред[седателям] колхозов из свиноферм выдать колхозу «Новый путь» в кредит до осени, а последнему предложить рассчитаться не позднее сентября месяца 1935 года за этих поросят. 8. Предложить парторгу тов. Нисковскому организовать получение поросят из колхозных ферм и выдачу колхозникам на руки, предложить также Нисковскому настоящее решение проработать среди колхозников [колхоза] «Новый путь». 9. Предложить парторгам колхозов и пред[седателям] колхозов (тем, которые продают поросят) поставить [вопрос о] необходимости продажи поросят на своих колхозных собраниях, заручиться согласием колхозников» [3, л.107-108].

По каким-то необъяснимым причинам заместитель директора Чебатовской МТС по политической части Н.М. Белов решил раздать получен-

ных на основе выделенного колхозу «Новый путь» кредита поросят колхозникам бесплатно (даже без заключения обычного для тех времён договора контрактации) для выращивания животных в личных подсобных хозяйствах. Тем самым, Белов нарушил священное большевистское правило первенства общественного перед личным (кстати, этот поступок повторил через 9 месяцев председатель колхоза «Новый путь» Геращенко). Как Белова уговорили цыгане это сделать, осталось за пределами сохранившегося исторического источника. Однако вмешались в «дело о поросятах» партийный руководитель района А. Пирогов и районный милицейский начальник П.В. Шумилин. Они примчались в колхоз «Новый путь» и заставили цыган отдать поросят обратно на организованную колхозную свиноферму. Взамен цыганам-колхозникам районные начальники предложили купить поросят по сходной цене, необходимое поголовье молодняка свиней решили изыскать в 9 колхозах Чебатовской МТС. Однако, понимая всю скандальность сложившейся ситуации, поросят оформляли по существу в кредит. В итоге цыгане-колхозники получали бесплатно в общей сложности тех же 20 поросят, но вернуть их стоимость обязывался после завершения уборки урожая цыганский колхоз «Новый путь» из своих предполагаемых доходов за 1935 г. Выдачу 20 поросят цыганам-колхозникам возложили на парторга колхоза «Новый путь» Нисковского, которого обязали объяснить цыганам-колхозникам суть принятого бюро Тарасовского райкома ВКП(б) принципиального решения по «делу о поросятах». Поставку самих же поросят обеспечивали руководители остальных колхозов Чебатовской МТС.

Принятое постановление районной партийной инстанции по «делу о поросятах» не успокоило общественную атмосферу в цыганском колхозе «Новый путь», поэтому 23.06.1935 г. бюро Тарасовского райкома ВКП(б) вновь заслушивает (протокол № 64) вопрос «Информация инструктора Райкома тов. Черновой о состоянии в колхозе «Новый путь» (цыганский)». В итоге принимается следующее решение: «Учитывая наличие нездорового явления в колхозе «Новый путь» (цыганский), выразившиеся в бытовой склоке, что привело к разложению колхоза на два лагеря Морозивщина–Чербаковщина) и лагерь пред[седателя] колхоза, которые обострили взаимоотношения, доходившие до драки и повседневных скандалов, и угрозы убийства, бюро Райкома постановляет: 1. Командировать члена бюро Райкома тов. Корзюк [первого секретаря районного комитета комсомола – А.С.] для изучения этого колхоза и нетерпимых фактов поведения отдельных колхозников, налаживания работы с молодёжью, сроком на 3 дня. Предложить тов. Корзюк дать исчерпывающий материал на бюро к 26/VI-35 года со своими выводами. 2. Предложить зав[едующему] Райзо [районным земельным отделом – А.С.] тов. Криворогову в 3-х суточный срок оформить выдачу поросят с указанием ферм колхозов, согласно решения бюро. 3. Обязать тов. Молчанова [председателя Тарасовского райисполкома – А.С.] в 3-х суточный

срок организовать вывоз домов для колхоза «Новый путь» (цыганский) силами ближайших колхозов Чебатовской МТС. 4. Принимая во внимание, что слабый выход на работу домохозяйек зависит от того, что имея в наличии до 45 детей, яслей не имеется, дети находятся при матерях. Поручить тов. Молчанову изыскать средства для организации детского учреждения. Парторгу к[олхо]за КИМ [«Коммунистический интернационал молодёжи»] тов. Нисковскому [он, судя по всему, по совместительству был также парторгом в колхозе «Новый путь»] организовать последнее и, оборудовав, привести в культурный вид» [3, л.119].

Итак, мы изучили и охарактеризовали некоторые страницы истории переселенческого цыганского колхоза «Новый путь» Тарасовского района. Интересны также изученные нами сюжеты переселения цыганского колхоза на новое место в другой конец Тарасовского района из хутора Елань Чебатовской МТС в хутор Волошин Курно-Липовской МТС, где действовали немецкие колхозы, многократное списание долгов с цыганского колхоза, выполнение другими колхозами хозяйственных работ вместо цыган-колхозников, и другие неординарные проявления помощи цыганскому колхозу. Всё это свидетельствовало о хозяйственной несостоятельности предпринятого социального эксперимента по созданию цыганского колхоза на земле донских казаков. Цыганские колхозы просуществовали до начала Великой Отечественной войны, и после её окончания экспериментов по созданию цыганских колхозов партийно-советские власти уже не проводили. Когда именно был ликвидирован в Тарасовском районе цыганский колхоз «Новый путь», нам не удалось обнаружить точных сведений, но его история весьма поучительна, поскольку применение одинаковых социальных лекал колхозного строительства оказалось характерной управленческой ошибкой партийно-советских властей, и, прежде всего, правящей партии большевиков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Деметер Н.Г., Бессонов Н.В., Кутенков В.К. История цыган – новый взгляд. Воронеж, 2000.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-А. Оп.3. Д.1654.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.110. Оп.1. Д.58.
4. ЦДНИРО. Ф.166. Оп.1. Д.267.

**РАЗДЕЛ V.
ВОЙНЫ И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В
ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

В.Б. Михайлов (Ростов-на-Дону)

**БИТВА ПРИ ОРКИНИЯХ НА ЗАРЕ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (320 Г. ДО Н.Э.)**

Начавшиеся распри между бывшими соратниками Александра Македонского обнажили самые острые противоречия зарождающегося эллинистического мира. Начиная с самых масштабных вопросов, от сохранения или раздела наследия умершего царя, престолонаследия, взаимоотношений между номинально выдвинутой титульной нацией – македонян и остальными народами, до частных взаимоотношений между диадохами.

Сражение при Оркиниях произошло летом/осенью 320 г. до н. э. между бывшими соратниками Александра Великого – Эвменом из Кардии и Антигоном Одноглазым. Впоследствии им суждено будет вести вторую кровопролитную войну диадочов на обширной территории империи Александра. Парадоксальность ситуации заключается в том, что на момент столкновения диадочов – Антигон, который как отмечает Плутарх, уже тогда «вынашивал далеко идущие планы» (Plut.Eum.3.3.), выступал в качестве стратега-автократора (στρατηγὸς αὐτοκράτωρ) Азии, то есть легитимного защитника государства Аргеадов. В свою очередь Эвмен, которого историческая традиция называет последним защитником династии Аргеадов, считался в указанный период политическим преступником, заочно приговоренным к смертной казни.

Исторические предпосылки данного сражения проистекают, в первую очередь, из политических конфликтов между диадохами «старшей плеяды». После убийства Пердикки, регента при царях династии Аргеадов, затем смерти Кратера в сражении, одного из самых известных и уважаемых полководцев того времени, установился новый политический порядок. В сложившейся обстановке новым регентом был избран Антипатр, чьим соратником на тот момент и был Антигон. В число антагонистов этого союза входили сторонники умершего Пердикки, обособленные друг от друга из-за нежелания оказаться на вторичных позициях. Эвмен, лишенный поддержки регента и союзников, но, тем не менее, отказавший Антипатру в лояльности, находился в Каппадокии – сатрапии, данной ему в управление еще при предшествующем режиме. Стоит отметить, что провинция Эвмена была номинально отобрана у него в связи с обвинением в государственной измене.

В такой ситуации Антигон Одноглазый был направлен ликвидировать «повстанческое» войско, и, вскоре обе армии оказались в местности под названием Оркинии в Каппадокии. Сведения об указанном сражении, а также о его течении, крайне скудны. Некоторую информацию мы можем почерпнуть из сочинений таких авторов, как Диодор, Плутарх, Непот, в свою очередь, их

данные частично или полностью восходят к более раннему источнику, происведению очевидца событий – Гиеронима из Кардии [6, p.67]. В некоторой степени, информация о численности войск Антигона имеется у Фотия, византийского деятеля, составившего эпитому к несохранившемуся сочинению Арриана «История после Александра».

Место сражения было выбрано не случайно, округа представляла собой равнинную долину, с возвышающимся над ней предгорьем [7, p.9]. Эвмен расположил свои войска на равнине, полагаясь на свою конницу, в то время как Антигон, по описанию из источников, атаковал его с предгорья (Diod.XVIII.40.6). Перед боем армия Эвмена насчитывала 20 000 пехоты и 5 000 конницы, в распоряжении у Антигона находилось больше 10 000 пеших солдат и 2000 кавалерии. Помимо прочего, в войске Антигона находилось 30 боевых слонов. Структура войск обоих контингентов вызывает массу вопросов. Большую часть своей армии, которую ему выделил Антипатр (Ant.Hist.succ.,fig.1,43), Антигон оставил для противостояния иным противникам – сторонникам Пердикки [4, p.126; 8, s.112]. Этот факт может обосновать столь малочисленный конный контингент в армии Антигона [3, с.168]. Однако весьма смелым кажется выставление в два раза меньшего контингента пехоты, учитывая, что лишь половина из 10 000 солдат были обученными македонянами (Diod.XVIII.40.7). Здесь, возможно, следует принять теоретические подсчеты Э. Ансона в 10-15 тыс. солдат [4, p.127]. Это может быть обосновано присутствием пельтастов – легковооруженных воинов. К. Шефер, проводя критический анализ, в свою очередь, объясняет малочисленность пехоты Антигона намеренным занижением количества, для возвеличивания победы [8, s.112]. И действительно, едва ли Антигон, зная о поражении Кратера и Неоптолема от Эвмена, недооценивал бы своего противника. Тем не менее, вполне оправданной является опора Эвмена на конницу, так как каппадокийские всадники – основа кавалерии Эвмена, к этому времени имели определенные военные достижения. Вероятнее всего то, что армия Эвмена – это бывшие солдаты каппадокийского царя Ариарата. После сражения между последним и Пердиккой, армия Ариарата, насчитывающая 15 000 пехотинцев и столько же всадников, потерпела поражение. В результате погибло около 4 000 воинов, а также более 5 000 взято в плен (Diod.XVIII.16.1-3). Кроме того, до битвы Эвмену повезло пополнить свою кавалерию в Троеде (Plut.Eum.8.3). Сражение началось, вероятно, по инициативе Антигона (Diod. XVIII. 40. 6). Ход битвы, доподлинно не указанный ни в одном сохранившемся до нашего времени источнике, строится на уровне догадок и предположений. Но мы точно знаем, что Эвмен из Кардии потерпел в данном сражении серьезное поражение. Потери армии составили около 8 000 солдат, а также был потерян весь обоз (Diod. XVIII.40.8). В источниках причиной поражения указывается предательство в стане Эвмена. Изменником оказался командир конницы Аполлонид, перешедший с частью войск на сторону противника (Diod. XVIII. 40.5, Plut.Eum.9.2). В ходе дискуссии о численности войск в армиях Эвмена и Антигона, следует отметить замечание Непота о том, что первого победили не искусством, а превосходством сил (Nep.18.5.6).

В историографии причины поражения объясняются по-разному. Г. Дельбрюк в своей работе отказывается от анализа хода сражения, так как считает очевидным, что причиной поражения Эвмена является предательство Аполлониды [1, с.176]. А. Везин предполагает, что Аполлониду была отведена ключевая роль в сражении, поэтому его измена и обернулась для Эвмена сокрушительным поражением [9, с.61]. О том, что в решающий момент предательство Аполлониды решило исход противостояния, пишет также и И.Г. Дройзен [2, с. 93]. Спорным является тезис, выдвинутый Р. Биллоузом, исходя которого, победа Антигона была достигнута с помощью хитрой стратегемы [5, р.76-77]. Этот материал содержится у Полиэна (Polyaen.IV.6.19). Суть стратегемы в том, чтобы обманом впечатлить переговорщика Эвмена о приближающемся подкреплении. Э. Ансон говорит о недостоверности информации, указанной Полиэном [4, р.129]. Схожий взгляд выражает и К. Шефер, считая, что если данная уловка и была, то вряд ли она оказала бы столь сильное влияние на пехоту противника [8, с.113]. Вероятно, данный пассаж все же относится к более позднему периоду противостояния между Антигоном и Эвменом. Такая стратегема была бы действенной в условиях невозможности верификации полученных сведений. Однако Эвмен находился в собственной сатрапии и при этом имел подходящую конницу для разведки. Также подобная уловка могла бы сработать в условиях форсированного марша, как, например, во время событий перед битвой при Паретакене (Diod.XIX.26.7) Примечательно и описание посланца Антигона, изображенного как «покрытый пылью». Возможно, указанный тезис отсылает нас к событиям 317–316 гг. до н.э., происходивших на пустынных территориях современного Ирана.

Факт произошедшего предательства констатируется в данном сражении всеми исследователями. На наш взгляд интересно разобрать вышеупомянутое происшествие в контексте предшествующих немногим ранее событий. Причиной предательства Аполлониды, командира всадников, явились обещания Антигона (Diod.XVIII.40.5). Учитывая контингент, из которого состояла конница Эвмена, довольно сложно предположить, какие именно обещания были сделаны, но, по всей видимости, они касались не только самого Аполлониды, поскольку каппадокийцы, предавшие своего сатрапа, рисковали многим. Вполне обоснованной можно считать версию Э. Ансона, заявляющего, что каппадокийская конница осталась верной своему полководцу, а дезертирами оказались наемники, которых Пердикка отрядил для Эвмена в 320 г. до н.э. [4, р.128]. Более того, как нам кажется, на решение Аполлониды повлияли и другие события. Во-первых, это предшествующее сражение с Кратером, которое Эвмен выиграл, фактически обманув вероятно тот же самый контингент, впоследствии предавший его при Оркиниях. Перед сражением наемникам сказали, что они будут сражаться против варваров, а не македонского полководца. Во-вторых, статус Эвмена на момент столкновения с Антигоном был иным, чем ранее. Аполлонид находился в повстанческой армии, которой противостоял стратег Азии. Не стоит упускать и другие акты неподчинения в армиях как Антигона, так и Эвмена. Перед событиями при Оркиниях произошло сразу два восстания: Пердикки, командира в

войске Эвмена, и Олкия в лагере Антигона. Мятеж первого, который взял с собой 3 000 пеших и 500 всадников, удалось подавить, проникнув в лагерь бунтовщиков под покровом ночи. Как указывается в древних источниках, казни зачинщиков было мало, и пришлось рассредоточить по всей армии мятежных солдат (Diod.XVIII. 40. 4). Еще более ранним является раскол в армии Антигона под предводительством Олкия и еще нескольких офицеров. Данное событие произошло в Каппадокии во время зимовки 321/320 гг. до н.э. Весьма примечательно, что Олкий и его части (3 000 македонских пехотинцев) направились не к Эвмену, который также был в Каппадокии, а в Фригию и Ликаонию, в сторону другого предводителя – македонянина Алкеты (Polayen.IV.6.6). Причины такого поведения македонян возможно выяснить в контексте происходящих событий. Эвмен был тем, кто оборвал жизнь самого славного командира македонян – Кратера. К тому же, на заре противостояния между диадохами, Эвмен казался для остальных не самым именитым полководцем, к тому же заочно осужденным. Этот бунт был подавлен иначе – командиры и солдаты, были усмирены и отправлены под надзором обратно в Македонию.

Таким образом, перед битвой при Оркиниях, мы обнаруживаем еще два мятежа в армиях диадохов. Причины, которые склонили к неповиновению сначала Олкия, затем Пердикку и, наконец, Аполлониду, весьма разнятся. Но, вероятно, предательство последнего может быть объяснено влиянием предшествующих событий. К тому же, если рассмотреть восстания в более широком контексте, то мы можем обнаружить, что в империи Александра после смерти регента возник серьезный идеологический кризис. Его результатами стали восстания солдат, являющихся как македонянами в армии легитимного стратега Азии, так и наемными всадниками в составе армии повстанца, приговоренного к смерти (учитывая, то, что Эвмен наверняка побеспокоился об их содержании, поскольку армия находилась в его сатрапии).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Дельбрюк Г.Г. Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории: в 4 т. СПб., 1999. Т. 1.
2. Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. II. Ростов н/Д., 1995.
3. Нефёдкин А.К. Конница эпохи эллинизма. СПб., 2019.
4. Anson E.M. Eumenes of Cardia. A Greek among Macedonians. Leiden; Boston, 2004.
5. Billows R.A. Antigonos the One-eyed and the Creation of the Hellenic State. Berkeley and Los Angeles, 1990.
6. Hornblower J. Hieronymus of Cardia. Oxford, 1981.
7. Ramsay W. M. Military Operations on the NorthFront of Mount Taurus // JHS. Vol. 43.1923.
8. Schafer C. Eumenes von Kardia und der Kampf um die Macht im Alexanderreich. Frankfurt am Main, 2002.
9. Vezin, A. Eumenes von Kardia: Ein Beitrag zur Geschichte der Diadochenzeit. Münster, 1907.

В.П. Подольников (Ростов-на-Дону)

ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСАТЕЛИ О БОРЬБЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ С ГЕРМАНСКИМИ ОККУПАНТАМИ В ГОДЫ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

Всего через месяц после начала франко-прусской войны французская армия была разгромлена, империя Наполеона III пала, а треть территории Франции оказалась под властью германских оккупантов. Известный писатель Виктор Гюго призвал развернуть против них всенародную борьбу. «Пусть деревни берутся за вилы!... Будем вести войну днем и ночью, войну в горах, войну равнин, войну лесов... Не давайте врагу передышки, покоя, сна!... Цельтесь, стреляйте, истребляйте захватчиков... Будьте беспощадны, патриоты!», – взывал он к нации [6, с.48].

Призыв этот был услышан страной, и население Франции включилось в активную борьбу с врагом.

Наряду с организованным партизанским движением существенный вклад в продолжение вооруженной борьбы против немцев внесли стихийно возникающие партизанские отряды на местах. В официальных источниках о них практически ничего не говорилось. Сказалось нежелание французского правительства, нацеленного на скорейшее завершение войны, брать на себя ответственность за их деятельность. Никто не занимался организацией, руководством и координацией их действий. Возникали они спонтанно, и активность их носила локальный характер. Никакой информации о персональном и численном составе этих островков сопротивления захватчикам не сохранилось. Редкие упоминания о них в газетных сообщениях появлялись лишь в связи с репрессиями, которым подвергалось местное население за антигерманские диверсии. Но эта героическая страница войны навсегда осталась в исторической памяти французского народа и была запечатлена во французской литературе, которая по сути стала единственным источником по истории народной войны 1870–1871 гг.

Оценка деятельности стихийно возникающих партизанских отрядов в произведениях французских писателей весьма неоднозначна и противоречива. Она отражает настроения народных масс различных регионов Франции на разных этапах войны.

Наибольший размах партизанское движение приняло в начале войны в восточных провинциях страны, откуда пошло вторжение немцев. «... Народ тут воспрянул, – пишет графиня Фернанда Д' Арнэ, – подобно раненному разъяренному льву. Все жители Вогезов, начиная с несчастных и героических эльзасцев, готовы были к бою. Довольно было одеться в блузу и войлочную шляпу, чтобы быть принятым в ряды вогезских вольных стрелков» [15, с.205].

С одной стороны, авторы художественных произведений отмечают

несомненный вклад франтиреров в общую борьбу французского народа с врагом, когда в результате этой «волчьей войны», по определению Э. Золя, они уничтожили в ущелье немецкий отряд [5, с. 306], «убивали и грабили пруссаков, которых удавалось застигнуть врасплох» [5, с.450], наказывали немцев за мародерство и грабеж мирного населения [16, с.40], ликвидировали прусских шпионов [5, с.451; 15, с.206] и подвергали репрессиям коллаборационистов [11, с. 211].

С другой стороны, писатели обратили внимание на явно негативный оттенок их деятельности, которая наносила серьезный ущерб интересам местного населения, поскольку, когда не хватало добычи от грабежа пруссаков, они, пишет Э. Золя, «нападали на фермы и взымали дань с французских крестьян» [5, с.450]. Кроме того, «при каждом нападении на неприятельский обоз, при каждом убийстве часового немецкие власти мстили соседним поселкам, обвиняли жителей в соучастии, налагали на них штрафы, арестовывали мэров, сжигали лачуги» [5, с.450].

Один из таких партизанских отрядов Э. Золя откровенно называет «бандой» [5, с. 450], и здесь его мнение полностью совпадает с мнением Ги де Мопассана, сравнившего вольных стрелков с «шайками разбойников» «с героическими наименованиями «Мстители за поражение», «Граждане могилы», «Причастники смерти» [13, с.9]. Но в описании их командиров и солдат, напротив, нет ничего героического. «Командиры этих отрядов, - отмечал Мопассан, - бывшие суконщики или лабазники, недавние торговцы салом или мылом, случайные воины, произведенные в офицеры за деньги или за пышные усы, увешанные оружием, облаченные в мундиры с галунами, говорили громко и самодовольно, обсуждали планы кампании и похвалялись, что они одни поддерживают несчастную Францию; но вместе с тем они побаивались своих храбрых до безрассудства солдат-висельников, мародеров, распутников» [13, с.9]. «...Бешеные, не признающие ни закона, ни дисциплины люди», - такова его окончательная оценка вольных стрелков [12, с.538].

Отношение французских крестьян к таким партизанским отрядам было крайне отрицательным. «Бичом деревень» называл их Э. Золя, считая, что крестьяне охотно выдали бы их немецким властям, если бы не боялись, «что в случае неудачи их самих пристрелят на глухой тропинке» [5, с.450].

Таким образом, сведения, содержащиеся в произведениях французских писателей — современников и участников войны, не дают оснований говорить о широком общенациональном масштабе стихийного партизанского движения и его всенародной поддержке населением страны. Деморализация, вызванная поражениями французской армии, и последовавшая затем глубокая общественная апатия, усиленная пораженческими настроениями властей, мало способствовали росту партизанской борьбы. «Если что и спасет нас, - говорил Ж. Ренан в беседе с Э.Гонкуром еще в сентябре 1870 г., - так это безучастность населения» [1, с.23].

Массовое сопротивление оккупантам возникает лишь в случае возникновения угрозы полного порабощения или истребления завоеванного народа. Таких целей германское руководство перед своей армией не ставило, хотя, особенно в начале войны, репрессии и насилия против мирных граждан имели место. Затем ситуация стабилизировалась. «... Завоеватели, – отмечал Ги де Мопассан, – не совершили ни одной из тех чудовищных жестокостей, которые, если верить молве, сопровождали их победное шествие...» [13, с.11]. К тому же, по словам Э. Золя, «дисциплина в немецкой армии была такой строгой, что насилия и грабежи случались редко. Во всем Седане обесчестили всего двух женщин» [5, с. 472].

Пацифистские настроения масс подкреплялись капитулянтской позицией правительства национальной обороны. «Капитулировать прежде, чем съеден последний кусок хлеба, – мысль, вчера еще никому в голову не приходившая, овладела сегодня сознанием народа», – пишет Э. Гонкур в своем «Дневнике» в январе 1871 г. [1, с.96].

И вот уже «... во многих домах прусский офицер садился обедать за семейный стол, - читаем мы в рассказе Мопассана «Пышка». – Если это был человек благовоспитанный, то он из вежливости жалел Францию, говорил, что ему тяжело участвовать в этой войне. Ему были признательны за такие чувства; к тому же в любой день могло понадобиться его покровительство» [13, с.10-11].

Определенную роль в растущих примиренческих настроениях обывателя играла и классовая солидарность побежденных и победителей. Французская беднота видела в немецких солдатах таких же обездоленных людей, как и они сами, а те, в свою очередь, старались всячески помогать местному населению. «Дородные крестьянки, у которых мужья были в «действующей армии», знаками указывали своим послушным победителям работу, которую надлежало сделать: наколоть дров, засыпать суп, смолоть кофе; один из них даже стирал белье своей хозяйки, дряхлой и немощной старухи»; «... бедняки должны помогать друг другу, – говорит один из героев рассказа Ги де Мопассана. - Войну-то ведь затевают богачи» [13, с.25].

Но все же общая картина взаимоотношений немецкой армии и местного населения не была столь благостной, поскольку оккупационные власти методически грабили французов путем реквизиций и штрафов. «Победители требовали много денег, - пишет Ги де Мопассан. - Жители платили и платили...» [13, с.11]. Основная тяжесть этих поборов ложилась в основном на крестьян. Сравнивая положение города и деревни во время войны, один из персонажей романа Эркман-Шатриана «Капрал Фредерик» говорит: «Вам, городским жителям, хорошо рассуждать о несчастьях, навлеченных войною! Вы были за вашими укреплениями и при первом свисте бомб бежали прятаться в казематы. У всех у вас отнять было нечего. Те, у которых дома были сожжены, получают вознаграждение гораздо выше стоимости их имущества... Между тем мы, бедные крестьяне, при-

нуждены были кормить врагов, помещать их у себя, отдавать им сено, солому, ячмень, овес, пшеницу — все до последней коровы, нашего единственного средства к жизни» [16, с.82].

Все это еще больше подогревало ненависть к врагу, и результатом этой «тайной мести, жестокой и справедливой», по словам Ги де Мопассана, были не раз поднимаемые «с речного дна вздувшиеся трупы немецких солдат, зарезанных или убитых ударом кулака, с проломанной камнем головой или просто сброшенных в воду с моста» [13, с.11].

Желание защитить свое имущество стало главным побудительным мотивом сопротивления местных жителей оккупантам, примеры которого нашли блестящее художественное воплощение в образах литературных героев, созданных французскими писателями. Произведения Э. Золя (роман «Земля») [3] и Ги де Мопассана (рассказ «В море») [7] дают уникальную возможность раскрыть психологию мелкого буржуа того времени, будь то крестьянин или простой рыбак, который, работая день и ночь, едва сводил концы с концами. Собственность, земля или рыбацкая сеть, представлялась им высшим смыслом жизни, по сравнению с которым даже родственные связи отступали на второй план. Стремление сохранить ее любыми, даже самыми крайними средствами, толкало простых людей на борьбу с оккупантами. Именно это заставляло папашу Миллона, из одноименного рассказа Ги де Мопассана, тайком убивать немецких солдат. «Вы, с вашими солдатами, — объяснял он свой поступок следователю — полковнику, — одного сена забрали у меня на пятьдесят экю, да еще корову, да двух овец... Я себе и сказал: «Ладно, пусть хоть все отнимают — сочтемся». После чего «старик жил одной мыслью: истреблять пруссаков! Он ненавидел их тайно и непримиримо — и как скопидом крестьянин, и как патриот» [10, с. 275].

Убийство вражеских солдат было также мстью французов за потерю в этой войне своих родных и близких. К чувству естественной человеческой горечи добавлялось осознание того, что ты нередко лишался единственного в семье работника и кормильца. Так четыре немца, определенные на постой к старухе Соваж из новеллы Ги де Мопассана, «понимая ее тоску и тревогу о сыне — ведь у них дома тоже остались матери, — всячески ухаживали за ней. Впрочем, и сама она благоволила к своим четырем врагам, ибо патриотическая ненависть свойственна только высшим классам — крестьянам она чужда» [14, с. 164]. Но узнав о гибели единственного сына, она хладнокровно сжигает их в своем доме.

Руководствуясь чувством ненависти, «какую вызывал у них этот незнакомый и одерживающий победу за победой народ» [8, с.56], герои рассказа Ги де Мопассана «Два друга» принимают смерть, но не выдают врагу пароль французских аванпостов. Героически борются с захватчиками дядюшка Мерлье и юный Доминик из новеллы Э. Золя «Осада мельницы» [4]. И даже представительницы самой низкой презренной профессии, такие как Пышка или Рашель из рассказа Ги де Мопассана «Мадмуазель Фифи» [9],

испытывая, по словам автора, «патриотическую стыдливость шлюхи» [13, с.24], каждая по-своему включаются в борьбу с общим врагом.

Однако, наиболее массовыми и частыми, к тому же менее рискованными, были пассивные формы сопротивления, выразившиеся в молчаливом презрении к захватчикам. Так, из рассказа Ги де Мопассана «Мадмуазель Фифи» мы узнаем, что кюре одной из нормандских деревень с приходом туда пруссаков наотрез отказался после этого звонить в церковный колокол. «Он скорее пошел бы на расстрел. В этом выражался его протест против оккупации, беззлобный, молчаливый протест, единственный, по его словам, вид протеста, подобающий священнику, чье орудие – кротость, а не кровь» [9, с.49]. И все село поддержало в этом своего пастыря, «считая, что таким безмолвным протестом оно оберегает честь нации. Крестьянам казалось, что они служат родине не хуже Бельфора и Страсбурга, что они подают такой же достойный пример, который обессмертит название их села» [9, с.49]. Поскольку во всем остальном местные жители проявляли услужливость и покорность, немцы снисходительно терпели этот «немой патриотизм».

Формой протеста стал и поступок учителя французского языка из рассказа А. Доде «Последний урок». Изгнанный, из одной из школ Эльзаса, аннексированного немцами, он, в знак протеста, завершил свой последний урок в классе тем, что написал на доске большими буквами фразу «Да здравствует Франция!» [2, с.509].

Таким образом, народная война 1870–1871 гг. включала в себя, как деятельность организованных, так и стихийно возникающих партизанских отрядов вольных стрелков, а также индивидуальные акты гражданского сопротивления немецким захватчикам. Она нашла свое отражение в художественных произведениях французских писателей-современников франко-прусской войны. Героическая борьба простых французов с внешним врагом прочно закрепилась в историческом сознании народа Франции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гонкур Эдмон и Жюль. Дневник. М., 1964.
2. Доде А. Последний урок // Избранное. М., 1955.
3. Золя Э. Земля // Собр. соч.: в 18 т. М., 1957. Т. 12.
4. Золя Э. Осада мельницы // Собр. соч.: в 12 т. Тверь, М., 1995. Т. 1.
5. Золя Э. Разгром // Собр. соч.: в 26 т. М., 1964. Т. 15.
6. Молок А. Вольные стрелки во Франции во время войны 1870-1871 годов // ИЖ. 1944. №2-3.
7. Мопассан Ги де. В море // Новеллы. М., 1982.
8. Мопассан Ги де. Два друга // Новеллы. М., 1982.
9. Мопассан Ги де. Мадмуазель Фифи // Новеллы. М., 1982.
10. Мопассан Ги де. Папаша Милон // Новеллы. М., 1982.
11. Мопассан Ги де. Пленные // Новеллы. М., 1982.

12. Мопассан Ги де. Приключение Вальтера Шнаффса // Собр.соч.: в 6 т. СПб., 1992. Т.3.
13. Мопассан Ги де. Пышка // Новеллы. М., 1982.
14. Мопассан Ги де. Старуха Соваж // Новеллы. М., 1982.
15. Филиберта Одебранда. Графиня Фернанда Д' Арнэ. Рассказ времен франко-прусской войны 1870 г. // Геллер Г. Василек. М., 1877.
16. Эркман-Шатриан. Капрал Фредерик. М.-Л., 1943.

В.Ю. Щербаков (Ростов-на-Дону)

«АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»: ОПОРА БУНДЕСВЕРА, ИЛИ ОПОРА НА БУНДЕСВЕР?

Для немцев армия веками была важнейшим институтом, принадлежность к которому во многом определяла статус и положение человека в обществе. Служба в армии являлась почётной обязанностью гражданина, армейские традиции передавались из поколения в поколение, военные пользовались непрерываемым авторитетом и уважением. Вторая мировая война поставила крест на многих армейских традициях немцев, объявленных победителями «милитаристскими» и которые для многих, зачастую, ассоциируются с национал-социализмом. Авторитет военных резко снизился, тем более, что оборона Федеративной республики была во многом передана НАТО, а на территории Германии располагаются войска США. Наконец, с 2011 г. в ФРГ была фактически упразднена всеобщая воинская обязанность и Бундесвер полностью перешёл на контрактную службу. Разумеется, это повысило профессионализм немецких военных, но одновременно ещё больше отдалило армию от народа, тем более, что с конца 1990-х гг. Бундесвер постоянно сокращается. Кроме того, с 2013 г. немецкую армию возглавляет малокомпетентное руководство в лице Урсулы фон дер Ляйен и Аннегрет Крамп-Карренбауэр. Женщины-министры обороны, конечно, весьма знаковое и отчасти даже «модное» явление в Европе, но именно скандалы, связанные с ними, нанесли серию серьёзных ударов по престижу Бундесвера.

Проблема преодоления «разрыва традиций» в армии была взята на вооружение практически всеми партиями «справа от центра», самой одиозной из которых, несомненно, является «Национал-демократическая партия Германии» (НДПГ). В программе этой организации отмечается: «Военная служба, это почётная служба немецкому народу». Кроме того, «вооружённые силы должны выполнять функцию школы нации» [2, с.47]. Поскольку военные традиции прочно ассоциируются с событиями 1933 – 1945 гг. и с крайне правыми, значительная часть немцев старалась не затрагивать армейскую тему, чтобы не быть обвинёнными в правом радика-

лизме и ностальгии по временам нацизма. Одновременно, «традиционные» партии больше озабочены положением в армии гомосексуалистов, «людей различного социального происхождения, имеющих и не имеющих опыта миграции, людей с цветным цветом кожи и женщин» [8, с.54], чем собственно, укреплением её мощи и авторитета.

Созданная в 2013 г. «Альтернатива для Германии» на федеральных выборах 2017 г. с триумфом вошла в Бундестаг, отобрав голоса у всех «традиционных» партий от «Левых» до СвДП. Одним из феноменов АдГ является быстрое и безболезненное преодоление внутрипартийных кризисов, которые не ослабляют, а укрепляют «правых популистов», как именуют их политические противники. В течение нескольких лет, организация, сформированная, преимущественно беспартийными «евроскептиками» и выходцами из ХДС/ХСС, превратилась в партию, которую с полным основанием можно считать «народной». Требование отказа от единой европейской валюты, с которой избиратели первоначально ассоциировали АдГ, быстро дополнилась другими, преимущественно также из арсенала партий «справа от центра». При этом, взяв на вооружение многое из программатики правых радикалов, АдГ одновременно старательно дистанцируется от них. В частности, в формировании партии не принимали участие лица, отметившиеся в радикальных структурах, а выходцев из НДПГ и подобных организаций стараются не принимать в партийные ряды. Деятельность АдГ имеет весьма неоднозначные последствия, меняющие политический ландшафт Германии. Так, с одной стороны «альтернатива» нанесла удар по праворадикальному спектру страны. Партии «справа от центра» несут невосполнимые электоральные потери, а некоторые, как например, «За Германию» даже самораспустились. С другой, АдГ взяла на вооружение многие выигрышные темы, которые ранее эксплуатировались исключительно правыми радикалами – начиная от требования отказаться от евро, до призывов ограничить миграцию. С 2017 г. эти призывы отстаивает партия, отвечающая большинству требования европейской демократии и представленная в Бундестаге. Лишённые налёта «требований правых экстремистов» программные положения АдГ получают широкую поддержку значительной части населения.

Отличительной особенностью АдГ является поддержка силовых структур, прежде всего, армии и полиции. «Обороноспособность Германии необходимо немедленно восстановить», – отмечено в программе партии на выборы в Европейский парламент (ЕП) [7, с.19]. В основополагающей программе и программе на выборы в Бундестаг 2017 г. подчёркивается, что «Германия способна сама себя защитить», но для этого требуется её увеличить, повысить заинтересованность в службе. Одной из основных мер считается возврат ко всеобщей воинской обязанности, поскольку это «сплачивает армию и общество» [10, с. 19].

Представители «Альтернативы для Германии» уверены, что правительство не только ничего не делает для укрепления армии, но и тратит

миллионы евро впустую. Так, лидер фракции АдГ в Бундестаге Александр Гауланд раскритиковал действия Урсулы фон дер Ляйен, которая, по его мнению, превратила Бундесвер в «посмешище нации», занимаясь половым воспитанием в армии и разработкой формы для беременных [3].

Бывший лидер фракции ХДС/ХСС в Бундестаге Фридрих Мерц с горечью отметил, что всё больше военных и сотрудников федеральной полиции становятся сторонниками «Альтернативы для Германии». Мерц также признал, что его партия потеряла часть Бундесвера и федеральной полиции в пользу «альтернативы». По его мнению, основная проблема в том, что силы безопасности следует поддерживать без всяких «если» и «но». В противном случае, силовики «чувствуют себя брошенными собственными работодателями» [9].

Правые популисты активно пользуются подобным положением дел, раздавая представителям силовых структур обещания, которые даже не могут выполнить, поскольку фактически отстранены от принятия принципиальных решений. Любая парламентская инициатива АдГ вызывает подозрение у традиционных партий и блокируется, даже если выглядит вполне рациональной. Особенно это относится к предложениям, касающимся области укрепления обороноспособности. Спектр предложений АдГ, затрагивающих армию достаточно широк. Так, правые популисты выступают за прекращение участия Бундесвера в операциях за рубежом, которые не отвечают интересам Германии. Евроскептики потребовали вывести немецкие части из «афганизирующего» Мали и собственно Афганистана. По словам, представителя комитета по международной политике Бундестага от АдГ Антона Фризена «Если мощнейшая военная держава мира не смогла ничего добиться, то Бундесвер тем более ничего не исправит» [1].

Стараясь завоевать доверие армии, АдГ всё больше пытается позиционировать себя в качестве «партии военных» и активно оттесняет с этой роли ХДС/ХСС. Основа связей «Альтернативы для Германии» с Бундесвером, по мнению влиятельного издания «Шпигель-онлайн», это «поразительно большое число» функционеров и депутатов разных уровней, служивших в армии [12]. Бывших солдат охотно принимают в ряды АдГ, но «ещё более желанны генералы» – отмечает газета социал-демократов «Форвертс». Согласно данным немецкой прессы, в начале 2019 г. не менее 2100 из 35 000 членов АдГ в разное время служили в рядах Бундесвера [11]. Правые популисты используют опасения части немецкого населения реальных и мнимых угроз, от которых, как они считают, могут защитить только силовые структуры и прежде всего, Бундесвер. АдГ не жалеет дифирамбов по отношению к военным и одновременно старается использовать любые просчёты правительственных партий в области оборонной политики. Так, постоянной критике подвергалась бывший министр обороны ФРГ уже упомянутая Урсула фон дер Лейен, которая время от времени допускала весьма неоднозначные высказывания в адрес руководимого ею ведомства. Например, в мае 2017 г. она жёстко рас-

критиковала руководство Бундесвера на всех уровнях, забыв, очевидно, что сама является министром обороны. Фон дер Ляйен заявила, что в армии сложился «неправильно понимаемый корпоративный дух» [4]. После ухода не раз оскандалившейся первой женщины – министра обороны, быстро пере-квалифицировавшейся в первую женщину-председателя Европейской комиссии, её место во главе Бундесвера с июля 2019 г. заняла не менее одиозная Аннегрет Крамп-Карренбауэр. Александр Гауланд отметил, что все вздохнувшие с облегчением после отставки фон дер Ляйен, вскоре поняли, что ошибались, а госпожа Крамп-Карренбауэр явно не имеет ни соответствующей профессиональной квалификации, ни опыта работы на должностях подобного уровня. Лидер фракции АдГ в Бундестаге подчеркнул, что подобное назначение является ещё одним ударом по армии, поскольку «профессиональная компетентность – последнее, что имеет значение в кабинете Меркель, когда речь идет о заполнении министерских должностей» [6]. У евроскептиков была собственная кандидатура на пост министра обороны, но, разумеется, она не была поддержана большинством в немецком парламенте.

27.10.2020 г. фракция АдГ в Бундестаге представила общественности фильм «Бундесвер в ужасающем положении. Почему Германия больше не может себя защитить?» [5]. В фильме современное положение «самой маленькой» за всю историю ФРГ армии было охарактеризовано как «бедственное». По сути, политики АдГ в концентрированном виде представили ужасающее состояние немецкой армии, указали на виновников и обозначили основные направления выхода из кризиса. Фильм вызвал значительный интерес, в том числе и в армейских кругах, однако представители властей фактически его проигнорировали.

Непоследовательная, а зачастую, ошибочная политика «традиционных» и прежде всего, правящих партий пользуется всё меньшей поддержкой в армии. АдГ говорит военным то, что они хотят услышать и обещает то, что они хотят получить. Несмотря на отсутствие доступа к реальным рычагам воздействия на Бундесвер, АдГ завоёвывает всё больше доверия у военнослужащих, которые являются скрытым резервом и союзником правых популистов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. AfD-Bundestagsfraktion fordert den Abzug der Bundeswehr aus Afghanistan [Электронный ресурс] .URL: <https://afdkompakt.de/2019/12/14/afd-bundestagsfraktion-fordert-den-abzug-der-bundeswehr-aus-afghanistan/> (дата обращения:8.07.2020).
2. ARBEIT, FAMILIE, VATERLAND. Das Parteiprogramm der Nationaldemokratischen Partei Deutschlands (NPD) Beschlossen auf dem Bundesparteitag am 4./5.6.2010 in Bamberg 2. Auflage, März 2013. [Электронный ресурс] .URL: https://npd.de/Parteiprogramm_NPD.pdf. (дата обращения:8.07.2020).

3. Bundeswehr soll nicht mehr „Gespött Deutschlands“ sein [Электронный ресурс] .URL: <https://afdkompakt.de/2019/09/19/bundeswehr-soll-nicht-mehr-gespoett-deutschlands-sein/>(дата обращения:11.07.2020).
4. "Die Bundeswehr hat ein Haltungsproblem" [Электронный ресурс] .URL: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2017-04/ursula-von-der-leyen-kritik-haltungsproblem-soldat-terrorverdacht>(дата обращения: 8.08.2020).
5. Die Bundeswehr-Misere: Warum Deutschland sich nicht mehr verteidigen kann! [Электронный ресурс] .URL:https://www.youtube.com/watch?v=9J_H66bcVvs&ab_channel=AfD-FraktionBundestag (дата обращения:1.11.2020).
6. Europawahl Programm. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 9. Europäischen Parlament 2019[Электронный ресурс] .URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD_Europa_wahlprogramm_A5-hoch_web_150319.pdf. (дата обращения:8.07.2020).
7. Gauland/Weidel: AKK als Verteidigungsministerin ist eine Entscheidung gegen die Bundeswehr [Электронный ресурс] .URL: <https://www.afd.de/weidel-gauland-akk-als-verteidigungsministerin-ist-eine-entscheidung-gegen-die-bundeswehr/>(дата обращения:8.07.2020).
8. Grundsatzprogrammwurf VERÄNDERUNG SCHAFFT HALT. Antrag zur 45. Bundesdelegiertenkonferenz von BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN in Karlsruhe, 20. bis 22. November 2020 [Электронный ресурс] .URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/20200828_Grundsatzprogramm.pdf (дата обращения:11.08.2020).
9. Merz besorgt über AfD-Sympathisanten bei Polizei und Militär[Электронный ресурс] .URL: <https://www.msn.com/de-de/nachrichten/politik/merz-verlieren-teile-von-bundeswehr-und-polizei-an-die-afd/ar-AADi892>(дата обращения:8.07.2020).
10. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. Beschlossen auf dem Bundesparteitag in Köln am 22./23. April 2017 [Электронный ресурс] .URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf.(дата обращения:11.08.2020).
11. Wie die AfD um Soldaten wirbt [Электронный ресурс] .URL: <https://www.tagesspiegel.de/themen/agenda/unzufriedenheit-in-der-truppe-wie-die-afd-um-soldaten-wirbt/24142754.html>(дата обращения:8.07.2020).
12. Wie sich die AfD als Soldaten-Partei profilieren will [Электронный ресурс] .URL: https://www.focus.de/politik/experten/buchauszug-extremesicherheit-wie-sich-die-afd-als-soldaten-partei-profilieren-will_id_11151416.html(дата обращения:9.09.2020).

РАЗДЕЛ VI. ПАТРИОТИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

А.Б. Болдырев, А.А. Денисов, А.А. Шишкин

ПАТРИОТИЗМ СЕГОДНЯ – НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО УКРЕПЛЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Происходящие в Российской Федерации процессы общественно-политических и социально-экономических преобразований выдвинули ряд важных, качественно новых задач по созданию суверенного, экономически развитого, цивилизованного, демократического государства, обеспечивающего на деле конституционные свободы, права и обязанности его граждан с полной гарантией их правовой и социальной защищенности.

Успешное решение этих задач требует глубокого осмысления гражданами РФ всего происходящего, выработки активной жизненной позиции и повсеместного вовлечения их в полноценную практическую деятельность в интересах общества и государства. Это предполагает необходимость формирования у граждан и прежде всего у подрастающего поколения, за которым будущее страны, высоких нравственных, морально-психологических и этических качеств, среди которых важное значение имеет патриотизм, гражданский и воинский долг, ответственность за судьбу Отечества и готовность к его защите. Данная проблема не может рассматриваться без тесной связи с процессами и явлениями, происходящими не только в нашем обществе, но и в мире в целом по обеспечению национальной безопасности России.

За последнее время вследствие изменений в социально-экономической, политической, культурной и других сферах общественной жизни произошел спад в деятельности по воспитанию подрастающего поколения, от которого во многом зависит будущее России, ее безопасность.

Определенную озабоченность вызывает одно из ключевых направлений этой деятельности, связанное с созданием условий для воспитания и развития личности гражданина и патриота России, готового и способного отстаивать ее интересы. При воспитании патриотизма как важнейшего явления нашей жизни необходимо учитывать большие и необратимые изменения, происходящие в российском обществе, которые не могут не влиять на сознание и чувства всех его членов.

К сожалению, с началом социально-политических и экономических преобразований в Российской Федерации проявилась негативная сторона этих изменений, выразившаяся в разрушении духовно-нравственных основ нашей жизни.

По данным социологических исследований, в российском обществе значительно изменилось отношение к таким непреходящим ценностям, как Отечество, патриотизм, верность героическим традициям, память о павших за Родину, долг, честь, достоинство, знание истории своего народа, готовность к самопожертвованию и др. Акценты в социально-нравственных ориентирах значительной части общества, особенно молодежи, резко сместились в сторону прагматизма и конъюнктуры, с ярко выраженными проявлениями эгоистичного, антисоциального и антигуманного характера. На практике это проявляется в том, что многие молодые люди относятся к выполнению важнейших гражданских обязанностей безответственно, проявляют социальную незрелость и бездуховность, нетерпимость и даже агрессивность, одной из форм которой является прогрессирующая подростковая преступность. Естественно, что общество, важнейшие государственные институты которого страдают некоторыми недугами, не имеет условий для нормального развития. Это в полной мере коснулось и Вооруженных сил, обеспечение жизнедеятельности которых достигается все с определенными проблемами.

Одной из причин создавшегося положения является снижение роли и значения военно-патриотического воспитания молодежи, организация которого далеко не в полной мере удовлетворяет потребности и интересы вооруженной защиты, национальной безопасности государства. К сожалению, эта проблема не вызывает тревоги ни у широкой общественности, ни у тех, кто осуществляет руководство этой деятельностью. В аналогичном состоянии находится и система допризывной подготовки молодежи к военной службе, функционирование которой ввиду отсутствия приемлемой альтернативы ограничивается лишь задачей обеспечения комплектования Вооруженных сил РФ.

Деятельность социальных и государственных институтов, организаций и ведомств, участвующих в решении этих задач, но не имеющих научно обоснованных, соответствующих современным реалиям концептуальных подходов и установок к проблеме патриотического воспитания, характеризуется неопределенностью и бессистемностью, проявляющихся в лучшем случае в проведении мероприятий второго плана. За последнее время механизм координации и организации деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и военного управления по воспитанию подрастающего поколения на всех ее уровнях окончательно разладился, а используемые и затрачиваемые средства дают все меньший эффект. Одна из причин этого – недостаточная работа в осуществлении патриотического воспитания и ослабление управления важнейшими звеньями и механизмами деятельности со стороны руководства.

Естественно, что в этих условиях проблема военно-патриотического воспитания становится одной из актуальнейших, ибо она оказывается в эпицентре ряда проблем безопасности нашего государства.

Следует отметить, что с началом перестроечных процессов в нашем обществе роль и значение военно-патриотического воспитания (как, впрочем, и воспитания вообще) потеряли былую актуальность, а деятельность, направленная на развитие патриотизма у молодежи, подверглась неумолимой и деструктивной критике, в чем особенно преуспели средства массовой информации. Это в значительной мере способствовало дискредитации не только существующей практики патриотического воспитания, огромного опыта в его организации и проведении, но и самой идеи формирования и развития личности гражданина-патриота. Вследствие этого проблема воспитания такой личности намного обострилась. Это обусловлено отсутствием глубоких теоретических основ, воплощенных в научную концепцию, открывающую пути комплексной реализации задач, связанных с идеей возрождения обновленного Отечества и необходимости его защиты и обеспечения его безопасности. В связи с этим становятся все более неотложным решение задачи фундаментального и всеобъемлющего рассмотрения комплекса проблем, накопившихся в сфере патриотического воспитания. Это требует глубокого изучения и всестороннего анализа всех происходящих в обществе изменений, процессов, явлений, оказывающих влияние на воспитание современной молодежи и учета в практической реализации дела. Огромное значение приобретают поиск и разработка принципиально новых подходов к созданию качественно иных основ для работы с подрастающим поколением, учитывающих систему его ценностей и интересов, соответствующих важнейшим тенденциям развития нашего общества и его военной организации.

Внешние и внутренние условия жизни страны, реформирования Вооруженных Сил определяют огромную значимость работы по военно-патриотическому воспитанию на приобретенное место в военном строительстве.

Исходя из этого, руководствуясь в своей деятельности указом Президента РФ «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» и Федеральным законом РФ «О воинской обязанности и военной службе», «Концепцией военно-патриотического воспитания», постоянно совершенствуются формы и методы военно-патриотического воспитания молодежи.

Благодаря принятым мерам значительно улучшилось положение с подготовкой юношей к службе в армии.

Во всех районах при главах местного самоуправления созданы координационные советы по военно-патриотическому воспитанию.

В городах определены учреждения для организации учебных центров по курсу «Основы военной службы».

На территориях областей действуют военно-патриотические объединения, движения, клубы, специализирующиеся на поисковой работе, развитии военно-патриотических видов спорта, углубленном изучении ОБЖ, военно-патриотическом воспитании. Процесс создания военно-

патриотических объединений продолжается.

В областях силами военных комиссариатов совместно с местной администрацией организованы оборонно-спортивные лагеря.

Для упорядочения работы в данном направлении во всех военных комиссариатах осуществляется планирование военно-патриотического воспитания.

Благодаря тесному взаимодействию военных комиссариатов городов и районов с главами местного самоуправления решаются многие вопросы подготовки молодежи к службе в армии, выделения денежных средств для проведения мероприятий, направленных на подготовку юношей к службе в армии.

Военные комиссариаты работают в тесном контакте с департаментом по образованию и науке, руководствуясь в своей деятельности методическими рекомендациями по осуществлению военно-патриотической работы в воинских частях, военно-учебных заведениях, военных кафедрах гражданских ВУЗов, в общеобразовательных школах, средних профессиональных заведениях и оборонно-спортивных оздоровительных лагерях.

Департаментами городов по образованию и науке предпринимаются меры по восстановлению (ремонту) к новому учебному году во всех учебных заведениях полос препятствий, оборудованию в коридорах и других удобных помещениях нестандартных перекладин и много спортивного инвентаря для развития силовой и физической выносливости юношей. Учебным заведениям предлагаются формы и методы работы с использованием опыта суворовцев, кадетов, скаутов, юных пограничников, моряков, десантников и других формирований и движений патриотов.

Заслуживает внимания и тот факт, что работа по военно-патриотическому воспитанию с призывниками не заканчивается днем их призыва в Вооруженные Силы.

Назначение Российской оборонной спортивно-технической организации (РОСТО) – это подготовка граждан по военно-учетным специальностям с целью их дальнейшего призыва в ряды Вооруженных Сил РФ как квалифицированных специалистов.

Учебные организации РОСТО готовят граждан по военно-учетным специальностям: водителей автотранспортных средств категории «В» и «С»; водителей колесных бронетранспортеров; операторов радиолокационных станций.

Отметим пути совершенствования деятельности военных комиссариатов по организации и осуществлению военно-патриотического воспитания, формированию чувства гражданской ответственности по защите Отечества:

а) установление тесных контактов военными комиссариатами с местными органами власти, общественными организациями и объединениями и проведение совместных мероприятий по военно-патриотическому

воспитанию молодежи;

б) организация призывной комиссии встреч с ветеранами войны, труда и участниками локальных конфликтов, представителями воинских частей,

приглашение на встречи родителей призывников;

в) привлечение призывников к возложению венков к памятникам, мемориалам в Дни воинской славы и государственные праздники;

г) проведение торжественных проводов призывников в Вооруженные Силы России совместно с местными органами власти и ветеранскими организациями;

д) поддержание постоянных контактов с призванными в Вооруженные Силы;

е) установление и поддержание военно-шефских отношений между администрацией, трудовыми коллективами и воинскими частями, в которых проходят службу призывники (направление делегаций в части в дни праздников и принятия воинской присяги);

ж) в целях военно-патриотического воспитания использование военнослужащих-отпускников для встреч с призывной молодежью в трудовых коллективах и школах;

з) вовлечение военнослужащих запаса, особенно проходивших службу в Чеченской республике, «горячих» точках, принимавших участие в антитеррористической операции, в работу по военно-патриотическому воспитанию и подготовке молодежи к службе в армии;

и) создание в военных комиссариатах стендов, содержащих информацию о службе их воспитанников;

л) объективное освещение в средствах массовой информации условий службы и жизнедеятельности в армии;

м) организация выступлений с докладами и беседами ветеранов войны и военнослужащих запаса на «уроках мужества» в школах;

н) проведение «Дней призывников», а также вечеров вопросов и ответов с родителями призывников;

о) работа по увековечению памяти отличившихся воинов, павших смертью героя при выполнении служебного долга.

Только используя все возможности воспитания в указанных направлениях, можно добиться положительных результатов в формировании у подрастающего поколения чувства гражданского долга.

Правительство Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления совместно с Министерством обороны Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, в которых настоящим Федеральным законом предусмотрена военная служба, и должностными лицами организаций обязаны систематически проводить работу по военно-патриотическому воспитанию граждан.

Гражданам, прошедшим подготовку в военно-патриотических мо-

лодежных и детских объединениях «Юнармия» предоставляется преимущественное право на зачисление в избранные ими военные училища при условии соответствия всем требованиям к поступающим в военные образовательные учреждения профессионального образования. Подготовка, полученная гражданами в военно-патриотических молодежных и детских объединениях, учитывается призывными комиссиями при определении вида и рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации, а также других войск, воинских формирований и органов, в которых они будут проходить военную службу. Положение об указанных объединениях утверждается Правительством Российской Федерации.

Финансирование деятельности по военно-патриотическому воспитанию граждан осуществляется за счет средств федерального бюджета. Дополнительное финансирование этой деятельности может осуществляться за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, средств местных бюджетов и внебюджетных средств с согласия собственников этих средств.

Таким образом, в целях дальнейшего развития военно-патриотического воспитания молодежи имеется возможность формулировки их основных практических направлений, в частности:

1. Четкое определение термина «военно-патриотическое объединение». Вместо этого термина в практических мероприятиях по реализации программы военно-патриотического воспитания должны быть четко и однозначно прописаны формы военно-исторических и военно-спортивных клубов, объединений. Таковыми могут быть следующие:

- военно-исторические клубы разных направлений: от рыцарей до II-й Мировой войны;
- военно-спортивные объединения молодежи: разведчики (скауты), «сокола», туристические секции;
- спортивные секции прежде всего борьбы, дзюдо, каратэ, шахматы;
- военно-прикладные виды спорта: стрельба, биатлон;
- поисковые отряды как по захоронению погибших воинов (советских, немецких и других), так и по технике;
- технические кружки: авто- и мото- техника, военная техника;
- парашютные секции, авиационные клубы, юных моряков и дельтапланеризм;
- исторические и географические кружки и общества и т.д.

2. Добиться реальной государственной финансовой, материальной и другой помощи, а не ее имитации. Выделять помещения с оплатой коммунальных услуг под клубы и объединения, а не только коммерческим структурам. Предоставлять гаражи или территорию для авто- мото-клубов. Заставить местных чиновников работать в интересах государства, а не в своих личных или местных интересах. Расширение штата оплачиваемых должностей руководителей объединений, прежде всего из уволен-

ных в запас офицеров и специалистов.

3. Создание бесплатных клубов и мест отдыха для «трудной» и малоимущей молодежи. Оборудование компьютерных классов, бильярда и других досуговых площадок, которые реально могут отвлечь трудных подростков от «уличных» развлечений.

4. Создание молодежной «военно-спортивной» моды – на прически, одежду и здоровый образ жизни. Бесплатные поставки (в том числе и гуманитарной помощи из-за границы) военной и военизированной формы объединениям. Разработка фирменных нарукавных знаков и значков объединений. Создание «моды» на фамильные гербы и флаги.

5. Пропаганда (с помощью СМИ) и введение моды, традиций на Российскую государственную символику. Вывешивание национальных флагов в домах, учреждениях и на автотранспорте в дни государственных праздников, политических или спортивных событий.

6. Посещение (централизованное) военно-исторических музеев и военно-исторических праздников в России и за рубежом. Использование для этого «школьных» и военных автобусов. Командиры воинских частей должны получить четкую команду на помощь в проведение военно-исторических праздников. Префекты должны выделять школьные автобусы для посещения школьниками вместе с представителями власти (для получения опыта)

7. Посещение (централизованное) воинских частей. Одно-, двух-дневные или недельные сборы для старшеклассников в качестве подготовки к воинской службе. Лагерные сборы – один из вариантов альтернативы срочной воинской службе. В сочетании с п.4 – четкой символикой, флагом и девизом команд, устраивать соревнования и «бои» по возрожденной системе «Зарница» (основанной при императоре Петре I как «потешные войска»). При введении эффективной государственной программы военно-патриотического и военно-спортивного воспитания армия вообще может стать профессиональной.

8. Пропаганда и введение моды на коллекционирование военно-спортивной тематики. Модели военной техники, шевроны и знаки различия, военные значки, историческое оружие, ордена и медали Русской и армий «вероятного противника».

9. Отмечать праздники и памятные даты не только Великой Отечественной войны, но и периода Петра Великого, Суворова, Кутузова и первой мировой («Великой») войны. Разыгрывание военно-исторических сражений, панихиды и отдание воинских почестей русским воинам различных исторических эпох силами общественных организаций, военно-исторических клубов, префектур и Министерства обороны. Проведение музейных и художественных выставок.

10. Государственная дотация или выдача грантов журналам военно-исторической и военно-технической тематики, тем, кто реально издает

необходимую, справочную литературу, а не умеет получать гранты.

11. Более широкое освещение в СМИ деятельности военно-исторических и военно-спортивных объединений. Показ военно-исторических праздников как «День Бородино» не пару минут по одному телеканалу, а больше. Бесплатное оповещение телезрителей о местах и времени проведения военно-исторических праздников и военно-спортивных мероприятий, а не показ прошедших событий. Работа на популяризацию данных мероприятий.

12. Расширение системы кадетских корпусов как подготовка не только к службе в Вооруженных силах, но и как подготовка к государственной службе. Учеба в кадетском корпусе должна быть более престижной, чем в обычной школе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 г. N 1493).
2. Российский патриотизм: истоки, содержание, воспитание в современных условиях: учебное пособие / Быков А. К. и др.; под общ. ред. А. К. Быкова и В. И. Лутовинова. М., 2010.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗ	Археологические записки
БГ	Былые годы. Российский исторический журнал
ВАНЧР	Вестник Академии наук Чеченской республики
ВМНО	В мире научных открытий
ВНМСПВ	Вестник Научно-методического совета по природообустройству и водопользованию.
ВОГУ	Вестник Оренбургского государственного университета
ВТГУ	Вестник Тюменского государственного университета
ВТД	Вестник Технологии и дизайна
ГАКК	Государственный архив Краснодарского края
ДРВМ	Древняя Русь. Вопросы медиевистики.
ИВУЗ СКРОН	Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону.
ИЖ	Исторический журнал
ИСОИГСИ ШМУ	Известия Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Школа молодых исследователей
ИСОМ	Историческая и социально-образовательная мысль
ИСОНИИ	Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
КИП	Культурно-историческая психология
МФКМ	Математическая физика и компьютерное моделирование
НИВ	Новый исторический вестник
НО	Научное отражение
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСЗ	Полное Собрание Законов Российской империи
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РР	Региональное развитие: электронный научно-практический журнал.
УЗ ВОИАИ	Ученые записки второго отделения Императорской Академии наук
ЦДНИКК	Центр документации новейшей истории Краснодарского края
ЦДНИРО	Центр документации новейшей истории Ростовской области
ЦИАГ	Центральный исторический архив Грузии
RS	Russkaya Starina
УЖ	Український Історичний журнал
МАН	Magna adsurgit: historiastudiorum

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Н. КОРОЛЕВА

Мининков Н.А., Шалак М.Е.	5
ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ТРУДАХ В.Н. КОРОЛЕВА	
Перетьяко А.Ю.	12
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ В.Н. КОРОЛЕВА КАК УЧЕНОГО И КАК ПЕДАГОГА	
Тикиджьян Р.Г., Иванов К.К.	17
ЭТНО-СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТРЕТ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА XIV–XIX ВВ. В ОЦЕНКАХ В.Н. КОРОЛЕВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ	

РАЗДЕЛ II.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА РОССИИ

Юрченко И.Ю.	27
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАЧЕСТВА: ОБЗОР ТЕМАТИКИ И СТАТИСТИКА ПУБЛИКАЦИЙ 2019 Г.	
Евдокимов Р.Н., Юрченко И.Ю.	34
ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ И ИСТОРИОГРАФИИ	
Годовова Е.В., Чашин В.Б.	41
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СПЕЦИФИКА ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА	

РАЗДЕЛ III.

ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЮГА РОССИИ

Шейхумеров А.А.	45
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРЕСТИЖНОСТИ СРАЖЕНИЯ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ	
Великанов В.С.	50
МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ЗИМОЙ-ВЕСНОЙ 1679 Г.	
Захаревич А.В.	55
ДВА СТАРШИХ БРАТА «ДОТЯНУЛИ» МЛАДШЕГО ДО ГЕНЕРАЛЬСКОГО ЧИНА (ДОКАВКАЗСКАЯ СЛУЖБА ГРАФА ИВАНА КОНСТАНТИНОВИЧА ИВЕЛИЧА 3-ГО)	
Андреев А.О.	60
ИЗ ИСТОРИИ И ПРЕДЫСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И СЛУЖБЫ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИВИЗИОНА В Г. ВАРШАВЕ ЗА 1830–1917 ГГ.	
Изыумский А.Б.	66
ПОЛИЦЕЙСКАЯ СЛУЖБА ДОНСКИХ КАЗАКОВ И ДОНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ	
Исакова М.А.	79
ГУНДОРОВСКИЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ ПОЛК В ЛАГЕРЕ ЧИЛИНГИР В 1920-1921 ГГ.	
Аверьянов А.В., Грядский Д.М.	84
НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1941– НАЧАЛЕ 1942 ГГ. (ПРОБЛЕМЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ)	

РАЗДЕЛ IV.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

Матвеев В.А.	89
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕССА	

Рахно К.Ю.	96
ОПОР БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО В УКРАИНСКОЙ ЛЕГЕНДЕ: СТЕПНЫЕ ИСТОКИ ОБРАЗА	
Яровой А.В.	101
ВОЕННАЯ ИГРА ДЕТЕЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ СТАРОЧЕРКАССКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА (ПО ЗАПИСКАМ А.А.МАРТЫНОВА)	
Подвальнов Е.Д.	106
БАТАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ НА ИКОНАХ СЮЖЕТА «БИТВА НОВГОРОДЦЕВ С СУЗДАЛЬЦАМИ» XV – НАЧ. XVIII ВВ.	
Нечипорук А.А.	111
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ РОСТОВА-НА-ДОНУ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	
Козлов С.С.	118
АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ХРАМ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ	
Власкина Т.Ю.	123
НЕМОТИВИРОВАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ЗАПИСЯХ 1980-Х ГГ. (ИЗ ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ ЮФУ)	
Скорик А.П.	123
ЦЫГАНСКИЙ КОЛХОЗ НА ЗЕМЛЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ	

РАЗДЕЛ V.

ВОЙНЫ И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Михайлов В.Б.	135
БИТВА ПРИ ОРКИНИЯХ НА ЗАРЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (320 Г. ДО Н.Э.)	
Подольников В.П.	139
ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСАТЕЛИ О БОРЬБЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ С ГЕРМАНСКИМИ ОККУПАНТАМИ В ГОДЫ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ	
Щербаков В.Ю.	144
АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»: ОПОРА БУНДЕСВЕРА, ИЛИ ОПОРА НА БУНДЕСВЕР?	

РАЗДЕЛ VI.

ПАТРИОТИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Болдырев А.Б., Денисов А.А., Шишкин А.А.	149
ПАТРИОТИЗМ СЕГОДНЯ – НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО УКРЕПЛЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ	
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	157
СОДЕРЖАНИЕ	158

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ВОЙНА И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ
В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ
ЮГА РОССИИ**

**«КАЗАЧЕСТВО РОССИИ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ
И АЗИЕЙ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО
И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(К 80-летию со дня рождения выдающегося
историка казачества В.Н. Королева)»**

IX ТОКАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

**г. Ростов-на-Дону,
9 октября 2020 г.**

Редакторы:

А.Л. Бойко, А.В. Яровой

Верстка А.Л. Бойко

Сдано в набор 27.03.2021. Подписано в печать 02.04.2021.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. 11 п.л.

Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:

г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.

Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.

Е-mail: oooaltair_office@mail.ru.

<http://altair-rostov.ru/>

Заказ № 295.